

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2021

№ 3 (58)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПАЦИФИКИ

- От редактора рубрики 5
- Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г.**
Геоинформационное картографирование ареалов жизнедеятельности коренных малочисленных народов в природных ландшафтах Дальневосточного федерального округа 8
- Березницкий С. В.** Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амурсахалинского региона 24
- Старцев А. Ф.** Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья 30
- Краюшкина Т. В.** Культурный ландшафт в системе ценностей восточных славян Приморья (на материале прозаических жанров фольклора XX в.) 38

Круглый стол

- Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Дышин А. В., Журбей Е. В., Паначёва А. С., Родионов В. А., Самойленко П. Ю.** От Азиатско-Тихоокеанского к Индо-Тихоокеанскому региону: концепт и его воплощение 48

Историческое регионоведение

- Бикбов М. М., Галимова Ю. Ш.** От окулистических "летучих" отрядов до офтальмологических бригад по обследованию населения 61
- Подмаскин В. В.** Краеведческая деятельность врача Николая Васильевича Кирилова на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) 69
- Попов Ф. А.** Вторая сессия Несоциалистического Съезда во Владивостоке (11–25 июня 1921 г.): основные проблемы Приморья после антибольшевистского переворота и дискуссии вокруг них 76
- Караман В. Н.** Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.) 90

Экономика и природопользование

- Наумов Ю. А.** Об особенностях загрязнения поверхностных вод на территории Дальнего Востока России 102

Социальные и демографические структуры

- Лушникова О. Л.** Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы 113

Владивосток
2021

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Будаев Б. С. Институциональный параметр "силы"
региональных отделений всероссийских партий
в Дальневосточном федеральном округе **126**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Журавлева Н. С. Республика Корея в Африке: "Мягкая
сила" как базовый инструмент политики **134**

Редакционная коллегия:

А. Г. Филипова (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова,
К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, С. М. Дударёнок, Е. В. Журбей (ответственный
редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников,
Г. Кристофферсен, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко,
А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Т. Г. Римская, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов,
Н. В. Хисамутдинова, О. И. Шестаков, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий,
рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: ETHNOCULTURAL LANDSCAPES OF THE NORTHWEST PACIFIC

From the editor of the heading	5
Bocharnikov V. N., Egidarev E. G. Geoinformation mapping of indigenous peoples in the natural landscapes of the Far Eastern Federal District	8
Bereznitsky S. V. Sacred landscapes and ethno-cultural projections of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region	24
Startsev A. F. Etymology of Chinese and traditional toponyms of the Tungus-Manchu ethnic groups of Primorye	30
Krayushkina T. V. The cultural landscape in the value system of the Eastern Slavs of Primorye (based on the material of prose genres of folklore of the 20th century)	38

ROUND TABLE

Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Garusova L. N., Dyshin A. V., Zhurbey E. V., Panachyova A. S., Rodionov V. A., Samojlenko P. Yu. From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Concept and Implementation	48
--	----

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Bikbov M. M., Galimova Yu. Sh. From ophthalmological flying squads to eye care teams for the examination of the population	61
Podmaskin V. V. Local history activities of the doctor Nikolai Vasilievich Kirilov in the Far East of Russia (late 19th – early 20th centuries)	69
Popov F. A. The second session of the Non-Socialist Congress in Vladivostok (June 11–25, 1921): the main problems of Primorye after the anti-Bolshevik coup and discussions around them	76
Karaman V. N. Vladivostok Fortress in the context of Russian military-defense policy in the Far East (1879–1923)	90

ECONOMY AND NATURE

Naumov Yu. A. On the features of surface water pollution in the Russian Far East	102
---	-----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Lushnikova O. L. Altay people, Tuvans, Khakass people: involvement in urban processes	113
--	-----

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

Budaev B. S. The institutional parameter of the "strength" of regional branches of all-Russian parties in the Far Eastern Federal District **126**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Zhuravleva N. S. The Republic of Korea in Africa: Soft Power as a Basic Tool of Foreign Policy **134**

Editorial board:

A. G. Filipova (Editor-in-chief), Ya. A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, S. M. Dudaryonok, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, G. Kristoffersen, A. M. Kuznetsov, Yu. V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu. A. Naumov, T. G. Rimskaya, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, N. V. Khisamutdinova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Время и пространство – базовые категории культуры. На переживании, осознании и интерпретации этих категорий строится любая культурная «грамматика». Протяженность, разнородность и связность пространств Дальнего Востока России давно стали его образом и отчасти брендом. Значительную роль в формировании образа отдельных районов играют локальные этнокультуры с уникальными практиками взаимодействия человека и природной среды. Понимание пространства культуры как физического ландшафта ее вмещающего и как «картины мира» в голове – основная, но не единственная оппозиция.

Согласно географическому определению, ландшафт представляет собой однородную по происхождению и развитию территорию, с присущими ей специфическими природными ресурсами. Сам термин *landschaft* пришел из немецкого, близок по смыслу к пейзажу или виду местности. В английском есть деление на *landscape* (the visible features of an area) и *region*. Принципиальная разница в том, что последний термин произведен от латинского *regere* – «править, управлять, направлять». Таким образом, регион понимается как «управляемый политическим обществом природный ландшафт». Данная смысловая нюансировка позволяет точнее определять границы и контекст употребления терминов. Для коренных малочисленных народов использование термина «ландшафт» более правомерно, так как их идентичность непосредственно связана с территорией проживания, что признается и законодательством (Закон о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и др.). То есть ландшафт – важнейший источник как юридических правоотношений, так и социокультурной идентичности.

Попутно заметим, что ландшафт (особенно культурный) в массовой культуре не имеет строгих смысловых границ и представляет собой совокупность точек с небольшими и неясно очерченными окрестностями, притом это представление центрировано по месту постоянного или рекреационного пребывания (В.Л. Каганский). Центром мира всегда выступает «идиоландшафт» конкретного индивида. Информационно-аксиологический подход (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова и др.) ставит акцент на понимании культурного ландшафта как явления, в формировании которого значительную роль играют передаваемые в виде информации от поколения к поколению духовные и интеллектуальные ценности, которые, в свою очередь, испытывают на себе влияние материальных компонент ландшафта. Отдельные школы социологии и отчасти социальной антропологии отказываются придавать большое значение пространству или «территориальной идентичности» как автономной категории анализа, пространство социальной системы часто лишь подразумевается или имеет подчиненное значение. Для постиндустриальных стран в век современных транспортных и информационных технологий это кажется очевидным. «Мир без границ» стал возможен сравнительно недавно. Дело не в снятии – полном или частичном – визовых ограничений, а в первую очередь в технических возможностях ускорения коммуникации. Сначала посредством развития транспортных технологий случилась так называемая «смерть расстояний». С развитием средств связи и, позднее, сети Интернет произошли также изменения в мотивационных схемах движения людей. Вслед за снижением цены акта общения изменились и стили коммуникации. П. Бергер и Т. Лукман предлагали «игнорировать» пространственную структуру при исследовании мира повседневной культуры, обращая внимания только на временную. В географической науке пространство в его физических формах анализируется как морфологическая структура или условие хозяйства, где часто исследуется соотношение природных и антропогенных факторов его изменения. Фактор ландшафта как будто ушел из анализа повседневной жизни человека. Как следствие, из некоторых схем анализа исчезает «локальный человек» с его идиоландшафтным восприятием.

Еще одним аспектом исследования может служить маркирование географических границ и объектов – способ консолидации массового сознания и мобилизации общности (подобно гербу или флагу) вокруг географических объектов, осмысленных как важный элемент культуры в целом (река Волга, гора Фудзи и т.п.). Мы видим, что на уровне сельской культуры и в большей степени культуры коренных народов тонкое знание нюансов местности находит свое более полное воплощение в топонимике, локальной мифологии, легендах мест и отдельных объектов, народных промыслах и декоративном искусстве, нежели в современной урбанизированной среде.

В пределах Дальнего Востока России – от Чукотки до Приморья – проживает около двадцати народов, отнесенных законодательством к категории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (примерно половина всего Перечня). Для всех их, места традиционного проживания являются базовым условием сохранения культуры и собственной идентичности. Сложность объекта – историко-культурного ландшафта (ИКЛ) – является необходимым основанием для междисциплинарных и кросскультурных исследований. В настоящем выпуске мы обратимся к анализу этнокультурного ландшафта как значимой части ИКЛ, произведенному как раз специалистами разных направлений – географами, этнологами, филологами. Откроет рубрику работа В.В. Бочарникова, посвященная обсуждению результатов геоинформационного картографирования этнических ареалов коренных малочисленных народов в ландшафтах и территориально-административных субъектах Дальневосточного федерального округа. Автор предлагает рассматривать крупные целостные территории дикой природы в качестве гарантированных государством возможностей сохранения природного разнообразия российского Дальнего Востока. Степень сохранности крупных природных геосистем (дикой природы) для физико-географических областей и крупных ландшафтных групп России Дальнего Востока различны. Также обсуждается значимость государственной поддержки традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в качестве компоненты экологической политики как таковой.

Элементом символического «присвоения территории» является сакрализация пространства. В работе С.В. Березницкого анализируется как именно сакральные ландшафты коренных народов амуро-сахалинского региона (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) оказывают ментальное влияние на процесс возникновения этнокультурных проекций. Феномен «этнокультурной проекции» понимается автором как механизм перенесения качеств внешнего объекта, явления на субъект. Под внешним объектом подразумеваются сакральные ландшафты, комплексы петроглифов, этнографические экспонаты, а роль субъекта играют представители указанных этносов. Этнокультурные проекции проявляются в контексте мифологического восприятия сакральных ландшафтов, воссоздания коллективной памяти в результате осмысления этнографических материалов, различных видов материального и нематериального культурного наследия.

Свойства ландшафта закрепляются в этнической топонимике, которая имеет устойчивость во времени. На примере этимологии традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья А.Ф. Старцев исследует сохранность географических названий – гидронимов, оронимов и ойконимов – в памяти аборигенного населения. В средние века племена воцзи, уцзи, удаха и другие предки современных удэгейцев, нанайцев, орочей и иных аборигенов края расселялись по территории Приморья дисперсно, начиная от границ современной Кореи и вплоть до низовьев Амура, включая все побережье Японского моря, прилегающие территории оз. Ханка, бассейнов рек Сунгари, Уссури и других мест. Аборигены края, осваивая эти территории, называли их с учетом промысловых, природных и этнических особенностей, и сохраняли эти топонимы в своей памяти сотни лет. С изменением этнического состава менялись и географические названия. Это особенно стало заметным с появлением в крае китайских отходников, которые оказали значительное влияние на изменение топонимов в крае, что и было зафиксировано на географических картах и отражено в публикациях отечественных исследователей. Во второй половине 70-х гг. XX столетия было принято решение о замене китайских топонимов в крае, оставляя при этом аборигенную топонимику.

Юг Дальнего Востока России с середины XIX в. (а север – с XVII в.) колонизировался преимущественно славянским населением. Сегодня можно говорить о прочном переплетении элементов коренных и переселенческих культур в структуре ИКЛ. В статье Т.В. Краюшкиной на материале сказочной и несказочной прозы восточных славян, зафиксированной в Приморском крае в XX в., исследуется реализация представлений о культурном ландшафте. Делаются выводы о том, что каждый из исследованных жанров обладает индивидуальным набором представлений о культурном ландшафте и спецификой их реализации, при этом в совокупности жанры фольклорной прозы отражают как мифологические воззрения, традиционную систему представлений о пространстве, так и бытовое восприятие ландшафта, при этом сами реалии наделяются порой противоположными признаками. Реализованные в фольклорной прозе представления о культурном ландшафте апеллируют к ряду духовно-ценностных ориентиров восточных славян.

Надеемся, наша рубрика будет интересна читателю и послужит поводом для дальнейших научных проектов и дискуссий, направленных на анализ формирования и развития культурных ландшафтов Дальнего Востока.

Ю. В. Латушко

УДК 502.3\347.173

Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г.

Геоинформационное картографирование ареалов жизнедеятельности коренных малочисленных народов в природных ландшафтах Дальневосточного федерального округа

Наш мир быстро развивается, на окружающую человека природную среду оказывают влияние миллионы факторов, связанных с человеческой деятельностью. Культура человека формирует наглядно облик антропогенного ландшафта, а природное наследие становится ценным лишь с антропоцентрических позиций. Деятельность людей сейчас во все в большей степени "стирает" уникальность мировых экосистем, что является основанием для обозначения особого универсального антропогенного ландшафта. Социум существует во многих форматах, но перестает выступать в главном – быть особым миром гармоничного приспособления человека к природе. Теряется сам смысл хранения высокоэффективных адаптационных способов биологического выживания человека.

Глобализация поставила в острой форме проблему измерения рисков человеческой деятельности, выраженных через количественную меру как вероятность и реалистичную возможность наступления нежелательных событий и опасностей [26]. Простая формула монополярного мирового порядка перестала действовать к началу третьего тысячелетия, чему подтверждением стали экономико-политическая нестабильность мира и потрясающие его регулярно глобальные кризисы разного происхождения и "окраски" [132, с. 28]. Во всем мире наблюдается кризис жизнедеятельности тех народов, что еще способны обращаться к традиционным знаниям, но не их ценности и приоритеты развития на совпадают с экономическим мейнстримом глобализации [6].

Академик М.Я. Лемешев (1986) определил эколого-экономическую систему как интеграцию экономики и природы, представляющую собой взаимосвязанное и взаимообусловленное функционирование общественного производства и протекание естественных процессов в природе [22]. В представлениях философов природа в узком смысле, или естественная (неочеловеченная), представляет собой единство всего косного и живого миров, по сути своей беспредельных в границах своего бытия, где в то же время имеется на разделение существующего на естественное и искусственное, исторически еще более давнее [18]. Географические процессы могут рассматриваться в качестве условия, среды и материальной основы развития человеческого общества, а их движущим условием является не истощительное использование человеком природы, или развитие особого типа многофункционального природопользования [15].

Международной декларацией по окружающей среде и развитию (1992), в частности, 22-м принципом установлено¹, что коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды с уче-

¹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

© Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г., 2021

БОЧАРНИКОВ Владимир Николаевич, д-р биол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vbocharnikov@mail.ru

ЕГИДАРЕВ Евгений Геннадьевич, канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** egidarev@yandex.ru

том их знаний и традиционной практики. Мы не можем безгранично увеличивать использование естественных ресурсов в одном месте, в пределах одной экосистемы или геосистемы нижнего уровня иерархии, теряется естественная функциональность природного, и за пределами устойчивости к антропогенному воздействию образуется "экологическая пустыня" [2]. Природный капитал общества, его живые и неживые ресурсы, является ключевым детерминантом благосостояния во всех регионах мира для различных "ячеек" социума.

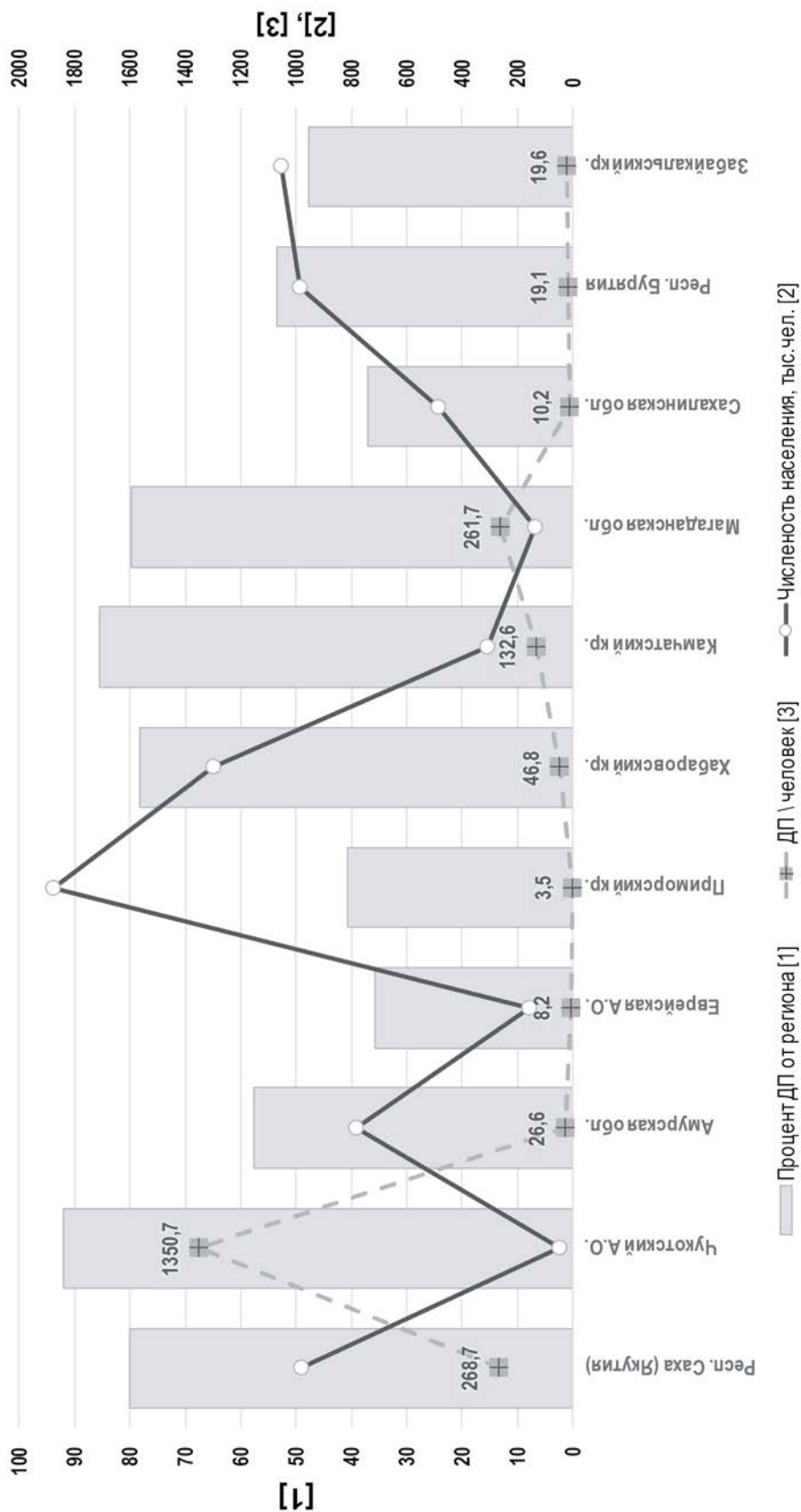
Принципиальная необходимость сохранения функциональных свойств и естественной природы предопределяется базовым требованием природопользования избегать истощительного использования биологических ресурсов и поддерживать экологическую устойчивость природных ландшафтов [16]. Под природопользованием как особым видом человеческой деятельности понимается любая эксплуатация дикой природы, прямое и косвенное потребительское воздействие человека на экосистемы и ландшафты, неизбежно вызывающая изменения в состоянии природной среды. Все формы природопользования, от добычи минеральных природных ресурсов и лесозаготовок до ведения рекреационной деятельности, и экологического туризма, формируют и определяют многие виды специфичных нарушений естественной мозаики пространства. В связи с этим идентификация экосистемных услуг, их экономическая оценка из области теоретических научных исследований должны перейти в практическую плоскость и стать выгодными для России, как экологического донора, в смысле экономической компенсации поддержки экологического равновесия на планете.

Россия, как особенно ее арктические и приравненные к ним северным территории, относится к крупнейшим на планете резерватам дикой природы, с локально существующими поселениями людей в таких крупных регионах как российский Дальний Восток (рис. 1). В этом крупнейшем регионе страны пространственное мышление остро необходимо для ведения устойчивого неистощительного природопользования, таковое, в свою очередь, должно "сочетать в себе и процедурное мышление, т.н. знание того, как надо действовать, и знание декларативное, т. е. совокупность прошлого опыта о тех или иных событиях и действиях" [12, с. 50]. Ведущим же принципом выявления антропогенных изменений может должно служить раскрытие сущности процессов в динамичном комплексе сообществ людей, растений, животных, микроорганизмов и неживой среды, взаимодействующих как функциональное единство в пределах непрерывной территории или акватории, которая может быть любого масштаба [3].

Гуманитарная география должна изучать процессы и результаты дифференциации геокультурных общностей, тех территориальных общностей людей с устойчивыми стереотипами мышления и поведения, оригинальными системами ценностей и предпочтений, выраженными в специфике социальной и политической культуры, находящими свое отражение в геопро пространственной (региональной, локальной и т.п.) идентичности [14]. Этнокультурная география изучает процессы и результаты пространственной дифференциации и организации этнокультурных общностей (в частности, компонентов этнической культуры: традиций и норм поведения, образа жизни и бытового уклада, этнических стереотипов и ментальности в целом). Мы вводим в научный оборот понятие "дикая природа" (ДП) как термин, обозначающий целостные, ненарушенные значимым антропогенным воздействием крупные участки естественных природных ландшафтов [4, 5, 9]. Представляется, что в оптике этнокультурного изучения требуется подтверждение того, что у этносов КМНС исторически выражена более тесная, чем у какого-либо иного социального образования зависимость от условий и качества естественных природных геосистем.

Влияние между этнической культурой и природой существует, и влияние это обоюдное: этносы адаптируются к природной среде, формируя сложнейшую систему связей с природой – особую в каждом регионе, что и является одним из важнейших факторов формирования регионального цивилизационного генотипа [24, с. 109]. Утверждаем, что в пределах российского Дальнего Востока особое влияние имеет антропогенное преобразование природной среды на среду жизнедеятельности коренных малочисленных народов, а наличие природных ресурсов достаточных для того, чтобы обеспечивать полноценную

Рис. 1. Дикая природа и численность населения административно-территориальных субъектов ДФО

Источник: составлено авторами.

возможность осуществления традиционного хозяйства, промыслы, устойчивое поддержание экологически и экономически безопасной жизнедеятельности, здесь представляет собой критический фактор жизнедеятельности [1].

Базовая концепция и методология исследований

Дальневосточный регион исторически представляет собой мультикультурную зону проживания различных этнических групп и народов [20]. Можно уверенно констатировать, что обширная природная территория здесь имеет важное практическое значение в контексте сохранения ценнейшего наследия человечества – территорий проживания и осуществления жизнедеятельности КМНС. К сожалению эта жизнеобеспечивающая зависимость не показывается, и не учитывается должным образом. В современной науке геоинформационный подход предстает как необходимый инструмент, позволяющий оперативно отображать основные зоны антропогенного воздействия, обозначать локализацию природных и историко-культурных ландшафтов, обеспечивать моделирование и организацию обширных разнородных сведений в единое целое, что позволяет понять ценность изучаемой территории [8].

Этнические ареалы КМНС в современных условиях мы полагаем должны определяться в соответствии с показом мест традиционного природопользования, что приобретает особую значимость при разработке направлений дальневосточной региональной политики (рис. 2). Такая информация сейчас отсутствует, например, в содержательном смысле можно отметить, что, если этнокультурную маркировку локаций КМНС можно найти в Национальном атласе России, то установить границы их фактических ареалов жизнедеятельности не представляется возможным по имеющимся в атласе картам [23, с. 226]. Показать это можно только при сопоставлении карт антропогенной нарушенности и этнических ареалов, что и было сделано нами (рис. 2).

Для картографического отображения численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) нами были взяты сведения двух последних переписей населения, а также подготовлены авторские геоинформационные слои, показывающие этнические ареалы КМНС в пределах ДФО. Первоначально эта работа выполнялась по заказу Учебного центра в 2005 г. для всей России [25]. Далее в 2020 г. было сделано уточнение этнических ареалов и их совмещение с рядом природных характеристик территории ДФО. На основании сопоставления физико-географических условий территории ДФО, рассматривая также как территориальную особенность природное разнообразие, существующий природный капитал [21] и локация крупных поселений, где проживают этнические представители были выполнены количественные расчеты доли их в общем населении субъектов и показаны этнические ареалы КМНС. Эти результаты приводятся в таблице 1.

По результатам наших расчетов природных и нарушенных ландшафтов России [10] было установлено, что крупнейший по площади ДФО, содержит в пределах своей территории абсолютное большинство сохранившихся крупных участков ДП, суммарной площадью более пяти млн. кв. км (54,6% от общей площади в России). Для ДФО в современных его границах отмечается присутствие шести языковых семей и 30 этнических групп [27, с. 634–635]. Установлено, что в трех субъектах РФ в ДФО (Камчатский и Хабаровский края, Чукотский АО), территории, используемые для традиционной деятельности проживания КМНС почти на 100% совпадают с их историческим размещением [19]. Таким образом, вполне обоснованным является вывод о том, что сохранение дикой природы будет возможно лишь при условии эффективной государственной поддержки традиционного образа жизни КМНС как "хранителей" дикой природы.

Мы полагали также, что географическую информацию следует согласовывать с историей и этнологией. Таким образом, из народов Восточной Сибири были показаны локация эвенков, проживающих в Забайкальском крае и Республики Бурятии. И полностью отображены этнические ареалы народов Дальнего Востока, относящихся к перечню КМНС, и проживающих в пределах территорий Нижнего Амура (Приамурье).

Для Приморья и Сахалина были рассмотрены места проживания и ведения традиционной жизнедеятельности нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей, удэгейцев, тазов, айнов, алеутов, эвенков, эвенов, ороков). Как народы

Таблица 1. Распространение этнических ареалов КМНС в физико-географических областях в пределах ДФО

Код КМНС на карте (Рис. 2)	КМНС	Код физико-географической области на карте (Рис. 2)	Площадь (кв. км)	Доля территории традиционного проживания и жизнедеятельности КМНС в границах физико-географической области	Степень сохранности ДП во всей физико-географической области, в %
Ал	Алеуты	б	1378,6	98,4	53,6
Чк	Чукчи	б	277678,0	45,4	90,9
		в	87263,3	14,3	94,2
		г	243744,3	39,8	98,7
Чв	Чуванцы	в	6408,9	21,4	100,0
		г	23520,5	78,6	98,1
Эс	Эскимосы	б	5453,4	79,7	83,5
		г	1201,7	17,6	92,7
Эн	Эвены	б	326,6	0,0	93,2
		в	915795,5	65,7	88,8
		г	322398,0	23,1	93,9
		е	79421,0	5,7	90,7
		л	74560,6	5,4	78,3
Ит	Ительмены	д	12683,9	66,0	82,2
		и	6536,9	34,0	94,2
На	Нанайцы	е	18195,0	13,9	79,6
		к	42712,1	32,7	82,2
		л	32843,0	25,2	48,7
		м	36813,3	28,2	72,1
Не	Негидальцы	е	20000,2	51,2	76,7
		к	19056,3	48,8	77,0
Ни	Нивхи	е	18458,2	37,9	50,0
		л	14218,8	29,2	60,6
		м	15523,3	31,9	74,5
Ор	Орочи	м	38842,2	99,9	83,5
Уд	Удэгейцы	м	56616,9	100,0	81,5
Ул	Ульчи	е	35556,3	80,9	66,6
		м	8365,1	19,0	76,0
Юк	Юкагиры	б	1815,7	17,7	100,0
		в	4756,8	46,4	76,5
		г	2656,7	25,9	92,7
		л	1027,1	10,0	60,0

Физико-географические области за пределами этнических ареалов КМНС	в	201164,8	90,2
	г	208689,6	91,0
	д	99022,4	91,4
	е	727520,1	81,2
	и	51723,8	94,2
	к	45805,9	77,8
	л	725799,8	84,0

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Крайнего Северо-Востока были отображены ареалы долган, юкагиров, нганасаны, эвенки, эвены, чукчи, чуванцы, кереки, коряки, ительмены, камчадалы. К сожалению, из-за отсутствия актуальных сведений по численности и размещению КМНС в наши расчеты (см. табл. 1) были взяты лишь 13 этносов.

"Дикая природа" — это идея, концепт, система, теория и практика осуществления деятельности по защите естественных функций и процессов, окружающей человека среды [4]. Наш расчет сохранности естественных природных функций ландшафтов убеждает, что степень сохранности крупных целостных участков дикой природы для некоторых из них невысока (табл. 2). Менее одного процента составляют мелколиственно-лесные и луговые ландшафты (0,9%), горные тундры и степи (0,6%), горные степи и полупустыни (0,2%), горные редколесья (0,4%). Полностью из них отсутствуют такие ландшафты дикой природы как широколиственно-лесные, горные пустыни, степи и ксерофитные редколесья (0 %); горные лугостепи и экспозиционные леса (0%).

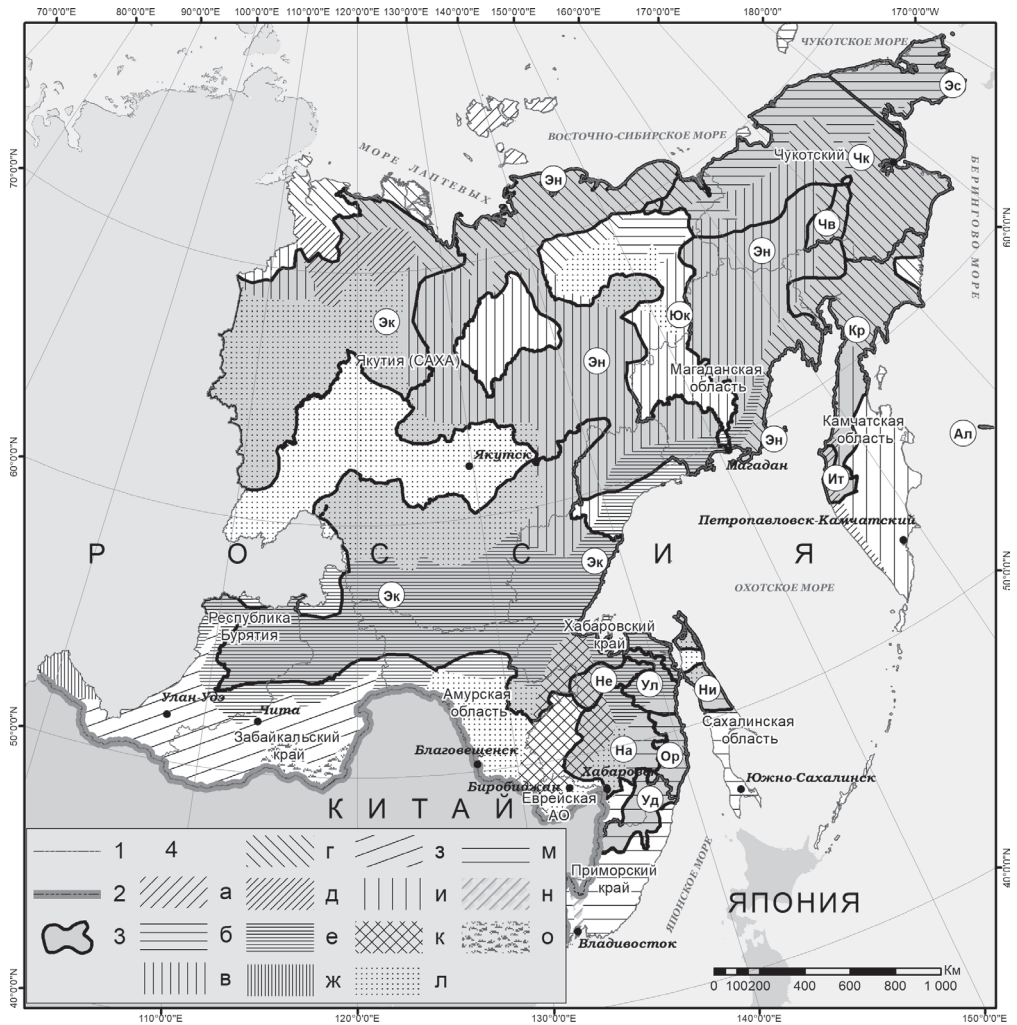
В целом, наиболее высокая степень защищенных ландшафтов дикой природы не достигает четверти от общей площади ландшафта определенного типа в России: к таким относятся ледники (28,2%), субнивальные (22,3%), хвойные и хвойно-широколиственные горные леса (21,9%). Таким образом, нами были сделаны выводы, что из всех 35 ландшафтов, представленных на территории России, находящихся на территории федеральных ООПТ более двух третей (22 ООПТ) представлены в заповедниках и национальных парках минимально (не более 10% от их наличия). И здесь следует отметить два обстоятельства: первое, как правило, в каждом ландшафте можно вести лишь определённые виды природопользования, и из-за высокой степени ландшафтной трансформации оказывается нередко невозможным ведение традиционные промыслов КМНС.

Второе важное обстоятельство таково: из-за малой степени включенности дикой природы в состав существующих заповедников и национальных парков не обеспечивается должная сохранность биоразнообразия и экосистемных функций. Полагаем также, что биологическое разнообразие и степень сохранности ландшафтов являются зависимыми друг от друга переменными, важно их рассмотрение с позиций понимания традиционного образа жизни и формирования исторических типов устойчивого природопользования на Дальнем Востоке. В природном отношении для будущих исследовательских работ и природоохранной деятельности должны быть выделены следующие приоритетные тенденции (приведены ниже в порядке приоритетности) для поддержания оптимальной степени биоразнообразия.

1) Трансформация наземного, морского и пресноводного биоразнообразия в очагах промышленного загрязнения, обусловленного трансграничным переносом загрязняющих веществ водными и атмосферными потоками, нефтяное, химическое и радиоактивное загрязнения);

2) Снижение уровня, изменение природного состава биоразнообразия и снижение запасов биоресурсов в результате расширения хозяйственной деятельности (нефте- и газодобыча, транспортировка углеводородов, браконьерство, факторы беспокойства и др.);

Рис. 2. Физико-географические области и этнические ареалы КМНС ДФО

1 – Граница субъектов РФ; 2 – Государственная граница; 3- Территории проживания КМНС; 4 - Физико-географические области ДФО: а - Арктические пустыни, б - Арктические тундры, в - Гольцы и редколесья, г - Тундра и лесотундра, д - Лесотундра и редколесья, е - Горные леса и тундра, ж - Альпийские луга и горные леса, з - Гольцы и светлохвойные леса, и - Каменноберезники, к - Темнохвойные леса, л - Тайга, м - Кедрово-широколиственные леса, н - Лесостепь, о – Степные.

Источник: составлено авторами на основе [23, с. 226].

3) Снижение роли биоразнообразия в обеспечении благосостояния коренных малочисленных народов за счет ухудшения среды их обитания и нарушение условий традиционного природопользования;

4) Трансформация биоразнообразия и местообитаний арктической биоты в условиях меняющегося климата;

5) Сокращение биоразнообразия в результате деградации земель и нарушение условий земледельства [7].

В практическом смысле, следует констатировать, что территория является двумерной проекцией пространства, и в этом контексте можно принять условие также, что государственная региональная политика является проекцией деятельности государства на отдельные свои территории, которые формально определены как самостоятельные в какой-то степени субъекты

Таблица 2. Доля официально-охраняемых (в пределах ООПТ) и незащищённых ландшафтов дикой природы в административно-территориальных субъектах ДФО

Регион \ Тип (код) ландшафта*	Процент сохранности ландшафта (Наличие ДП)	Процент охранности ландшафта (Наличие ООПТ)	Площадь ДП (кв. км.)	Площадь ООПТ (кв. км.)
Амурская область	100,00	80,20	215599,00	41639,96
6	0,10	15,50	124,10	104,84
20	8,20	22,60	17572,20	4380,28
18	54,80	8,60	118309,10	13948,63
35		9,60		325,64
34	34,70	14,00	76919,90	18553,01
29	1,20	9,80	2673,70	4327,56
Республика Бурятия	100,00	21,60	191791,00	24263,99
35	0,10	2,30	153,40	466,94
20	35,50	12,20	68037,00	10107,24
18	63,70	5,90	122191,90	13441,47
16	0,70	1,20	1408,70	248,33
Еврейская Автономная область	100,00	59,90	13824,40	4796,86
6	15,70	17,10	2173,10	912,90
34	7,30	17,00	1013,20	884,44
29	35,70	9,80	4934,60	1620,35
18	41,30	15,90	5703,50	1379,17
Забайкальский край	100,00	153,00	213164,70	33481,05
35	0,20	99,40	302,20	585,46
34	0,30	23,70	638,00	948,82
31	0,80	13,50	1811,30	4191,76
20	16,30	2,00	34655,00	832,83
18	81,90	7,60	174611,90	24880,73
16	0,50	6,90	1146,30	2041,45
Камчатский край	100,00	196,40	413825,80	50877,1
35	0,60	35,00	1178,70	454,21
34	0,30		66,90	
32	2,30	0,00	9674,60	4,82
26	9,10	10,70	38154,10	4872,96
25	6,40		26815,20	
23	0,40	74,90	450,90	337,8
19	37,80	3,30	158441,80	5443,41
18	2,30	7,00	8415,00	964,87

15	13,30	3,10	55624,80	1804,26
14	1,90		7818,90	
12	16,10	29,10	67250,60	22365,70
22	9,50	33,30	39934,30	14629,07
Магаданская область	100,00	58,70	384705,30	24124,09
35	0,50		96,80	
34	3,60	24,10	13735,40	3920,01
32	2,10	6,30	8185,90	665,63
19	57,40	4,20	222165,50	11455,95
15	5,80	14,80	22606,30	4035,14
14	29,40	2,90	113672,00	3738,14
25	1,20	6,40	4243,40	309,23
Приморский край	100,00	76,30	74684,30	27720,92
6	6,70	17,80	5038,00	4561,57
34	0,20	27,60	110,20	70,17
29	4,50	11,90	3370,60	4269,78
18	88,60	19,00	66165,50	18819,40
Сахалинская область	100,00	46,80	48039,40	6823,09
35		11,60		31,33
26	2,20	7,50	545,40	121,36
22	3,40	5,60	1091,60	70,87
18	34,30	6,80	16830,80	1964,97
12	16,20	4,20	7982,20	477,33
34	43,90	10,90	21589,40	4157,24
Хабаровский край	100,00	198,40	624097,20	69910,56
6	0,20	39,20	967,20	723,7
35	0,20	38,30	1059,20	999,75
34	13,80	8,80	86227,50	10756,33
29	0,10	9,30	533,00	465,55
25	0,10	81,20	277,20	273,97
20	6,90	4,60	42839,80	2122,11
19	11,60	4,30	72860,20	3269,10
18	64,10	10,10	400966,90	51041,28
15	1,40	2,60	8538,50	257,30
14	1,60	0,00	9827,70	1,47

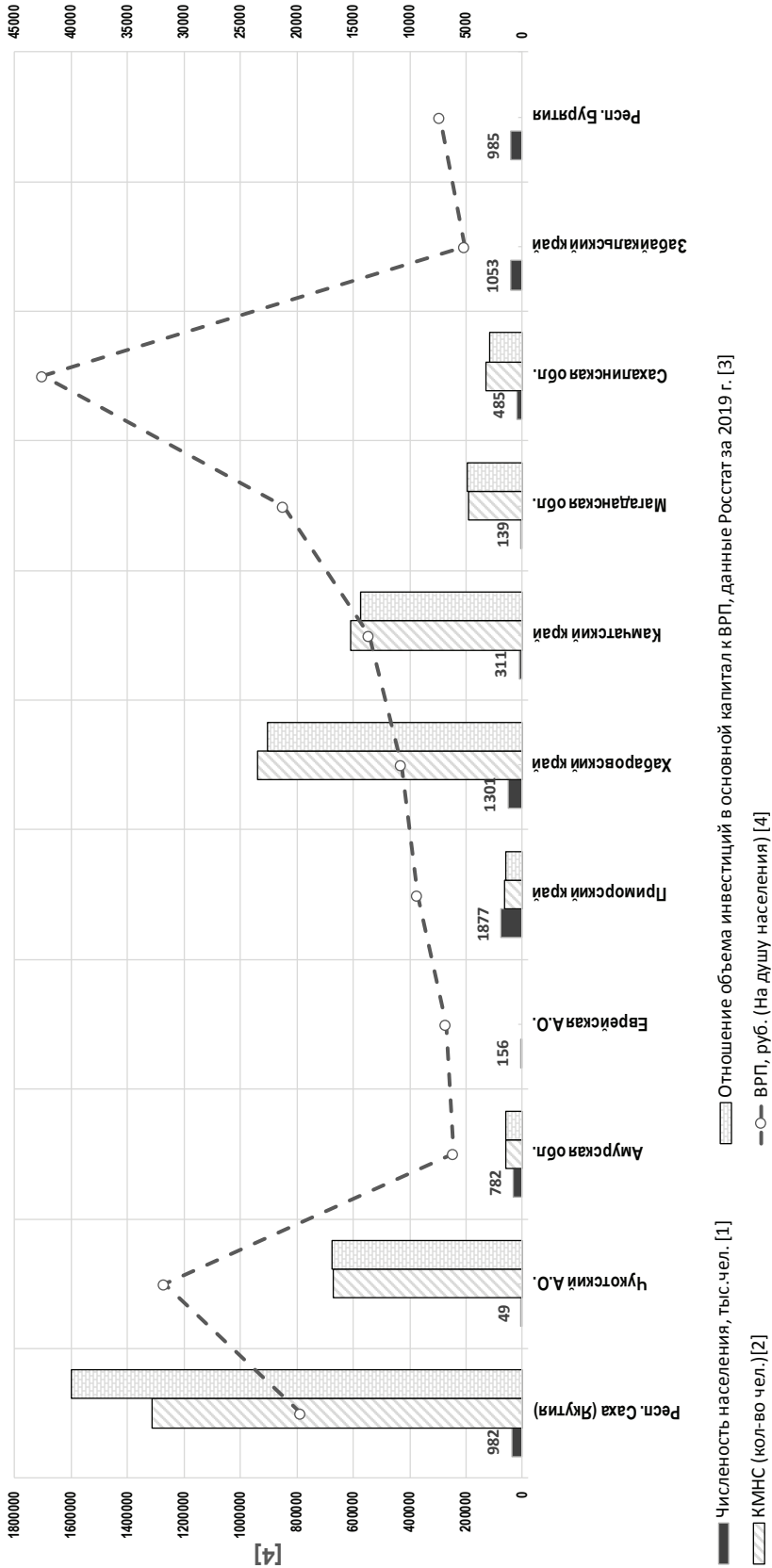
Чукотский автономный округ	100,00	304,20	674504,10	30985,26
4	0,10	98,10	421,80	435,89
35	0,40	9,80	1067,40	111,14
34	5,30	0,00	34877,10	6,15
32	14,90	8,70	101418,90	9451,31
3	0,20	100,00	329,30	346,18
2	1,40	84,70	7966,40	7290,12
19	66,90	2,80	456215,40	13326,29
15	4,60		30005,70	
14	6,20	0,00	42202,10	18,19
Республика Якутия	100,00	419,40	2559194,40	795881,74
4	0,30	42,70	7566,50	3460,77
35	0,40	41,50	7548,30	5130,62
34	48,70	24,70	1250259,40	390278,87
32	7,90	45,40	203311,10	94845,41
25	3,80	12,40	96533,00	13013,53
20	1,40	22,10	36771,20	9368,42
2	3,20	65,40	80041,80	55149,12
19	20,50	18,30	524707,20	105447,74
18	5,50	23,90	140653,00	41884,58
14	7,90	26,70	203202,60	68642,01
1	0,40	96,40	8600,30	8660,67
Общий итог		1614,90	5413429,60	1110504,63

*Тип (код) ландшафта: 1 – Арктические (полярные) пустынные; 2 – Арктические тундровые; 3 – Горные арктические(полярные) пустыни; 4 – Горные арктические тундры; 5 – Горные леса (широколиственные и хвойно-широколиственные), 6 – Горные леса (широколиственные), 7 – Горные лесостепи, 8 – Горные луга, 9 – Горные луга (субальпийские), 10 – Горные лугостепи (субальпийские и альпийские); 11 – Горные лугостепи и экспозиционные леса. , 12 – Горные мелколиственные леса и стланики, 13 – Горные пустыни, степи и ксерофитные редколесья, 14 – Горные редколесья, 15 – Горные редколесья и стланики, 16 – Горные степи, 17 – Горные степи и пустыни, 18 – Горно-таежные леса, 19 – Горные тундры, 20 – Горные тундры и предтундровые редколесья, 21 – Горные тундры и степи, 22 – Горные тундры и стланики, 23 – Ледники, 24 – Лесостепные, 25 – Лесотундровые, 26 – Мелколиственно-лесные и луговые, 27 – Полупустынные, 28 – Пустынные, 29 – Широколиственно-лесные, 30 – Широколиственно-лесные (с лиановыми лесами), 31 – Степные, 32 – Субарктические тундровые. 33 – Субнивальные, 34 – Таежные, 35 – Водные объекты.

Источник: составлено авторами.

[3]. Изменение биоразнообразия, сокращение численности и трансформация местообитаний редких видов – явление последних десятилетий, когда отмечаемое потепление климата и масштабное хозяйственное освоение начали действовать совместно, усиливая негативный эффект. На крайнем Северо-Востоке, особое значение имеют правила регулирования прибрежного рыболовства, поскольку именно лососевые виды как правило составляют суть

Рис. 3. Коренные малочисленные народы в ДФО: территориальная соотносненность демографических, экономических и физико-географических показателей

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

традиционного (аборигенного) природопользования в прибрежно-морской зоне Тихоокеанской России.

Отметим, что повсеместно добыча полезных ископаемых и все формы процессов урбанизации коренным образом трансформируют естественную природную среду, при многих формах такого антропогенного воздействия, человеческое общество не способно поддерживать определенный уровень биологического разнообразия, контролируя трансформационные процессы, в своей управленческой деятельности, уменьшая масштабы деградации и потери местообитаний. В социально-экономическом плане, на большей части с ростом уровня бедности среди местного населения и нарастающими проблемами с централизованным "северным завозом" (сезонного снабжения продуктами питания, топливом и товарами первой необходимости) возрастает нагрузка на биоресурсы. Браконьерами тогда невольно выступает в основном местное население, не вовлеченное в современное хозяйство и имеющее крайне низкие доходы.

С другой стороны, не является секретом, что большая часть регионов России испытывает воздействие многих социально-экономических факторов, что позволяет журналистам говорить об "демографическом опустынивании". Установлено, что 80% жителей стремятся жить в "прибыльных" городах, так происходит фактическое сжатие пространства. Пока еще на территории РФ в 28 субъектах РФ компактно проживает 40 малочисленных народов Севера, общей численностью 247,4 тыс. чел (95% от общей численности КМНС в стране). Удельный вес населения территорий, входящих в перечень мест традиционного проживания КМНС, составлял в среднем по стране по данным переписи 2010 г. 11,3% от общей численности населения.

Можно отметить, что существующее территориальное неравенство и очаговый характер проживания КМНС нам удалось показать "в первом приближении" на карте как зоны дикой природы. При этом как показывает количественное соотношение нашего пересчета инвестиций к индексу производственной деятельности необходим специальный расчет соответствия дикой природы, экономического развития и жизнедеятельности КМНС. Как первый шаг для подобной постановки задач нами был сделан предварительный расчет (рис. 3). Полагаем, что необходимо на более детальной основе дифференцировать природные гео(эко)системы, или естественными ландшафтами (первой природой), наиболее значимых для КМНС в традиционной жизнедеятельности.

Следующим шагом должна быть более детальная оценка существующих угроз, в т.ч. и международного характера. Здесь также имеет большое значение сопоставление сведений по официальной сохранности дикой природы, сопряженную с типами охраняемых ландшафтов в пределах, официально существующих ООПТ федеральной значимости, чтобы было осуществлено нами для всей территории России [9]. Этнические ареалы, дифференцированные в пределах ландшафтов, которые мы выделили в своей работе, во многом до сих пор совпадают с территориями традиционной жизнедеятельности коренных малочисленных народов, выделяемых ранее, но также они включают фактические места их современного компактного проживания, а также коррелируют своей ценностью с богатыми на природные ресурсы и экосистемные услуги районами.

Достаточно очевидно, что каждый крупный ландшафт, объединенный и приравненный к конкретной физико-географической области, может рассматриваться как уникальная среда обитания КМНС, и в то же время, как естественный эколого-географический район со специфическим набором-комплексом условий жизни коренного населения и характерного природного окружения. Практически же следует решить вполне понятные вопросы - как и за счет чего обеспечить территориальную, функциональную и ресурсную значимость дикой природы. К примеру, тундры - наиболее обширные северные пространства являющиеся территориями исторически зонами оленеводства, известно о многих проблемах этой деятельности, так же как факты о том, что в ряде районов наблюдается деградация среды обитаний для таких занятий как оленеводство, не получают никакой государственной оценки, необходимой для решения острых проблем [17].

Не следует забывать и о международной ситуации: драйверы глобализации представляют международный финансовый рынок, ТНК, разнообразные сетевые сообщества, обеспечивающие международное взаимодействие, сбыт и перераспределение товаров, продуктов и услуг, информационный и инновационный обмен. Их экспансия может быть отмечена через регистрацию "антропогенной", "очеловеченной", "второй" или "культурного ландшафта" в различной степени составляющих конкретные территории [18]. Рассматривая как высокий уровень проблемности российского государственной политики в отношении сохранения традиционного образа жизни и природопользования КМНС, что отчетливо видно на примере ДФО, следует констатировать, что дальнейшее сокращение дикой природы на территории нашей страны окажет тяжелые экологические последствия как не только на европейскую часть России и Центральную Азию, но окажется значимым для экологического благополучия всей Евразии.

Для российской территории Дальнего Востока особый вызов и смену курса прежней природоохранной политике, инициированной "Западом", осуществлен Китаем, который последнее десятилетие вышел из традиции самообеспечения, настроен решительно действовать и осуществить глобализацию "по-китайски". Китайское руководство выступает за "непрерывное расширение сферы государственных интересов", военное усиление и активную экспансию, путем создания своих активов в том числе и в отношении зарубежных энергоресурсов, стратегических путей сообщения, и собственно территориальных ресурсов [3].

Китайские инвесторы, представленные как государственными структурами, так и частным бизнесом, в своей деятельности одинаково внимательно прислушиваются к политическим решениям руководства страны, и в то же время, вполне успешны во всех своих проектах, являясь желанными партнерами, как в развитых, так и развивающихся странах. К сожалению, до сих пор информации об антропогенном воздействии слишком много, нам представлялось поэтому важным найти и показать простую и понятную основу демонстрации масштабов антропогенной трансформации территории ДФО. Необходимо также и отметить то, что инвестиционный вектор, по сути, означает одобренный государством курс на забвение традиций и аборигенного опыта, потерю самобытной промысловой культуры и опыта непосредственного выживания в суровых условиях тундры, тайги, безлюдного побережья и гор.

Правовым основанием для поддержания существования крупных целостных территорий дикой природы формально является то, что в Российской Федерации принцип защиты и сохранения крупных малонаселенных малоосвоенных районов страны был соотнесен с признанием территорий традиционного обитания (ТТП) и мест традиционной хозяйственной деятельности коренного и местного населения. Данный принцип соответствует п. 1. ст. 9. Конституции РФ: "Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории". В период с 1998 по 2001 гг. в России были приняты три федеральных закона, закрепляющих правовое положение коренных малочисленных народов, но ни один из них не стал "рабочим документом". Полагаем, что нынешний курс на инвестиционную экономику с учетом экономических и внешнеполитических успехов Китая, как значимый для России фактор диктует нам о необходимости присмотреться к тысячелетнему традиционному опыту бережного освоения аборигенами дальневосточной территории, и не забывать о том, что утрата природного естественного своеобразия природных ландшафтов может быть предотвращена лишь с учетом сохранения традиционного опыта КМНС.

Литература

1. Аверин А.Н. Коренные малочисленные народы: динамика развития // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 14. С. 70–75.
2. Банников А.Г. Основы экологии и охрана окружающей среды. М., 1996. 304 с.
3. Бочарников В.Н. Методологическая интеграция социально-экономической географии, геоэкологии и природопользования в решении проблем сохранения экосистемного разнообразия российского Дальнего Востока // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 4. С. 17–36.
4. Бочарников В.Н. Человеческоразмерный концепт "дикая природа" в контексте исследований гуманитарной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 37–51.
5. Бочарников В.Н. Дикая природа и антропогенный ландшафт: интегрированный опыт геоинформационного картографирования территории России // Географический вестник. 2016. № 2. С. 161–173.
6. Бочарников В.Н. Географическое мышление, культурная география и дикая природа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 105–116.
7. Бочарников В. Н. Стратегия биоразнообразия России и региональные приоритеты природопользования в прибрежно-морских регионах Тихоокеанской России // Особо охраняемые природные территории Камчатского края: опыт работы, проблемы управления и перспективы развития: тезисы докладов Второй региональной научно-практической конференции. Петропавловск-Камчатский, Камчатпресс, 2017. 41–45.
8. Бочарников В.Н., Блиновская Я.Ю. Геоинформационные системы в природопользовании. Владивосток: МГУ, 2009. 181 с.
9. Бочарников В.Н., Егидарев Е.Г. Новый природоохранный индекс для территории России // Проблемы региональной экологии. 2015. № 5. С. 75–80.
10. Бочарников В.Н., Егидарев Е.Г. Дикая природа в ландшафтах и экорегионах России // География и природные ресурсы. 2017. № 4. С. 38–49.
11. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 5. С. 21–33.
12. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
13. Зевин Л. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 26–33.
14. Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2008. № 3. С. 15–25.
15. Герасимов И. П. Конструктивная география как наука о целенаправленном преобразовании и управлении природной средой // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1972. № 3. С. 7–11.
16. Исаченко А.Г. Экологическая география России. СПб. Изд-во СПбГУ. 2001. 328 с.
17. Клоков К. Б., Хрущев С. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. СПб. 2004. Т. 1. 182 с.
18. Кобылянский В.А. Философия экологии. Краткий курс. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2010, 632 с.
19. Крюков В.А., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Кобалинский М.В., Матвеев А.М., Токарев А.Н. Потенциал устойчивого развития ареалов проживания и экономическая оценка качества жизни коренных малочисленных народов Севера – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2014. 144 с.
20. Кузнецов А. М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1 (20). С. 67–79.
21. Кузьминов И. Ф., Нефедова Т. Г. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Вестник АРГО. 2012. № 1. С. 63–75.
22. Лемешев М.Я., Чепурных Н.В., Юрина Н.П. Региональное природопользование: на пути к гармонии. М.: Мысль. 1986. 264 с.
23. Национальный атлас Российской Федерации культурно-ландшафтное районирование территории России. В 4-х т. Т. 4. "История, культура". М.: Роскартография. 2008. 495 с.
24. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2000. 163 с.
25. Тураев В.А., Суляндзига Р.В., Суляндзига П.В., Бочарников В.Н. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Сер. Библиотека коренных народов Севера. М. 2005. 464 с.

26. Философия природы сегодня. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского языка: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2009. 426 с.
27. Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск-Москва: Феория, 2007. 664 с.
28. Global Biodiversity URL: <https://www.cbd.int/gbo5> (дата обращения 17.07. 2021).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Averin A.N. Korennye malochislennye narody: dinamika razvitiya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo univversiteta. 2015. Vyp. 14. S. 70–75.
2. Bannikov A.G. Osnovy ehkologii i okhrana okruzhayushhej sredy. M., 1996. 304 s.
3. Bocharnikov V.N. Metodologicheskaya integratsiya sotsial'no-ehkonomicheskoy geografii, geoehkologii i prirodo-pol'zovaniya v reshenii problem sokhraneniya ehkositernogo raznoobraziya rossijskogo Dal'nego Vostoka // Astrakhanskij vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya. 2013. № 4. S. 17–36.
4. Bocharnikov V.N. SHelemekorazmernyj kontsept "dikaya priroda" v kontekste issledovaniy gumanitarnoj geografii // Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossijskikh geografov-obshhestvovedov. 2015. № 4. S. 37–51.
5. Bocharnikov V.N. Dikaya priroda i antropogennyy landshaft: integrirrovannyj opyt geoinformatsionnogo kartografirovaniya territorii Rossii // Geograficheskij vestnik. 2016. № 2. S. 161–173.
6. Bocharnikov V.N. Geograficheskoe myshlenie, kul'turnaya geografiya i dikaya priroda // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2018. № 3. S. 105–116.
7. Bocharnikov V. N. Strategiya bioraznoobraziya Rossii i regional'nye prioritye prirodo-pol'zovaniya v pribrezhno-morskikh regionakh Tikhookeanskoj Rossii // Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Kamchatskogo kraja: opyt raboty, problemy upravleniya i perspektivy razvitiya: tezisy dokladov Vtoroj regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Petropavlovsk-Kamchatskij, Kamchatpress, 2017. 41– 45.
8. Bocharnikov V.N., Blinovskaya YA.YU. Geoinformatsionnye sistemy v prirodo-pol'zovanii. Vladivostok: MGU, 2009. 181 s.
9. Bocharnikov V.N., Egidarev E.G. Novyj prirodookhrannyj indeks dlya territorii Rossii // Problemy regional'noj ehkologii. 2015. № 5. S. 75–80.
10. Bocharnikov V.N., Egidarev E.G. Dikaya priroda v landshaftakh i ehkoregionakh Rossii // Geografiya i prirodnye resursy. 2017. № 4. S. 38–49.
11. Voskresenskij A.D. Kitaj v kontekste global'nogo liderstva // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. T. 2. № 5. S. 21–33.
12. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. SPb.: Aletejya, 2003. 331 s.
13. Zevin L. Megaregiony v globaliziruyushhemsya khozyajstve // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya . 2016. T. 60. № 8. S. 26–33.
14. Gladkij YU.N., Petrov A.N. Gumanitarnaya geografiya: ponyatijnyj status i samoidentifikatsiya // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2008. № 3. S. 15–25.
15. Gerasimov I. P. Konstruktivnaya geografiya kak nauka o tselenapravlennom pre-obrazovanii i upravlenii prirodnoj sredoj // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 1972. № 3. S. 7–11.
16. Isachenko A.G. EHkologicheskaya geografiya Rossii. SPb. Izd-vo SPbGU. 2001. 328 s.
17. Klokov K. B., Khrushhev S. A. Olenevodcheskoe khozyajstvo korennykh narodov Severa Rossii: informatsionno-analiticheskij obzor. SPb. 2004. T. 1. 182 s.
18. Kobyljanskij V.A. Filosofiya ehkologii. Kratkij kurs. Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Akademicheskij proekt, 2010, 632 s.
19. Kryukov V.A., SHishatskij N.G., Bryukhanova E.A., Kobalinskij M.V., Matveev A.M., Tokarev A.N. Potentsial ustojchivogo razvitiya arealov prozhivaniya i ehkonomicheskaya otsenka kachestva zhizni korennykh malochislennykh narodov Severa – Novosibirsk: IEHOPP SO RAN. 2014. 144 s.
20. Kuznetsov A. M. EHtnopoliticheskaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii: nekotorye problemy i perspektivy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 1 (20). S. 67–79.
21. Kuz'minov I. F., Nefedova T. G. Kontsentratsiya proizvodstva v agropromyshlennom i lesopromyshlennom kompleksakh i polyarizatsiya prostranstva Rossii // Vestnik ARGO. 2012. №. 1. S. 63–75.
22. Lemeshev M.YA., CHepurnykh N.V., YUrina N.P. Regional'noe prirodo-pol'zovanie: na puti k garmonii. M.: Mysl'. 1986. 264 s.
23. Natsional'nyj atlas Rossijskoj Federatsii kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie territorii Rossii. V 4-kh t. T. 4. "Istoriya, kul'tura". M.: Roskartografiya. 2008. 495 s.

24. Ragulina M.V. Korennye ehtnosy sibirskoj tajgi: motivatsiya i struktura prirodopol'zovaniya (na primere tofalarov i ehvenkov Irkutskoj oblasti). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 2000. 163 s.
25. Turaev V.A., Sulyandziga R.V., Sulyandziga P.V., Bocharnikov V.N. EHntsiklopediya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federatsii. Ser. Biblioteka korennykh narodov Severa. M. 2005. 464 s.
26. Filosofiya prirody segodnya. Red. I.K. Liseev, V. Lugovskoj. Per. s pol'skogo yazyka: V.L. Vasyukov, E.N. SHul'ga. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2009. 426 s.
27. Sibir'. Atlas Aziatskoj Rossii. Novosibirsk-Moskva: Feoriya, 2007. 664 s.
28. Global Biodiversity URL: <https://www.cbd.int/gbo5> (data obrashheniya 17.07. 2021).

Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г. Геоинформационное картографирование ареалов жизнедеятельности коренных малочисленных народов в природных ландшафтах Дальневосточного федерального округа.

В статье изложены результаты геоинформационного картографирования жизнедеятельности коренных малочисленных народов в ландшафтах территориально-административных субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) Российской Федерации. Обсуждается значимость государственного поддержания традиционного природопользования коренных малочисленных народов (КМНС) как компонента экологической политики по сохранению биоразнообразия и неистощительного использования биологических ресурсов. Представлены сведения о степени сохранности крупных природных геосистем физико-географических областей и крупных ландшафтных групп в пределах российского Дальнего Востока. Предлагается рассматривать крупные целостные территории дикой природы в качестве гарантированных государством возможностей сохранения биологического разнообразия, биосферных функций ландшафтов и природных ресурсов.

Ключевые слова: этнические ареалы, технологии ГИС, геоинформационное картографирование, дикая природа, ДФО, ландшафты

Bocharnikov V. N., Egidarev E. G. Geoinformation mapping of indigenous peoples in the natural landscapes of the Far Eastern Federal District.

The article presents the results of calculations and geoinformation mapping of ethnic areas of indigenous small-numbered peoples in the territorial-administrative subjects of the Far Eastern Federal District (Far Eastern Federal District) of the Russian Federation. Data on the degree of preservation of large natural geosystems (wildlife) for physical and geographical areas and large landscape groups of the Russian Far East are presented. The importance of the state support of the traditional nature use of the CMNS in the conditions of biodiversity conservation and sustainable use of resources is discussed. It is proposed to consider large integral territories of wildlife as state-guaranteed opportunities for preserving the landscape diversity of the Russian Far East.

Key words: ethnic areas, GIS technologies, geoinformation mapping, wilderness, Far Eastern Federal District, landscapes

Для цитирования: Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г. Геоинформационное картографирование ареалов жизнедеятельности коренных малочисленных народов в природных ландшафтах Дальневосточного федерального округа // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 8–23. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/8-23

For citation: Bocharnikov V. N., Egidarev E. G. Geoinformation mapping of indigenous peoples in the natural landscapes of the Far Eastern Federal District // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 8–23. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/8-23

Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амуро-сахалинского региона

В процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде возникают условия для построения этнической картины мира, которая нередко возникает как бессознательный и специфичный для конкретной культуры феномен. В окрестностях современных поселений тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) на территории амуро-сахалинского региона расположены природные и рукотворные объекты, генезис которых связан с двумя основными ментальными вариантами. Один – с образами сверхъестественных существ, с мифическими предками, основателями конкретных родовых подразделений. Другой – с потенциально реальными предками, которые проживали на этом месте еще в каменном веке и оставили о себе память в виде разнообразных петроглифов.

Осознание наличия данных фактов вызывает у коренных народов гордость, историческую память и особую этнокультурную идентичность. Сравнительный анализ степени влияния сакральных ландшафтов и связанных с ними разнообразных этнографических данных на современную культуру тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов позволит выявить специфику развития и трансформации этнокультурной идентичности. Важным компонентом этого контекста является выяснение сущности феноменов "этнокультурная проекция" (которая понимается как сложный процесс перенесения свойств внешне-го объекта, в данном случае образа сакральных ландшафтов, на менталитет людей), и "интродекция", как специфического механизма встраиваемости окружающего мира во внутренний мир человека. Сакральные ландшафты, музеи под открытым небом, другие этнокультурные институты выступают средоточием коллективной исторической памяти этноса, первоисточниками знаний о развитии общества.

В результате этнокультурного проецирования происходит перенесение человеком на самого себя качеств окружающего мира. Взаимосвязь этнокультурной проекции с этнической идентичностью позволяет индивиду концентрировать в себе исторические знания о развитии своего этноса, о влиянии на этот процесс природных условий, климата, ландшафта. Механизм этнокультурной проекции во многом основан на сравнении своего этноса с другими, на представлении своего сообщества в наиболее благоприятном свете, что связано с древностью происхождения, численностью, размером занимаемой территории, этнокультурными связями и традициями.

Этнокультурная проекция проявляется в определенной этнической среде через механизм подражания не только старшему поколению, но и далёким предкам, нередко легендарным. Индивид копирует стереотипы поведения этнической общности как доминирующие ценности. Определённое влияние на этот процесс оказывают конкретные исторические предпосылки, общественные потребности осознания родства или идентичности для сплачивания этнической общности. Дополнительной детерминантой является этноконфес-

© Березницкий С. В., 2021

Березницкий Сергей Васильевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). **E-mail:** svbereznitsky@eandex.ru

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме "Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности" 2020–2022 гг. проект "Коренные малочисленные народы Российской Федерации" (рук. А.В. Головнёв).

сиональный объединяющий фактор, особенно если он связан с сакральными природными объектами, с особо почитаемыми частями ландшафта. Ландшафтно-этническая идентичность позволяет человеку проецировать на себя качества представителя конкретной местности, для которой характерны свой специфический диалект языка, свои нравы, обычаи, менталитет, этническая картина мира, мифология.

О сущности и структурных компонентах понятия "сакральный ландшафт", о соотношении их с особенностями этнических культур имеется обширная историографическая база, представленная трудами отечественных и зарубежных исследователей [19; 3, с. 13–36; 10, с. 85–87; 11; 12, с. 154–162; 4, с. 27–31; 2016, с. 76–78; 6, с. 514–516; 16, с. 161–177; 5, с. 145–155; 14, с. 106–121; 21, с. 120–126].

Разрабатывая соотношение категорий "сакральное" и "профанное", М. Элиаде ввел в научный оборот термин "иерофаня", которым обозначил сакральную, центральную часть окружающего человека профанного мира [30, с. 9; 29, с. 26]. Свообразным продолжением концепции М. Элиаде становится парадигма иеротопии, как процесса создания сакральных ландшафтов, в качестве воспроизводства первоначального, мифологического сакрального пространства [15, с. 6–7]. По мысли Лидова, иеротопия включает в себя священные изображения, разнообразные архитектурные формы, обрядовые жесты, ольфакторные компоненты, аспекты исторической памяти, связь этноса с конкретным священным местом и с происходившими здесь событиями: профанными или сакральными.

Е.А.Окладникова рассмотрела феномен сакрального ландшафта Северной Евразии в качестве особой части ойкумены, которая была сформирована одновременно как реальное географическое и как воображаемое, мифологическое пространство с помощью создания петроглифов, различных ритуальных сооружений [20, с. 5, 22–29 и др.].

Важными компонентами ментального осмысления соотношения сакральных ландшафтов и этнокультурных проекций следует считать этническую картину мира, воззрения об объектах окружающего мира, аспекты топонимики и ее связь с институтом государственности.

Одним из фундаментальных отличий культуры коренных народов Дальнего Востока России от соседних стран Восточной Азии (Поднебесная империя, Страна утренней свежести, Страна восходящего солнца) является отсутствие подобного обобщающего названия для всей территории амуро-сахалинского региона, материковой части, побережий Охотского, Берингово или Чукотского морей. Средневековые империи, государства бохайцев и чжурчженей активно контактировали с восточными цивилизациями (Китаем, Монголией, Кореей, Японией), о чем свидетельствуют сохранившиеся знания о былой торговле, отдельные инокультурные предметы быта и мировоззрения, мифологические сюжеты и разнообразные заимствованные жанры фольклора. В этнографическое время коренные народы Нижнего Амура участвовали в этнокультурных контактах с маньчжурами и китайцами, покупали невест в Маньчжурии и Китае [23, с. 64–75].

В традиционной культуре коренных народов региона одним из важных этноидентифицирующих факторов являлось занятие собаководством. В средневековых маньчжурских и китайских хрониках Приамурье называлось "страной собаководов", а населяющие эту территорию народы именовались термином "шицюаньбу" - "люди, пользующиеся собаками" [9, с. 98; 8; 22, с. 67; 26, с. 6; 27, с. 7]. У некоторых групп эвенков, пеших охотников с собакой имелось самоназвание "хундышал" - "хозяева собак" [2, с. 10, 13].

Еще один устойчивый этнокультурный маркер связан с этнонимами "гиляк, гилэкэ, гилиями, гилыми" ("люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках"), с рекой Амур как важной круглогодичной транспортной магистралью, с лодкой амурского типа [28, с. 4]. На скалах в районе Нижнего Амура обнаружены почитаемые сегодня петроглифы каменного века, изображающие такие лодки, с гребцами и веслами.

Коренными народами дано большинство географических названий, которые потом перешли на карты, вошли в официальные названия населенных пунктов и в менталитет переселенцев. В частности, этимология названия "Сихотэ-Алинь" связана с тунгусо-маньчжурскими терминами: "сихтэ, сик-

тэ" – "хвоя, ель" и "алин" – "горный хребет", в целом, "горный хребет, покрытый хвойным лесом".

Можно выделить некоторые наиболее известные особые ландшафты с петроглифами, которые стали основой для этнокультурных проекций коренных народов региона, для исторической памяти, мифологических наслоений, в качестве связующей нити между людьми каменного века и современными тунгусо-маньчжурами и палеоазиатами.

В старинном нанайском селе Сикачи-Алян создан этнокультурный центр, где туристы могут увидеть собственными глазами знаменитые петроглифы каменного века, воплотившие в символическом виде мифологию амурских жителей [12, с. 154-162; 13, с. 244-255].

Во второй половине 1960-х гг. археологи под руководством А.П. Окладникова тщательно исследовали неолитические петроглифы на правом берегу р. Кии, притока Уссури, в местности Чертово Плесо. Сюжеты, наполнены криволинейным орнаментом, антропоморфными личинами, фигурами духов-предков, животных и др. [19].

Проживающие в этих местах коренные народы твердо убеждены в том, что данные изображения на скалах и отдельных валунах сделали их прямые предки. Эта мысль приводит их к пониманию чрезвычайной древности своего этноса, к осознанию прав на уникальное пользование природными ландшафтами на этих территориях. Имеется и большой объем мифологических текстов, содержащих в себе информацию о далёких временах, когда на небе было несколько солнц, от тепла лучей которых становились мягкими скалы и охотники рисовали на них различные сюжеты. Миф продолжается тем, что герой по просьбе людей убивает стрелами из лука лишние светила. В нивхском варианте этого мифа этот герой летает верхом на крылатом олене, создает горы и реки [7, с. 81, 83, 89-90; 18, с. 38-47; 17, с. 13; 31, с. 106-107; 24, с. 66-67; 25, с. 8-17]. Возможно, этот сюжет попал в культуру нивхов от тунгусо-маньчжуров.

Петроглифы на реке Хор некоторыми специалистами по искусству, отождествляются с современным искусством нанайцев, ульчей и других народов амуро-сахалинского региона. Сами хорские удэгейцы не просто считают, а настаивают на том, что они произошли от неолитического населения рек Хор и Сукпай, представители которого оставили эти рисунки на скалах около 2000 лет назад. Более того, выявляется даже родовая принадлежность этого священного этнокультурного памятника древности. По мнению местных удэгейцев, петроглифы могут быть связаны с современным удэгейским родовым подразделением Кимонко [32, р. 121].

Таким образом, рассмотренные в статье этнокультурные комплексы, священные ландшафты, природные и рукотворные объекты представляют в комплексе региональное сакральное пространство древности, средневековья и новейшего времени.

Священный антропогеокультурный ландшафт – это феномен, созданный совместными усилиями природных стихий и фантазии человека. Этнокультурные проекции, возникшие в результате мировоззренческого осмысления священных ландшафтов, необходимы современным тунгусо-маньчжурам и палеоазиатам амуро-сахалинского региона для укрепления самосознания и этнокультурной идентичности, для улучшения процесса трансляции своих традиций новым поколениям.

Не менее важным компонентом соотношения взаимосвязи сакральных ландшафтов с этнокультурными проекциями является создание эффективной реакции в качестве ответа на современные глобальные вызовы, на изменения демографической ситуации в отдельных регионах и в стране, на стремительное появление в России и в её дальневосточном регионе компактно проживающих этнических сообществ, приносящих с собой не только другой уклад жизни, но и прочно сохраняющиеся этнокультурные аспекты, кардинально отличающиеся от традиционных российских ценностей.

Литература

1. Алексеева Е.К. Этнокультурный ландшафт ламунхинских эвенков // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11. Т. 8. С. 76–78.
2. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1969. 303 с.
3. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурные ландшафты как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
4. Воловик В.Н. Категории сакрального ландшафта // Географический вестник. 2013. № 4 (27). С. 26–34.
5. Головнёва Е.В., Шанта И. Визуализация сакрального в культовой скульптуре народов Приамурья (по материалам коллекций В. К. Арсеньева и Б. Баратоши) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3. С. 145–155.
6. Дэвлет Е. Г., Ласкин Е. Г. Исследования петроглифов Сикачи-Аляна // Археологические открытия. 2019. Т. 2017. С. 514–516.
7. Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина // Этнография. Кн. VII. 1929. № 1. С. 78–102.
8. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. 322 с.
9. Кюннер Н. В. Китайские исторические данные о народах Севера // Ученые Записки ЛГУ. Серия Восточноведческих наук. 1949. Вып. 1. № 98. С. 92–102.
10. Лапшина З.С. Сакральное в первобытной культуре Приамурья // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 84–88.
11. Ласкин А.Р. Петроглифы Сикачи-Аляна: Историко-культурный контекст и состояние сохранности. Автореферат на соиск. уч. ст. к.и.н. по спец. 07.00.06. М., 2015. 25 с.
12. Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Бабаев А.Л., Судаков А.И. Петроглифы Сикачи-Аляна - уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре (проблемы сохранения и использования) // Мир наскального искусства / отв. ред. Е.Г. Дэвлет. М., 2005. С. 154–162.
13. Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2. С. 244–255.
14. Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121.
15. Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образцы парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с.
16. Мальцева М.В. Нанайцы в промышленном районе Приамурья: модель освоения пространства и поиск идентичности // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 161–177.
17. Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. 327 с.
18. Окладников А.П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // Советская этнография. 1959. № 2. С. 38–47.
19. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 1971. 335 с.
20. Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.
21. Подмаскин В.В. Древние представления о тигре и леопарде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический источник // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 120–126.
22. Самар А. П. Собаководство нанайцев в XIX – начале XX века // Этнос и природная среда / сб. ст. / отв. ред. В. А. Тураев. Владивосток: Дальнаука. 1997. С. 67–81.
23. Сасаки С. Межэтнические браки коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 64–75.
24. Сем Т.Ю. Амурский солярный миф: генезис и этнокультурные связи // Лингвистические вопросы североведения. Тезисы докладов и сообщений Герценовских чтений 1993/1994 г. СПб.: "Образование", 1997. С. 66–67.
25. Сем Т.Ю., Окладникова Е.А. "Миф о трех солнца": семантика и визуальная репрезентация в монументальном искусстве Древней Евразии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 8–17.
26. Сем Ю. А. Родовая организация нанайцев и её разложение. Владивосток, 1959. 31 с.
27. Сем Ю. А. Нанайцы: материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. 315 с.

28. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1975. 235 с.
29. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 488 с.
30. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994. 144 с.
31. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 246 с.
32. Berezniyskiy S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 120–134.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva E.K. Ehtnokul'turnyj landshaft lamunkhinskikh ehvenov // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. № 11. Т. 8. S. 76–78.
2. Vasilevich G. M. EHvenki. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki. L.: Nauka, 1969. 303 s.
3. Vedenin YU.A., Kuleshova M.E. Kul'turnye landshafty kak kategoriya naslediya // Kul'turnye landshafty kak ob'ekt naslediya / pod red. YU.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitriy Bulanin, 2004. S. 13–36.
4. Volovik V.N. Kategorii sakral'nogo landshafta // Geograficheskij vestnik. 2013. № 4 (27). S. 26–34.
5. Golovnyova E.V., SHanta I. Vizualizatsiya sakral'nogo v kul'tovoj skulpture narodov Priamur'ya (po materialam kollektsij V. K. Arsen'eva i B. Baratoshi) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2019. Т. 25. № 3. S. 145–155.
6. Dehvlet E. G., Laskin E. G. Issledovaniya petroglifov Sikachi-Alyana // Arkheologicheskie otkrytiya. 2019. Т. 2017. S. 514–516.
7. Krejnovich E.A. Ocherk kosmogonicheskikh predstavlenij gilyak o-va Sakhalina // Ehtnografiya. Kn. VII. 1929. № 1. S. 78–102.
8. Kyuner N. V. Kitajskie izvestiya o narodakh YUzhnoj Sibiri, TSentral'noj Azii i Dal'nego Vostoka. M.: Nauka, 1961. 322 s.
9. Kyuner N. V. Kitajskie istoricheskie dannye o narodakh Severa // Uchenye Zapiski LGU. Seriya Vostokovedcheskikh nauk. 1949. Vyp. 1. № 98. S. 92–102.
10. Lapshina Z.S. Sakral'noe v pervobytnoj kul'ture Priamur'ya // Rossiya i ATR. 2005. № 3. S. 84–88.
11. Laskin A.R. Petroglify Sikachi-Alyana: Istoriko-kul'turnyj kontekst i sostoyanie sokhrannosti. Avtoreferat na soisk. uch. st. k.i.n. po spets. 07.00.06. M., 2015. 25 s.
12. Laskin A.R., Dehvlet E.G., Babaev A.L., Sudakov A.I. Petroglify Sikachi-Alyana - unikal'nyj pamyatnik drevnego naskal'nogo iskusstva na Nizhnem Amure (problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya) // Mir naskal'nogo iskusstva / otv. red. E.G. Dehvlet. M., 2005. S. 154–162.
13. Laskin A.R., Dehvlet E.G., Grin'ko A.E., Svojskij YU.M., Romanenko E.V. Novye rezul'taty dokumentirovaniya petroglifov i modelirovaniya sakral'nykh landshaftov pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Dal'nego Vostoka // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2018. № 2. S. 244–255.
14. Latushko YU. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. Istoriko-kul'turnye landshafty Amura v sovremennoj nanajskoj kul'ture (po materialam polevogo issledovaniya 2019 g.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 106–121.
15. Lidov A.M. Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obraztsy paradigmy v vizantijskoj kul'ture. M.: Dizajn. Informatsiya. Kartografiya, 2009. 362 s.
16. Mal'tseva O.V. Nanajtsy v promyshlennom rajone Priamur'ya: model' osvoeniya prostranstva i poisk identichnosti // Ehtnograficheskoe obozrenie. 2018. № 1. S. 161–177.
17. Nikitina M.I. Drevnyaya korejskaya poehziya v svyazi s ritualom i mifom. M.: Nauka, 1982. 327 s.
18. Okladnikov A.P. Drevnie amurskie petroglify i sovremennaya ornamentika narodov Priamur'ya // Sovetskaya ehtnografiya. 1959. № 2. S. 38–47.
19. Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. L.: Nauka. 1971. 335 s.
20. Okladnikova E.A. Sakral'nyj landshaft: teoriya i ehmpiricheskie issledovaniya. M.-Berlin: Direkt-Media, 2014. 230 s.
21. Podmaskin V.V. Drevnie predstavljeniya o tigre i leopardе u korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina kak istoriko-ehtnograficheskij istochnik // Manuscript. 2020. Т. 13. Vyp. 12. S. 120–126.
22. Samar A. P. Sobakovodstvo nanajtsev v XIX – nachale XX veka // Ehtnos i prirodnaya sreda / sb. st. / otv. red. V. A. Turaev. Vladivostok: Dal'nauka. 1997. S. 67–81.
23. Sasaki S. Mezhehtnicheskie braki korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina // Rossiya i ATR. 2008. № 2. S. 64–75.

24. Sem T.YU. Amurskij solyarnyj mif: genesis i ehtnokul'turnye svyazi // Lingvisticheskie voprosy severovedeniya. Tezisy dokladov i soobshhenij Gertsenovskikh chtenij 1993/1994 g. SPb.: "Obrazovanie", 1997. S. 66–67.
25. Sem T.YU., Okladnikova E.A. "Mif o trekh solntsakh": semantika i vizual'naya reprezentatsiya v monumental'nom iskusstve Drevnej Evrazii // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2021. № 1. S. 8–17.
26. Sem YU. A. Rodovaya organizatsiya nanajtsev i eyo razlozhenie. Vladivostok, 1959. 31 s.
27. Sem YU. A. Nanajtsy: material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX- seredina XX v.). Ehtnograficheskie ocherki. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1973. 315 s.
28. Taksami CH. M. Osnovnye problemy ehtnografii i istorii nivkhov (seredina XIX – nachalo XX v.). L.: Nauka, 1975. 235 s.
29. EHliade M. Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashhenii; Obrazy i simvol'y; Svyashhennoe i mirskoe. M.: Ladomir, 2000. 488 s.
30. EHliade M. Svyashhennoe i mirskoe. M.: Izdatel'stvo MGU, 1994. 144 s.
31. YAnshina E.H.M. Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii. M.: Nauka, 1984. 246 s.
32. Bereznitsky S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 120–134.

Березницкий С. В. Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амуро-сахалинского региона.

Сакральные ландшафты коренных народов амуро-сахалинского региона (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) оказывают ментальное влияние на процесс возникновения этнокультурных проекций. Феномен "этнокультурная проекция" понимается как механизм перенесения качеств внешнего объекта, явления на субъект. В данной статье под внешним объектом подразумеваются сакральные ландшафты, комплексы петроглифов, этнографические экспонаты, а роль субъекта играют представители указанных этносов. Этнокультурные проекции проявляются в контексте мифологического восприятия сакральных ландшафтов, воссоздания коллективной памяти в результате осмысления этнографических материалов, различных видов материального и нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: *Амуро-сахалинский регион, тунгусо-маньчжурь и палеоазиаты, сакральные ландшафты, этнокультурные проекции*

Bereznitsky S. V. Sacred landscapes and ethno-cultural projections of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region.

The sacred landscapes of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region (Nanais, Negidals, Nivkhis, Orochis, Udeghe, Uiltas, Ulchis, Evenks) have a mental impact on the process of the emergence of ethno-cultural projections. The phenomenon of "ethno-cultural projection" is understood as a mechanism for transferring the qualities of an external object, phenomenon to the subject. In this article, the external object refers to sacred landscapes, petroglyph complexes, ethnographic exhibits, and the role of the subject is played by representatives of these ethnic groups. Ethno-cultural projections are manifested in the context of the mythological perception of sacred landscapes, the reconstruction of collective memory as a result of the comprehension of ethnographic materials, various types of tangible and intangible cultural heritage.

Key words: *Amur-Sakhalin region, Tunguso-Manchus and Paleosiates, sacred landscapes, ethno-cultural projections*

Для цитирования: Березницкий С. В. Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амуро-сахалинского региона // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 24–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/24-29

For citation: Bereznitsky S. V. Sacred landscapes and ethno-cultural projections of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 24–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/24-29

Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья

Географические названия в Приморье и других регионах России, особенно названия рек или озёр, устойчиво сохраняют архаизмы и иногда восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории многие сотни и даже тысячи лет назад. Однако в большинстве случаев с появлением на территории народа с другим языком устойчивость географических названий нарушается: одни гидронимы подвергаются полной замене на топонимы, характерные языковым особенностям пришлого населения; другие трансформируются и отражают особенности языка как местного, так и пришлого населения; и только небольшая часть названий сохраняется в первоначальном виде. Рассматривая аборигенную топонимику, Ю.А. Сем и Л.И. Сем особо отметили: "до сего времени в топонимике Дальнего Востока не выявлены словообразовательные и семантические структуры, которые представляют несомненный интерес не только для собственно топонимики, но и для лингвистики, истории, этнографии" [14, с. 12].

Географические названия нередко отражают природу ландшафта, его природные богатства, свидетельствуют о характере заселения территории человеком, хозяйственной деятельности народа и других географических особенностях территории [10, с. 13; 12, с. 53–58]. Поэтому наука о топонимии привлекает в первую очередь картографов, филологов, историков, этнографов, биологов и специалистов других наук. Ученые из обычных на первый взгляд географических названий могут путем всестороннего их анализа определить не только историю происхождения топонима – этимологию, но и его смысловое значение – семантику.

При выявлении этимологии и определении семантики географических названий большую роль играет всесторонний анализ в совокупности с историческими, географическими, этнографическими, филологическими и другими сведениями. Комплексный подход при изучении гидронимов¹, оронимов², ойконимов³ и других названий позволяет выявить более точные и обширные сведения о топониме, его семантике и этимологии [10, с. 34].

В предлагаемой статье мы не преследуем цель показать все стороны науки о топонимии, а ограничиваемся только этимологией и народной семантикой некоторых географических названий Приморского края.

Приморье издревле населяли племена *воцзи* и *варка* [9, с. 47–54]. Племена варка, отмечал Г.В. Мелихов, "компактно проживали в бассейне р. Тумындзян и в верховьях Уссури, простираясь к востоку и северо-востоку до морского побережья и, захватывая прибрежные острова" [8, с. 95]. Обобщая сказанное, Мелихов делает вывод, что "варка верховьев Уссури – это орочи (удэгейцы) или их предки" [8, с. 95]. Племена воцзи, согласно китайских источников XVII в., размещались около оз. Ханка, в бассейне р. Сунгари и по притокам Уссури [4, с. 610]. В их состав входили нанайцы и кизэкэла, или так

¹ Гидроним – собственное имя водного географического объекта – водоема (море, озеро, река, пруд).

² Ороним – собственное название любого объекта рельефа земной поверхности – как выпуклого (гора, горный хребет, холм), так и вогнутого (долина, овраги др.).

³ Ойконим – собственное имя любого сельского или городского поселения.

называемые кьякар [7, с. 75] – удэгейцы, известные в разные исторические периоды под такими названиями: "... до V века были воцзюй; V–VI вв. – уцзи; VI–VII вв. – мохэ; VII–XI вв. – ужэ и удигай; XII–XIV вв. – удаха, удэгай; XVII – воцзи, кьякала – удиха и другие" [19, с. 211].

Аборигенные племена, не имея письменности, сохраняли местные топонимы только в памяти и передавали их из поколения в поколение. Поэтому до второй половины XIX в. в Приморском крае существовала только аборигенная топонимика, отражавшая мировоззрение, культуру и быт коренных народов. Ф.В. Соловьев отмечал, что первоначально аборигены края не разделяли имена на собственные и нарицательные. "Каждое название было одновременно и тем и другим. Различать их стали значительно позже. Но и это различие произошло в глубокой древности. Первые топонимы были видовые, нарицательные. Они обозначали географический объект: гора, река, озеро, лес, поле, поляна и т.д. По наименованию местности называли живших там людей. Этот обычай сохраняется до наших дней" [15, с. 141]. Е.П. Лебедева по этому поводу писала, что многие аборигенные племена и рода в XVI–XVII вв. именовались по месту своего обитания: намдулу, вангя, тунгя, хурха, айгунь и др. [7, с. 69–105].

После заключения Пекинского договора Китая с Россией (1860 г.), согласно которому Приморье вошло в состав Российского государства, в край с целью наживы стали проникать китайские отходники, которые, занимаясь здесь охотой, сбором женьшеня, добычей золота, скупкой пушнины у местного населения и другой хозяйственной деятельностью, принесли в край и свою топонимику [17, с. 44–69].

Китайские отходники при встрече с коренным населением узнавали географические названия территории, затем путем добавления к ним формантов получали топонимы созвучные с китайскими терминами. Часто китайские промисловники и охотники заходили вглубь тайги, где не было ни русских, ни коренных жителей. В необжитых местах китайцы, не зная аборигенных названий, давали речкам, протокам, горам и урочищам свои географические названия, которые со временем были зафиксированы русскими исследователями и географами, о чем и свидетельствуют материалы М.И. Венюкова, проводившего инструментальную рекогносцировку в 1858 г. пройденного пути по р. Усури от ее устья до верхних истоков. Именно на этом пути он зафиксировал только 6 китайских названий против многочисленных аборигенных топонимов [3, с. 152–153].

Из материалов Ф.В. Соловьева, занимавшегося выявлением китайских топонимов в Приморском крае, известно, что после исследований М.И. Венюкова на р. Усури работал натуралист Р.К. Маак, который в 1859 г. там уже зафиксировал 13 китайских топонимов, а в 1867–1869 гг. Н.М. Пржевальский при исследовании этой же речки и Южной части Уссурийского края из 48 географических названий записал 42 китайских топонима. Эти данные записывались в дневники, затем обрабатывались другими исследователями, попадали в печать и наносились на издаваемые карты. Таким образом, постепенно шло накопление китайских географических названий на картах территории Приморья [15, с. 171–172].

Нерусскую топонимию Приморского края можно разделить на четыре группы:

- субстратные топонимы, т.е. те топонимы, которые принадлежат языкам предшествующих народов и не объясняются на современных языках;
- географические названия коренного населения;
- названия, образованные с помощью китайских формантов;
- китайские топонимы.

Наибольшее распространение в крае получили географические названия, образованные с помощью китайских формантов: формант "гоу" – прибавляется к небольшим ручьям или речкам, протекающим по горным падам или рвам; формант "хэ" – означает "река", он прибавляется к гидронимам – названиям рек; формант "дин" – "вершина, макушка". Он используется в составе топонимов для обозначения горных вершин; формант "ча" в переводе с китайского на русский язык означает понятие "развилка реки или дороги"; формант "шань" самостоятельно означает слово "гора" [5, с. 100, 153, 176, 456, 518]. Формант "ло" или "бо" означает "озеро" или "лагуна". Синонимом этого фор-

манта является и слово "ху", которое в Китае используется для обозначения озер [11, с. 158].

До 1972 г. в Приморском крае использовались топонимы как субстратного, аборигенного, русского, так и китайского происхождения. Однако после ряда некоторых политических разногласий СССР с Китаем китайское правительство в 1957–1958, 1963–1965 и других годах повело антисоветскую политику и стало утверждать, что Приморье захвачено Россией, поэтому его надо вернуть Китаю. В качестве основного факта, подтверждающего якобы правоту притязаний, Китай стал ссылаться на топонимы китайского происхождения, распространенные в Приморье.

После мартовских событий 1969 г., когда между китайскими войсками и советскими пограничниками произошел военный инцидент на острове Даманском, а затем в окрестностях г. Семипалатинска, был поставлен вопрос о переименовании китайских топонимов в Приморском крае.

В 1972 г. в Приморском крае все без исключения топонимы, которые звучали не по-русски, были переименованы. В итоге это внесло большие трудности при чтении научной и художественной литературы, где встречается много аборигенных и китайских названий. В наши дни, когда встал вопрос о возврате некоторых старых географических названий, мы должны всесторонне рассмотреть эти топонимы, по возможности выявить их семантику и этимологию.

Определять семантику гидронимов, оронимов и других названий, т.е. узнать значение, смысл географических названий в наши дни представляется очень трудной задачей по следующим причинам: во-первых, в наши дни многие коренные жители уже не знают своего языка, а те кто и знает его, не всегда могут объяснить тот или иной топоним; во-вторых, некоторые топонимы в аборигенном и китайском языках по своему звучанию совпадают, но смысл их разный; и в-третьих, отсутствуют опубликованные по семантике и этимологии филологические, географические, биологические исследования, без которых наши знания о семантике аборигенных и других названий выступают однобоко. Однако хотелось бы надеяться, что проблемой топонимики заинтересуются этнографы, географы, биологи, картографы и другие специалисты. Они, опубликовав свои исследования о географических названиях, дадут научные материалы для будущей обобщенной работы, а пока мы имеем только минимум данных по семантике ряда названий, сведения о которых мы и приводим в настоящей работе.

Этнографические исследования показывают, что географические названия коренного населения отражают особенности рельефа местности, цвет или качество воды, есть гидронимы, связанные с числительными, территорией, на которой осуществляется хозяйственная деятельность коренных малочисленных этносов, с ориентацией на местности, о происхождении родов и племен и т.д. [12, с. 53–58]. Эти сведения показывают, что коренные жители хорошо знали территорию своего обитания и до недавнего времени могли объяснить значение многих топонимов.

Рассмотрим некоторые из них: всем известен гидроним Иман или так называемая река Большая Уссурка – крупный приток реки Уссури. По китайским источникам XVIII в. эта река носила название Ниманьхэ, местные народы называли эту реку Нимань-бира, где слово Нимань – собственное название реки, а слово "бира" имеет нарицательное значение и переводится с тунгусо-маньчжурского языка на русский язык как термин "река". На русских картах второй половины XIX столетия эта река известна под названием Нимань-бира или Иман.

Из материалов советских китаистов 1970-х гг. XX столетия известно, что этимология гидронима Иман не ясна. Однако существовало и мнение, что оно происходит от названия аборигенного рода Нимача, некогда проживавшего на берегу реки Иман.

Если учесть тот факт, что коренные жители принимали родовые имена, исходя из названия местности или гидронима, то получается, что каждый этноним является как бы вторичным названием, вытекающим из первичного имени, т.е. гидронима или какого-нибудь топонима. Например, удэгейский род Единка получил свое родовое название от одноименного названия современной реки еще в начале XX столетия [8, с. 22]. От названий рек, впадаю-

щих в Японское море, получили названия удэгейские роды Пеонка (р. Пейя), Кимонко (р. Киму), Куинка (р. Куи), Амулинка (р. Амули), Аянка (р. Ая), Суанка (р. Суа), [6, с. 35] и другие. Исходя из этого, мы считаем, что гидроним Иман (Нимань) не мог произойти от родового имени Нимача, наоборот, этноним рода Нимача произошел от гидронима Нимань или Иман.

По сведениям иманских удэгейцев Сергея Монгулеевича Пеонка, Данила Сигдэ и Мусы Кялундзига, гидроним Нимань (Иман) произошел от удэгейского слова Има (Имана) – снег, т.е. Иман – это снежная река. Об этом же писал и В.К. Арсеньев, который указывал, что Иман является транскрипцией слова Иман-ха, означающего снег [1, с. 58]. Однако на материалы В.К. Арсеньева, касающиеся этимологии реки Иман, никто не обратил внимания.

В Дальнереченском районе имеется топоним Монгоу (пос. Зимники) и р. Монгоушка (р. Костюковка). Из материалов китайистов 1970-х гг. следует, что эти топонимы китайского происхождения образованы от компонентов: *мын* (*мэн*) – комары, мошки; *гоу* – падь. *Монгоу* – комариная падь. Однако иманские удэгейцы, в частности, Муса Кялундзига и Данила Сигдэ считают, что эти топонимы происходят от слова Монго – плавник на реке, который скапливается в большие заломы. Их точка зрения представляется более убедительной. Если бы аборигены края давали географические названия из соображения количества гнуса в природе, то им пришлось бы весь край назвать гнусным.

В Пожарском районе Приморского края имеется такая река, как Улунга. Ныне она называется р. Светловодная – это левый приток р. Бикина. Современные китайисты считают, что этот гидроним китайского происхождения: "у" – означает "гора"; "лун" – "горный хребет"; "гоу" – "речка". Таким образом, гидроним *Улунгоу* обозначается как Горная речка.

По сведениям бикинских удэгейцев гидроним Улунга (Уленга) означает речная местность. Если исходить из языка удэгейцев, то гидроним Улунга можно представить в виде слова *Ули* (*Ула*) – вода, река; [18, с. 260]. Окончание "нга" – суффикс, при помощи которого создаются топонимы местности. Таким образом, дословный перевод гидронима *Улунга* означает "речная местность".

Г.М. Василевич, изучая топонимику тунгусо-маньчжуров, особое значение придавала суффиксам "-нга", "-ра" и другим, при помощи которых создавались местные гидронимы и оронимы. "Названия с такими суффиксами, – писала Г.М. Василевич, – были разнесены группами древних тунгусов во время их расселения по тайге. В новых местах эти суффиксы могли фонетически несколько изменяться и наряду с этим могли образовываться новые суффиксы и новые географические термины, ставшие названиями рек, озер и гор" [2, с. 160].

Следует заметить, что многочисленные топонимы типа Улахэ и Ултиха, широко распространенные в Красноармейском, Чугуевском, Кировском, Уссурийском, Тернейском и других районах Приморского края, имеют только китайский компонент "хе" (*ха*) – "река", присоединенный к аборигенному слову *ула*, *ули* – вода, река [16, с. 120]. Однако, несмотря на то что китайисты в 1970-е гг. нашего столетия и утверждали, что часть вышеуказанных гидронимов с коренным словом "Ула" неясного происхождения, тем не менее эти гидронимы отнесли к китайским названиям.

В Пожарском районе бытует и гидроним Янга Малая или р. Пихтач. Считается, что слово Янга китайское, образованное компонентами: "Ян" – "тополь, осина"; "гоу" – "падь". *Янгоу* – Тополевая река. Бикинские и иманские удэгейцы семантику этого гидронима дают иную. Они считают, что *Янга* – это сухая протока [12, с. 54], т.е. речка, которая часто теряется среди камней.

В Пожарском районе имеется и речка Хутагоу, ныне известная под гидронимом Лебеда – это левый приток р. Бикина. Считается, что Хутагоу – название китайское, образованное компонентами: "ху" – "тигр"; "да" – "большой"; "гоу" – "падь, речка". *Хутагоу* – Тигровая речка. Удэгейцы всех территориальных групп считают, что это название состоит из двух частей: "хута" – "красный (коричневый)"; "гоу" – китайский формант, обозначающий слово "речка". Гидроним *Хутагоу* – это Красный (коричневый) ручей, истоки которого берут из болота. Нам неоднократно приходилось встречать ма-

ленькие речушки, вытекающие из болота, цвет воды которых часто бывает коричневого или красноватого оттенка [13, с. 223].

В Тернейском районе имеется гидроним Каданау. Один из них именуется как приток Длинный – это правый приток р. Дагды, впадающей в р. Самаргу. Другой – это приток Каменистый – правый приток р. Мо. Китаеведами считается, что гидроним Каданау китайского происхождения. Он образован компонентами: "кань" – "утес"; "да" – "большой"; "нао" – "изгиб, кривизна". Гидроним "Каньданао" означает "Большой кривой утес" [16, с. 52–53]. Если исходить из семантики хорских и других удэгейцев, то гидроним Каданау означает Большой утес на земле. Народная семантика не расходится и с анализом удэгейского языка. Гидроним Каданау, вернее Кадана, состоит из двух слов: "Када" – Большой утес [20, с. 42–43]; "на" – земля. Следует сказать, что по берегам рек и в тайге бассейна реки Самарги больших утесов Када очень много.

В Тернейском районе имеется и река Нахтахе (р. Кабанья). В 1970-е гг. считалось, что этот гидроним неясного происхождения, а возможно, и китайского, гадали специалисты. Если взять за основу, что этот гидроним китайский, отмечалось в специальной литературе, то он должен состоять из компонентов: "нао" – "грязь"; "да" – "большой"; "хэ" – "река". Наодахэ – это значит Большая грязная река [16, с. 73–74]. Если бы эта река действительно была очень грязной и очень большой, то можно было бы согласиться с такой семантикой, но Нахтахе – река чистая. Самаргинские удэгейцы называют ее Нахтаха, что в переводе означает: "нахта" – "кабан"; "ха" – китайский формант – "река". *Нахтаха* – Кабанья река.

В Красноармейском районе Приморского края бытует ряд гидронимов со словом Кандама – это Кандама Левая (Левая Руслановка), Кандама Малая (Малая Руслановка) и Кандама Правая (Правая Руслановка). Считается, что этот гидроним китайского происхождения, образован от компонентов: "кань" – "сухой"; "да" – "большой"; "ма" – "конопля". *Кандама* – Сухая конопля [16, с. 53]. Мы считаем, что это не так. Во-первых, на берегах горных рек конопля не растет. Во-вторых, иманские удэгейцы утверждают, что гидроним Кандама следует понимать как Каменистая река, покрытая округлыми валунами, похожими на нарост на дереве *канда мо* (*канда* – выпуклый нарост (бородавка); *мо* – дерево (ствол от корня до первых веток)).

Мы проанализировали только часть хорошо нам известных топонимов, в основе которых находятся аборигенные слова, а в окончании – китайские форманты. В списке имеется не один десяток аналогичных топонимов, которые необходимо подвергнуть всестороннему анализу и определить их семантику и этимологию. Для проведения этой работы необходимо привлечь филологов тунгусоведов, китайистов, географов, биологов, геологов и других специалистов. Только после всестороннего рассмотрения и изучения топонимов разными специалистами можно будет более объективно судить об их значении, происхождении, а значит и их в дальнейшем бытовании.

В заключение следует сказать, что топонимика коренного населения является наиболее древней. Она сложилась в процессе длительной истории аборигенов края и может служить источником при изучении расселения народов Приморья, Приамурья и других регионов России.

Китайские географические названия в крае появились только после 1860 г. в результате пребывания здесь китайских отходников. Китайские названия являются вторичными топонимами или представляют собой наложение одних топонимов на уже существующие аборигенные названия. С уходом китайцев из Приморья многие их географические названия исчезли, остались только те, которые были нанесены на карты XIX столетия.

Литература

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историческо-этнографический // Записки Приморского отделения Императорского русского географического общества. Хабаровск, 1914. 203 с.
2. Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения // Этнография имён. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1971. С. 160–171
3. Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальгиз, 1952. 312 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
5. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии Архимандритом Палладием и Старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Пекин: Типография Тунь-Вэнь-Гуань, 1888. Т.2. 739 с.
6. Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовой состав удэгейцев // КСИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: 1957. Вып. 27. С. 35–41.
7. Лебедева Е.П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков // Ученые записки Ленинградского ун-та. Л.: 1957. Т.132. С. 69–110.
8. Мелихов Г.В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхади и Абахая (1591–1644) // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. 387 с.
9. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 248 с.
10. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Изд-во "Мысль", 1974. 383 с.
11. Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. М.: Издательство: иностранных и национальных словарей, 1952. 890 с.
12. Подмаскин В.В. Удэгейские топонимы // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 53–58.
13. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX – XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.: ил.
14. Сем Ю.А., Сем Л.И. История изучения ономастики Дальнего Востока // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 3–21.
15. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1973. 282 с.
16. Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории Советского Дальнего Востока. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1975. 222 с.
17. Соловьев, Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 127 с.
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л.: Изд-во "Наука" Ленинградское отделение, 1977. Т. 2. 992 с.
19. Старцев А.Ф. Этническая история и проблема этногенеза удэгейцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. (Первые Шавкуновские чтения). Сб. науч. статей. Владивосток: "Дальнаука", 2008. С. 205–215.
20. Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. 148 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Kitajtsy v Ussurijskom krae: Ocherk istoricheskogo-ehnotograficheskij // Zapiski Primorskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Khabarovsk, 1914. 203 s.
2. Vasilevich G.M. Toponimy tungusskogo proiskhozhdeniya // EHtnografiya imyon. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka", 1971. S. 160–171
3. Venyukov M. I. Puteshestvie po Priamur'yu, Kitayu i Yaponii. Khabarovsk: Dal'giz, 1952. 312 s.
4. Dolgikh B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 662 s.
5. Kitajsko-russkij slovar', sostavlennij byvshim nachal'nikom Pekinskoj dukhovnoj missii Arkhimandritom Palladiem i Starshim dragomanom Imperatorskoj diplomaticheskoy missii v Pekine P.S. Popovym. Pekin: Tipografiya Tun'-Vehn'-Guan', 1888. T.2. 739 s.
6. Lar'kin V.G. Nekotorye dannye o rodovom sostave udehgejtsev // KSIEH im. N.N. Miklukho-Maklaya. M.: 1957. Vyp. 27. S. 35–41.
7. Lebedeva E.P. Rasselenie man'chzhurskikh rodov v kontse XVI i nachale XVII vekov // Uchenye zapiski Leningradskogo un-ta. L.: 1957. T.132. S. 69–110.
8. Melikhov G.V. Protsess konsolidatsii man'chzhurskikh plemen pri Nurkhatsi i Abakhae (1591–1644) // Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae. M.: Nauka, 1966. 387 s.
9. Melikhov G.V. Man'chzhury na severo-vostoke (XVII v.). M.: Nauka, 1974. 248 s.
10. Murzaev E.H.M. Ocherki toponimiki. M.: Izd-vo "Mysl'", 1974. 383 s.
11. Oshanin I.M. Kitajsko-russkij slovar'. M.: Izdatel'stvo: inostrannykh i natsional'nykh slovarej, 1952. 890 s.
12. Podmaskin V.V. Udehgejskie toponimy // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (Onomastika). Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1977. S. 53–58.
13. Podmaskin V.V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ehnotograficheskoe issledovanie po materialam XIX – XX vv. Vladivostok: DVO RAN, 1998. 228 s.: il.
14. Sem YU.A., Sem L.I. Istoriya izucheniya onomastiki Dal'nego Vostoka // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (Onomastika). Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1977. S. 3–21.
15. Solov'ev F.V. Kitajskie otkhodniki i ikh geograficheskie nazvaniya v Primor'e. Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1973. 282 s.
16. Solov'ev F.V. Slovar' kitajskikh toponimov na territorii Sovetskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1975. 222 s.
17. Solov'ev, Kitajsoe otkhodnikchestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v ehpkhu kapitalizma (1861–1917 gg.). M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1980. 127 s.
18. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehntologicheskomu slovarju. L.: Izd-vo "Nauka" Leningradskoe otdelenie, 1977. T. 2. 992 s.
19. Startsev A.F. EHtnicheskaya istoriya i problema ehntogeneza udehgejtsev // Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. (Pervye SHavkunovskie chteniya). Sb. nauch. statej. Vladivostok: "Dal'nauka", 2008. S. 205–215.
20. SHnejder E.R. Kratkij udehjsko-russkij slovar' s prilozheniem grammaticheskogo ocherka. M.-L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1936. 148 s.

Старцев А. Ф. Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья.

Географические названия, особенно гидронимы, оронимы и ойконимы, устойчиво сохраняются в памяти аборигенных племен, населявших Приморский край в прошлые века нашей эры. К таким средневековым этносам относятся племена воцзи, уцзи, удаха и другие, которые по определению отечественных востоковедов являлись предками современных удэгейцев, нанайцев, орочей и др. аборигенов края. Аборигенные племена дисперсно расселялись по территории Приморья, начиная от границ современной Северной Кореи и вплоть до низовьев Амура, включая всё побережье Японского моря, прилегающие территории озера Ханки, бассейнов рек Сунгари, Усури и других мест. Аборигены края, осваивая эти территории, называли их с учетом промысловых, природных и этнических особенностей и сохраняли эти топонимы в своей памяти сотни лет. С изменением этнического состава менялись и географические названия, особенно это стало заметным с появлением в крае китайских отходников, которые оказали значительное влияние на изменение топонимов в крае, что и было зафиксировано на географических картах и отражено в публикациях отечественных исследователей. Во второй половине 70-х гг. XX столетия было принято решение о замене китайских топонимов в крае, оставая при этом аборигенную топонимику. Этимология и народная семантика аборигенных топонимов свидетельствует, что они отражают национальные особенности местных этносов и их глубокие знания о занимаемой территории.

Ключевые слова: *культура, традиция, топонимы, этимология, семантика, племена, аборигены, территория, Приморье.*

Startsev A. F. Etymology of Chinese and traditional toponyms of the Tungus-Manchu ethnic groups of Primorye.

Geographical names, especially hydronyms, oronyms and oikonoms, are steadily preserved in the memory of the aboriginal tribes who inhabited the Primorsky Territory in the past centuries of our era. These medieval ethnic groups include the Woji, Uji, Udakha and others tribes, which, according to the definition of Russian orientalists, were the ancestors of the modern Udege, Nanai, Oroch and other aborigines of the region. Aboriginal tribes dispersedly settled across the territory of Primorye, starting from the borders of modern North Korea and down to the lower reaches of the Amur, including the entire coast of the Sea of Japan, the adjacent territories of Lake Khanka, the basins of the Sungari, Ussuri rivers and other places. The aborigines of the region, mastering these territories, called them taking into account the trade, natural and ethnic characteristics, and kept these place names in their memory for hundreds of years. With the change in the ethnic composition, the geographical names also changed, this became especially noticeable with the appearance of Chinese migrants in the region, who had a significant impact on the change of place names in the region, which was recorded on geographical maps and reflected in the publications of domestic researchers. In the second half of the 70s of the twentieth century, it was decided to replace the Chinese place names in the region, while leaving the aboriginal place names. The etymology and folk semantics of aboriginal toponyms indicate that they reflect the national characteristics of local ethnic groups and their deep knowledge of the occupied territory.

Key words: *culture, tradition, toponyms, etymology, semantics, tribes, aborigines, territory, Primorye*

Для цитирования: Старцев А. Ф. Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/30-37

For citation: Startsev A. F. Etymology of Chinese and traditional toponyms of the Tungus-Manchu ethnic groups of Primorye // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/30-37

**Культурный ландшафт в системе ценностей
восточных славян Приморья
(на материале прозаических жанров фольклора XX в.)**

В настоящее время культурный ландшафт становится объектом исследования многих гуманитарных, естественных и общественных наук, каждая из которых вкладывает в это понятие свои смыслы, применяет свою методологию, исследуя его на собственном материале. В.В. Дементьева связывает актуализацию этого феномена "с переосмыслением соотношений рукотворного и природного пространств, их взаимодействия" [6, с. 433].

И.Р. Николаев, обращаясь к проблеме прибрежного культурного ландшафта, заявляет о многозначности понятия культурный ландшафт и называет четыре основных существующих в настоящее время подхода к его изучению: "<...> классический ландшафтный географический подход; этнолого-географический или этнокультурный подход; информационно-аксиологический подход; феноменологический подход" [15, с. 243].

В.В. Дементьева отмечает: "Наряду с природоцентричным (географическим) направлением развивается и культурологическое или культуроцентричное, которое рассматривает, прежде всего, духовную составляющую культурного ландшафта" [6, с. 435]. Исследовательница разграничивает среду и культурный ландшафт, считая первую основанием для второго: "<...> главными составными элементами которого [ландшафта] выступают дороги, архитектурные сооружения <...>" [6, с. 436]. А.С. Кусков и Е.И. Арсеньева культурный ландшафт определяют как "гармоничное сочетание природной и историко-культурной составляющих" [12, с. 330].

Данная статья посвящена исследованию культурного ландшафта, запечатленного в прозаическом фольклоре Приморья. Фольклористы уже обращались к осмыслению культурного ландшафта. Так, А.А. Иванова, опираясь на фонд географических песен, применяет к фольклорному материалу следующее определение культурного ландшафта: "Под культурным ландшафтом разумеется территориальный природно-культурный комплекс, созданный и/или освоенный сообществом людей" [8] и вычленяет его структуру: "<...> природный ландшафт (или природная среда); сообщество людей, взятое в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и прочих аспектах; хозяйственная деятельность; селенческо-расселенческая система (или селитьба) как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества в природном ландшафте; языковая система; духовная культура (сфера верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства)" [8]. Особую роль в описании культурного ландшафта исследовательница отводит географической песне, поскольку в ней "исполнитель по сути дела выступает в роли "исследователя" КЛ [культурного ландшафта]" [8].

А.Ф. Григорьев изучал культурный ландшафт на материале фольклора гребенских казаков [4; 5]. "<...> культурный ландшафт гребенцов, включающий различные объекты окружающей природной среды, <...> образует природно-ландшафтный социокультурный комплекс гармоничной нерасчлененной взаимосвязи природы с человеком, свойственной ещё архаикоязыческой мифологизации, который <...> явился стержневой доминантовой основой в формировании этнической картины мира гребенских казаков" [5, с. 127]. А образ *Кавказских гор*, по мнению исследователя, маркирует "архаико-языческий мифологизированный образ этносознания казаков, унаследованного ещё

от первобытного средневекового мировосприятия со свойственным ему антропоморфизмом" [4, с. 46]. В.А. Лобач, исследуя ландшафтный код топонимических преданий о богатых, заявляет о его стереотипности [14, с. 352].

В.В. Виноградов обращал свое внимание на роль почитаемого места в традиционной культуре: "В нем отражен процесс активного взаимодействия человеческого коллектива и окружающего мира, а также расширения пределов "своей" ойкумены и ее осмысления. Возникший таким образом и поддерживаемый поколениями, существует культурный ландшафт" [2, с. 22].

Н.М. Ведерникова и М.Н. Мелютина, исследуя сакральную топографию Кенозерья на материале преданий, легенд и поверий, приходят к заключению: "<...> фольклорные материалы показывают, что святые рощи, церкви, часовни, кладбища, кресты, будучи значимыми визуальными приметами культурного ландшафта Кенозера, являются и содержательными доминантами, выявляя определённые закономерности в духовной организации пространства" [1, с. 102].

Тема дальневосточного пространства рассматривалась в работах литературоведов Дальнего Востока. Так, А.А. Забияко отмечает его роль в формировании фронтальной мифологии: "Суровые условия выживания предопределили сакрализацию пространственных таежных координат <...>" [7, с. 155]. Е.О. Кириллова приходит к выводам, что "образ тайги в творчестве Байкова проявляется как нечто целостное, так и в различных конкретных образах, среди которых центральное место занимают две значительные группы: зооморфные <...> и фитоморфные <...>" [9, с. 97]. Отметим, что прозаический фольклор восточных славян Дальнего Востока и, в частности, Приморья, записанный в XX в., еще не становился материалом для исследования культурного ландшафта, хотя и привлекался при изучении смежных тем, например, языческих представлений о земле в фольклоре [10; 11].

В качестве материала для исследования данной работы послужили тексты сказок (34), легенд (11), поверий (9), преданий (14), быличек (5), устных рассказов (2), произведений народного юмора (9), записанные на территории Приморского края в XX в. Всего было проанализировано 84 текста.

В данном материале было выявлено три жанра сказочного фольклора: сказки о животных, волшебные и бытовые. Поскольку сказки о животных не только знакомы детям с дикими и домашними животными, их повадками, показывали типологию людских характеров, но и транслировали информацию о традиционном русском ландшафте, на первый взгляд, обезличенном. Да, в сказках о животных не упоминаются наименования земель или населённых пунктов, нет в них личных имён рек или возвышенностей. Но на самом деле этот обезличенный ландшафт легко налагался на ландшафт местности, где рассказывались сказки, и воспринимался слушателями как знакомый, родной. Упоминаются те реалии, которые необходимы для развития сюжета. Так, в сказке "Лиса и волк" этот набор минимален: речка и два берега реки. На противоположном берегу находится волк, лиса показывает ему, как можно избавиться от блох, а затем возвращается на свой берег. Волк повторяет за лисой, но торопится, в результате не только не освобождается от собственных блох, но собирает и тех, что были на лисе [18, с. 44–45]. Значимо в этой сказке восприятие пространства: слушатель сказки видит ситуацию с позиции находчивой лисы, наблюдает за происходящим с её берега, а волк – осмеянный – находится на другом берегу. Так реалии ландшафта ненавязчиво помогают сформировать у детей отношение к происходящему.

Кроме ландшафтных природных реалий, в сказках о животных стабильно упоминаются избушки и хаты, в которых живут люди или лесные звери. Пространство делится на два локуса: лес, где обитают звери, и деревню, где находятся люди, при этом все перемещаются из одного локуса в другой и обратно. Звери пользуются дорогой лишь в том случае, когда хотят вступить в контакт с человеком: "<...> лиса пошла, легла на дороге и притаилась, как спит" [17, с. 20]. На дороге её и подбирает мужик, возвращающийся с рыбалки.

Иное осмысление ландшафта представлено в волшебных сказках. В них не только очевидно деление пространства на свой мир и мир иной, который может располагаться как под землей, так и на горе или под водой, но в них реализуется география нашего мира, поделённого на город и деревню

(в единственном числе). Особенностью волшебных сказок является не только реализация объектов культурного ландшафта по их прямому назначению: по дорогам персонажи ходят или ездят на конях, у развилок задумываются о выборе маршрута, ныряют в озёра, переходят по мосту над рекой, залезают на высокую гору или спускаются в глубокую яму, живут в избах или в теремах, набирают воду в колодце.

Кроме обычных ландшафтных реалий, в этом жанре встречаются и особые. Так, они сами, изменяя природу, могут становиться персонажами (например, печка или яблонька в сказке "Гуси-лебеди"). В предметы культурного ландшафта могут превращаться герой и его невеста, прячась от преследователей. *"А девушка как слышала погоню, оборотила Ваню в попу, а себя в церковь"* [17, с. 47]. И преследователи не в состоянии отличить оборотней от настоящих ландшафтных реалий, кроме того, оборотни обладают теми же свойствами, что и настоящие реалии. Преследователи *"подлетели, а в церкви зазвонил колокол, вышел на амвон поп с кадилом и завел свое <...>. Окурил их ладаном"* [17, с. 47].

Бытовые сказки вводят действие сюжета в городское или деревенское пространство, изображают крестьянскую избу или дом барина. В сказке "Три загадки" говорится об уничтожении дома как мести за грубое обращение. Так, солдат просится ночевать, хозяин дома разрешает, но сначала солдат должен угадать названия предметов, а иначе его ждёт оплеухи. Солдат не может угадать, что кошка – это *чистота*, лампа – *светлота*, а дождь – *благодать*. Утром солдат обливает кошку керосином и поджигает, уходя, загадывает хозяину свою загадку: *"Ваша чистота схватила светлоту, понесла на высоту, как не даст Бог благодать, так тебе дома не видать"* [16, с. 170].

Былички – жанр, повествующих о представителях низшей славянской мифологии: домовых, леших, русалках, овиинниках и пр., транслирует приходящую ему систему культурного ландшафта. В этом жанре чётко выражено деление мира на освоенное (т.е. принадлежащее человеку) и неосвоенное пространство (там, где живут персонажи нечеловеческой природы). Однако традиционное сознание наделяет неосвоенное пространство привычными реалиями: например, избушку, где живёт нечисть. Старушка, которую пригласили вечером на родину и с небывалой скоростью довели к роженице, понимает, где она оказалась: *"Тут бабушка наша вспомнила про жабу [которую днём подсаживала на кочку] и догадалась, что она на родинах у чёрта, потому что только в болоте водятся черти"* [17, с. 69].

В неосвоенном пространстве запрещены действия, обязательные в пространстве освоенном, так как это приведет к изменению пространства. Принимая роды, бабушка не молится, *"потому что если бы стала творить молитвы, то всё исчезло бы, она очутилась бы в болоте"* [17, с. 69]. Другим таким действием становится крик петуха: он оказывается сильнее наваждения: *"Все пропало, а старушка сидит на краю болота на кочке"* [17, с. 69]. Так традиционное сознание транслирует идею сосуществования разных миров в одной точке пересечения координат и различной реализации их ландшафтов, причём одновременно героиня можно находиться только или в одном ландшафте, или в другом.

Но возможно и создание безопасного локуса в пространстве неосвоенном. Такой способностью обладает человек, наделенный особыми знаниями, внешне ничем не примечательный. Для придания эффекта достоверности действие привязывается к реально существовавшим в недавнем прошлом географическим единицам: *"Ходили мы ходоками в ДВК [Дальневосточный край, был образован в 1926 г., реорганизован в 1938 г.] втроём. Пришли в Ольгинский район. <...>. Вот в одной деревне, забыл уж название, зашли к старику-хохлу Полтавской губернии, остались отдыхать у него на три дня"* [17, с. 69–70]. Старик зовет с собой рассказчика на охоту, но велит не двигаться с места. И создаёт для героя особое пространство: *"Поставил меня среди дороги, очертил вокруг меня большой круг и стал свистеть. Глянул я – и пердцы у меня замерло, обомлел весь: ползут змеи видимо-невидимо, бегут крысы, бурундуки, зайцы"* [17, с. 70]. Однако, змеи из животных не в состоянии оказываются перейти начертанный круг.

Но представители нечистой силы могут не только входить в освоенное пространство, но и изменять его. Как, например, ткач, который потребовал у

мужика большой объем работы. Мужик, не веря, в шутку ответил, что если ткач все переделает, то может хату раскрыть. Так и происходит: ткач сначала раскрывает за день хату, а затем за ночь покрывает её вновь, тем самым демонстрируя свою принадлежность к нечисти.

Текст, относящийся к религиозно-назидательным легендам, был опубликован А.П. Георгиевским в 1929 г. Легенда относится к т.н. снам Богородицы, где Она видит предстоящую гибель своего Сына. Легенда начинается с описания места: *"На хори на осияньскии, на зэмли на хрэistianскии, там Пречиста Мати спала и зночывала"* [3, с. 100]. Отнесённость земли к христианской территории как маркёр народной географии – показатель вещего сна. Но в самом сне присутствует уже другое разделение мироздания – на двухчастную модель: небо, откуда спускаются ангелы, и земля, где распинают Христа, причём крови Христа не дают пасть на землю: *"Анхэлы святы з нэбэс злиталы, золотыи чаши пидставлялы, ёно святои крови до зэмли нэ допуськалы"* [3, с. 100]. Пречистая кровь оберегается от земли: так пресекается смешение миров. И крест, на котором распят Христос, будто выносится за рамки мироздания, поскольку не указано его местонахождение.

Ещё одна славянская легенда (космогоническая), бытовавшая в среде переселенцев, связана с описанием Дальнего Востока – изобилующей богатствами земли. Она возникла на основе рассказов тех, кто лично побывал на Дальнем Востоке, и вошла в фольклорный фонд ещё на родине переселенцев. Переселенцам рассказывали о необычайной близости земли и неба: *"<...> там край света. Бабы вальками бельё бьют и на небо вальки кладут, потому что там земля с небом сходятся. Небо совсем низенько"* [18, с. 26]. Земля там противопоставлялась земле здесь (т.е. родине переселенцев), причём не в пользу последней: *"Лесу там на Дальнем Востоке – хоть удавись, воды – хоть утопись, земли – хоть подавись, а есть не проси. Места ещё совсем не обжитые, не заселённые. Где кому понравилось, там и наши, сей, лесу не покупай, руби, строй дома, какие тебе хочется"* [18, с. 26].

Если рассмотренные выше легенды бытовали в других регионах России, то этиологические легенды, описывающие появление женьшеня, видимо, проникли в фольклорный фонд переселенцев из устного народного творчества коренных народов или китайцев. И реалии культурного ландшафта этих текстов уже соотносятся с территорией Дальнего Востока. Если один текст относит появление женьшеня к доисторическим временам, *"когда и живого-то ещё ничего не было, одна вода да земля"* [17, с. 60], а после того, как женьшень порождает подобных себе, он прячется в месте, *"где поглуше да поспокойней, почему и найти его трудно"* [17, с. 60]. Две другие легенды уже связывают появление женьшеня с человеком, поэтому и описываются в текстах реалии, созданные человеком. В первой легенде это ловушка, устроенная завистником – глубокая яма, полная острых камней и прикрытая веточками [17, с. 61], а в сюжете второй противопоставляются горы как маркёр вольной жизни и дом богача, где герой влюбляется в дочь вылеченного им богача. Но богач отказывает нищему жениху, и тот снова уходит в горы. Вскоре вслед за ним отправляется и девушка. Именно в горах влюблённая, преследуемая погоней, меняет свое обличье: *"Видит она, что не уйти, и превратилась в птицу. А юноша стал женьшенем. С тех пор они всегда вместе, где птичка, эта есть, там и женьшень ищи"* [17, с. 62].

Другие легенды, связанные с плантациями женьшеня, рассказывают о случайном обнаружении и сокрытии этого богатства от чужого глаза, причём для достоверности событий в текстах употребляются имена В.К. Арсеньева, созданного им литературного героя Дерсу, Татьянина (кто это – выяснит пока не удалось). В текстах описывается и удивительная способность корня перемещаться в пространстве. Так, корень, на который человек повесил трубку, вдруг исчезает и оказывается в другом месте: *"Потом уже другой человек по другому ручью корень нашёл и трубку на нём. Принёс домой, а сосед признал. То-то удивились!"* [17, с. 64].

С обозначенными выше легендами о женьшене соотносятся поверья. В этих небольших текстах встречается характерная деталь: в центре ландшафта находится корень жизни, а все прочие реалии ландшафта связаны с ним. Именно женьшень – главный маркёр особого приморского ландшафта, но упоминается и другой – тайга. Впрочем, наименование *тайга* иногда

обобщается до общеупотребительного наименования *лес*. В этом жанре обозначен значимый компонент традиционного сознания – ориентация в сложном пространстве, чего не было выявлено в других жанрах: *"Главное – тайгу понимать надо, чтобы, значит, не закружить. Вдарился, скажем, в таком направлении, ну и держи"* [17, с. 65]. Обращается внимание на соотношение затраченных усилий и достижения поставленной цели: *"Вообще-то, конечно, корень надо знать, чтоб не бить ноги попусту"* [17, с. 65].

Тексты поверий сосредоточены на описании места произрастания женьшеня. Оно точно не описано, делается акцент на его тайности, удалённости и закрытости от постороннего глаза. Существуют особые приметы, связанные с ландшафтом, указывающие на место, где растёт корень. В этих приметах очевидна модель подобия, присущая традиционному сознанию: *"В лес заходишь когда – иди тихо. На лещину гляди. Увидишь ветку скрученную, на корень похожую – значит, он близко"* [17, с. 65]. Корень при этом одушевляется: этой ландшафтной реалии приписывается способность прятаться, ускользать из рук корнёвщика. Считается, что корень имеет свою звезду, с которой он связан: если падает звезда, то и корень лишается жизни. Но при этом на месте падения звезды, как гласит другое предание, рождается корень.

Предания, чьи сюжеты возникли на основе реальных событий, происшедших в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке, транслируют реальный ландшафт Приморья. Причём если предания рассказывают участники события или знавшие их люди, то ландшафт в текстах сохраняет реалистические черты, подробное описание: *"Жили мы на пасеке в сопках. Стояла там хата старая и омшаник. Сразу за хатой была пасека, а дальше – заимка"* [18, с. 77]. В эту хату нагрянул бандит и потребовал у молодой хозяйки отдать ему деньги. Не испугавшись, она указал ему на сундук. Когда он залез туда в поисках денег, женщина переломила ему шею крышкой. Показателем достоверности описываемого события выступает и место его захоронения: *"Закопали его в кустах подальше, да вот и всё!"* [18, с. 78].

Наименование села также служит признаком достоверности событий. Так, в одном из преданий повествует о женитьбе солдата, привезшего к себе на родину жену из Литвы. В этом тексте сталкиваются два географически неравнозначных объекта, неравнозначность которых не воспринимается традиционным сознанием, – село и земля: *Лобановка и Литва*. *"В селе Лобановке жил бедный парень Мельников Григорий. Взяли его в армию, и воевал он в германскую войну в Литве"* [18, с. 78]. Так в предании отражается народное наименование земли – Литва, а не официальное название Виленской и Курляндской губернии, на чьих территориях располагалась в годы Первой Мировой войны Литва. Таким образом в тексте одновременно используются официальное название своего пространства – населенного пункта Лобановка – и пространства чужого, наименованного народным названием – Литва.

Своеобразным маркером ландшафта Приморья, обезличенного, стандартного, надо сказать (*одно село*), может выступать реальное историческое лицо и различные социальные группы, имеющие отношение к периоду Гражданской войны: *"Не помню, рассказывали, белые или японцы были. А Лазо – в деревне"* [18, с. 77]; *"Было это в 1924 г., когда по сопкам пробирались то хунхузы, то ширяевцы"* [18, с. 77].

Видимо, привезённые с родины фольклорные тексты, сохраняют ландшафтную схему, присущую фольклорному фонду места выхода переселенцев, новыми – приморскими – ландшафтными реалиями старые предания не наполняются. Отсутствие конкретики – одна из особенностей фольклорного ландшафта преданий: *одно село, в город на базар ехать* [17, с. 67]. Значимой чертой ландшафта, отражённого в предании, является указание реалий, только значимых – для характеристики персонажей или развития сюжетной линии. Вот как описывается маршрут в логово разбойника: *"Вот по лесным дорогам да тропам добрались до разбойничьего гнезда <...>"* [17, с. 67]. В другом предании, об обманутом старике, которому солдат в обмен за хлеб и баклажку мёда на воротах целую *рецептю* написал, также противопоставляется малая родина героя и другой населенный пункт, причём малая родина сопровождается, как в рассмотренном выше предании, числительным. Так малая родина конкретизируется расплывчато, а город, видимо, в подобной конкретизации в традиционном мышлении не нуждается: *"Жили да были в*

одной деревеньке старик со старухой" [18, с. 80]; *"Приехал в город <...>"* [18, с. 80].

Уникален текст, напечатанный в сборнике "Фольклор Дальнеречья". Это самозапись Л.Н. Ляхова, но год фиксации в издании не указан. Учитель по профессии, Л.Н. Ляхов собрал в единый текст, по форме своей напоминающий сочинение, микротексты – предания, связанные с уголками села Новотроицкого. Эти микропредания свидетельствуют об особенностях менталитета восточных славян – давать наименование каждому уголку земли. Наименование пространства в традиционной культуре существует не только для того, чтобы отличать его от других, но это и один из способов освоения ландшафта, преобразования неосвоенного пространства в пространство освоенное. Л.Н. Ляхов отмечает: *"Метко и поэтично отразились в названиях природные особенности этих участков и запечатлелась местная история. Эти названия крепко держатся в народном обиходе и по сей день"* [18, с. 76].

В ландшафтную среду оказываются вписаны имена людей через сферу их профессиональной деятельности (*"У Лаврина на заимке был дегтярный завод. "Завод" представлял собой маленькую сараюшку <...>. Давно уже нет ни Лаврина, ни его семьи, а название "Лавринов ключ" прочно вошло в географию нашего села"* [18, с. 74–75]), обыденного труда (*"<...> потом Верино озеро. Жену Колесникова Сергея звали Верой. Они там жили. Вера в этом озере белее стирала, была праником"* [18, с. 74]) или внешнего вида (*"Стеклянникова [падь] называется так потому, что там была заимка какого-то мужика, который носил очки"* [18, с. 74]). Так происходит переплетение истории и географии населенного пункта и его окрестностей. Так складывается история малой родины – через обыкновенных, ничем не выдающихся людей, сначала деятельностью своей, а затем и именами освоившими пространство новой родины. Но в тексте Л.Н. Ляхова доминируют наименования без указания истории возникновения. Скорее всего, это вызвано уже утратой памяти. Активное бытование названий связано с активным их употреблением в профессиональной сфере: *"Наиболее полно сохранились названия по реке, потому что там работают сплавицы и постоянно эти названия употребляют для ориентирования"* [18, с. 74].

Но при этом сохраняются в воспоминаниях названия улиц, уже переименованных: *"Помню названия улиц села, бытовавшие в 30-е годы: "Кацанка" – там жили тогда переселенцы из Белоруссии, "Волынка" – от переселенцев из Волынской губернии (сейчас улица Пионерская), "Подсопка" – жили под сопкой, "Япония" – как бы отделялась от села-материка (сейчас улица Ковальчука)"* [18, с. 73].

Л.Н. Ляхов отмечает ещё одну уникальную деталь культурного ландшафта восточных славян Приморья: наличие кроме официальных названий и названий мене официальных (градация именно такая, менее четкая, чем официальное / неофициальное), одновременное бытование тех и других и разграничение первых от вторых. Повествуя о Веринном озере, он пишет: *"Так и называли озеро Вериным. Впрочем, более официально – Колесниково озеро"* [18, с. 74].

Обращает на себя внимание реализация присущей традиционной культуре пространственной парадигмы, где чётко деление на своё и другое. О.А. Лавренова отмечает: "Универсальные категории, которые находят своё материализованное выражение в пространстве, формируют тем самым культурный ландшафт. Например, столь значимая для любой культуры категория "Другого" имеет своё выражение не только в метафорическом и внутриличностном пространстве, но и в ландшафте – в заборах, изгородях, в административных и естественных границах, разделяющих локальные культуры" [13, с. 52].

Ценность этого текста состоит ещё и в том, что в нем представлена модель разграничения своих наименований пространства и наименований пространства, используемых другими (в данном случае – жителями другого населённого пункта): свои употребляют в обиходе, а другие наименования известны, но активно не употребляют. Другие начинают использоваться тогда, когда нет своих или когда они по какой-либо иной причине становятся актуальны: *"Здесь справа будет Зухов залив, потом Котова протока, слева*

– *Бугаев залив <...>, Новотроицкое озеро (это озеро зовут так междуреченцы), слева – каменное озеро*" [18, с. 75].

В анализируемом тексте присутствует деление ландшафта, связанное с принадлежностью людей одной национальности или близкородственных этносов к населенным пунктам: т.е. окрестностям своего села и другого села, причём незнание названий, используемых жителями другого села, возможно, позиционируется как отсутствие названия: *"Проезжаем мимо бывшего селения Третья падь. Там много озер: Большое, Узкое, Плисенково, Кочковатое, Моховое и другие – без названия"* [18, с. 75].

Выводя повествование за территорию села Новотроицкого, респондент демонстрирует четкое понимание деления пространства на своё и другое, называя только село, а реалии ландшафта лишь перечисляет, не называя их. Возможно, так реализуется ещё раз, пусть и неосознанно, разграничение своего и другого пространства, причём своего – много, поскольку оно названо, а другого – немного, неназванного: *"Затем справа будет Левкин залив, Огородная протока, слева – Четвертая падь. Справа ещё много заливов и озёр, но это все уже бывшая Семеновка"* [18, с. 76]. Очевидно, что другое пространство в фольклорном тексте описывается как сжатое, сконцентрированное, в то время как свое наделяется противоположными качествами.

В сборнике "Фольклор Дальнеречья" отмечены два текста, отнесённых к жанру устного рассказа. Зафиксированные в 1960 г. в с. Новотроицком и Лобановке от участников Гражданской войны на Дальнем Востоке, сюжеты устных рассказов относят к событиям из жизни рассказчиков тому периоду, когда они принимали участие в Гражданской войне. В данном жанре упоминаются как реально существующие населенные пункты (г. Дальнереченск, с. Веденка), так и тип населенного пункта, без указания названия: *"Вот раз мы отступали через село Веденку"* [18, с. 76]; *"В деревню сходим – чтоб не материться, ничего"* [18, с. 76]. Указание на конкретный населённый пункт связано с единичным событием, а без указания названия – с повторяющимися однотипными событиями. При этом упоминание таких ландшафтных реалий, как болото, речушка и пр., служат маркерами достоверности событий: *"Белые – через болото, что за мельницей. Болото-то глубокое, там и речушка"* [18, с. 76].

Произведения народного юмора, а это преимущественно анекдоты, использует те реалии культурного ландшафта, которые необходимы для реализации сюжета. За рамками повествования, как правило, оказывается упоминание населенного пункта, где происходит событие, не упоминается и жилище. Если же о населенном пункте говорится, то внимание сосредоточено на том его локусе, который связан с развитием сюжета: *"Поехал однажды мужик в город на базар"* [18, с. 86].

Чаще обозначаются значимые реалии, например, калитка, как финишная точка маршрута: *"Бывало, народится у какой бабы дитё, вот мужик идет к попу. Подойдет к калитке и кричит <...>"* [18, с. 85]. Или часть ландшафта становится местом встречи персонажей, как, например, кузница: *"Расковался у попа конь. Проезжает он мимо кузницы <...>"* [18, с. 85]. При этом кузница никак не характеризуется.

В анекдоте "Як мы татарву воевали" говорится о хлопцах, изготовивших деревянную пушку и начинивших ее галушками. Народный юмор приписывает галушке смекалку в победе над *киргизякой*, причём значимыми для развития сюжета оказываются реалии ландшафта: *"А одна галушка умная была... Та за киригизякой! Куды вин – тыду й вона, куды вин – туды й воны. Вин тоди вскочил в курень, в вона стала под оконце та й пиджижае. Вин только двери отчинил, а вона бац по лбу!"* [18, с. 87].

Таким образом, культурный ландшафт, реализованный в сказочной и несказочной фольклорной прозе восточных славян, зафиксированной в Приморском крае в XX в., транслирует сложный комплекс представлений о культурном ландшафте, сочетающий как мифологические воззрения, традиционную систему представлений о пространстве, так и бытовое восприятие ландшафта, характерное для XX в.

М.С. Хроменко, исследовав народные представления о модели мироздания, приходит к выводу: "<...> в традиционных фольклорных текстах, записанных в Приморье с 1967–2008 гг., нашли отражение народные представления

о дуализме окружающего мира <...>. Однако целостной модели мироздания восстановить не удается, поскольку наблюдается ее разрушение" [19, с. 326]. Наши наблюдения над проанализированным материалом свидетельствуют о том, что целостная модель культурного ландшафта многоуровневая, она складывается из различных компонентов, порой противоположных: изменчивости и неизменяемости реалий ландшафта; зафиксированного нахождения в пространстве или способности реалий культурного ландшафта перемещаться; культурный ландшафт выстраивается из стереотипных реалий и при этом наполняется новыми, ранее неизвестными; наполняется неконкретными, безымянными, существующими лишь в воображении рассказчика населенными пунктами или же существующими в реальности.

Все реалии культурного ландшафта оцениваются фольклорным сознанием с позиции *своего*, *другого* или *чужого*. Каждый из исследованных жанров обладает индивидуальным набором представлений о культурном ландшафте и спецификой их реализации. Специфика отражения реалий ландшафта заключается в минимальном описании объекта и упоминании его только тогда, когда он нужен для развития сюжета: т.е. тот или иной объект существует только в том случае, если рядом с ним (или в нём) находится персонаж. Без персонажей ландшафтные реалии в фольклорной прозе не существуют.

Реализованные в фольклорной прозе представления о культурном ландшафте апеллируют к таким духовно-ценностным ориентирам, как патриотизм, семья, труд, природа, сохраняют до наших дней не только базовые представления восточных славян, но и обладают существенным потенциалом для их трансляции современному российскому обществу.

Литература

1. Ведерникова Н.М., Мелютина М.Н. Духовная культура Кенозерья в сакральной топографии и эпической традиции // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 2. С. 95–104.
2. Виноградов В.В. Северорусские почитаемые места в слове и изображении: к проблеме взаимодействия фольклора и художественного творчества // Северорусские почитаемые места: тошка святинь. Виноградов В.В. избранные статьи, диссертация. Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая организация "Проповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры", 2019. С. 13–322.
3. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Выпуск 4. Фольклор Приморья. Владивосток: Типография ДГУ, 1929. 119 с.
4. Григорьев А.Ф. Концепт Кавказских гор в фольклорном сознании гребенских казаков // Kant. 2015. № 1 (14). С. 45–47.
5. Григорьев А.Ф. Культурный ландшафт – стержневая доминанта картины мира гребенских казаков // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 125–127.
6. Дементьева В.В. Подходы к определению понятия "культурный ландшафт" // Байкальские встречи–VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р.И. Пшеничникова Улан-Удэ: ВСГИК, 2014. С. 433–439.
7. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169.
8. Иванова А.А. Исполнитель как "исследователь" культурного ландшафта (по материалам географических песен). URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/451.html> (Дата обращения: 05.07.2021).
9. Кириллова Е.О. Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н.А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4 (73). С. 92–98.
10. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. Владивосток: ДВФУ, 2012. 217 с.
11. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
12. Кусков А.С., Арсеньева Е.И. Феномены традиционной живой культуры поморов в пространстве культурных ландшафтов Русского Севера: формы проявления и туристское использование // Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма:

мат-лы IV Междунар. интернет-конф. Науч. электронное издание локального распространения / под общ. ред. Е.Н. Артёмовой, Ю.С. Степанова. 2011. С. 320–330.

13. Лавренова О.А. "Время больше пространства...": историческое и мифологическое время в культурном ландшафте // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 52–56.

14. Лобач В.А. Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования–XX. Сб. науч. тр. Сер. "Балто-славянские исследования" Москва: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 350–383.

15. Николаев И.Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия // Мировые тренды и музейная практика в России: сб. ст. междунар. науч. конф. / отв. ред. А.А. Сундиева. М: РГГУ, 2019. С. 241–249.

16. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н.В. Соболева при уч. Н.А. Каргаполова. Новосибирск: Наука, СО, 1992. 304 с.

17. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 255 с.

18. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.

19. Хроменко М. С. Народные представления о модели мироздания // Вестник ЧГУ. 2010. № 4. С. 321–330.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vedernikova N.M., Melyutina M.N. Dukhovnaya kul'tura Kenozher'ya v sakral'noj topografii i ehpicheskoj traditsii // Nasledie i sovremennost'. 2019. T. 2. № 2. S. 95–104.

2. Vinogradov V.V. Severorusskie pochitaemye mesta v slove i izobrazhenii: k probleme vzaimodejstviya fol'klora i khudozhestvennogo tvorchestva // Severorusskie pochitaemye mesta: topika svyatyn'. Vinogradov V.V. izbrannyye stat'i, dissertatsiya. Sankt-Peterburg: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya "Proppovskij tsentr: gumanitarnyye issledovaniya v oblasti traditsionnoj kul'tury", 2019. S. 13–322.

3. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke. Fol'klorno-dialektologicheskij ocherk. Vypusk 4. Fol'klor Primor'ya. Vladivostok: Tipografiya DGU, 1929. 119 s.

4. Grigor'ev A.F. Kontsept Kavkazskikh gor v fol'klornom soznanii grebenskikh kazakov // Kant. 2015. № 1 (14). S. 45–47.

5. Grigor'ev A.F. Kul'turnyj landshaft – sterzhnevaya dominanta kartiny mira grebenskikh kazakov // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2011. № 7. S. 125–127.

6. Dement'eva V.V. Podkhody k opredeleniyu ponyatiya "kul'turnyj landshaft" // Bajkal'skie vstrechi–VIII: Istoriko-kul'turnoe nasledie regiona kak faktor sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya. Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. R.I. Pshenichnikova Ulan-Udeh: VSGIK, 2014. S. 433–439.

7. Zabiyako A.A. Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v soznanii pisatelej-ehmigrantov // Religiovedenie. 2011. № 2. S. 154–169.

8. Ivanova A.A. Ispolnitel' kak "issledovatel'" kul'turnogo landshafta (po materialam geograficheskikh pesen). URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/451.html> (Data obrashheniya: 05.07.2021).

9. Kirillova E.O. Tvorchestvo pisatelya dal'nevostochnoj eh migratsii N.A. Bajkova kak primer kul'turnogo vzaimodejstviya v usloviyakh transgranih'ya. Regional'nyj obraz svyashhennogo dereva // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4 (73). S. 92–98.

10. Kiseleva M.S. YAzycheskie i khristianskie predstavleniya o zemle v fol'klоре i drevnerusskoj literature: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk po spetsial'nosti 10.01.09 – fol'kloristika. Vladivostok: DVFU, 2012. 217 s.

11. Kiseleva M.S. YAzycheskie i khristianskie predstavleniya o zemle v fol'klоре i drevnerusskoj literature: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk po spetsial'nosti 10.01.09 – fol'kloristika. Ulan-Udeh, 2012. 26 s.

12. Kuskov A.S., Arsen'eva E.I. Fenomeny traditsionnoj zhivoy kul'tury pomorov v prostranstve kul'turnykh landshaftov Russkogo Severa: formy proyavleniya i turistskoe ispol'zovanie // Strategiya razvitiya industrii gostepriimstva i turizma: mat-ly IV Mezhdunar. internet-konf. Nauch. ehlektronnoe izdanie lokal'nogo rasprostraneniya / pod obshh. ред. E.N. Artyomovoj, YU.S. Stepanova. 2011. S. 320–330.

13. Lavrenova O.A. "Vremya bol'she prostranstva...": istoricheskoe i mifologicheskoe vremya v kul'turnom landshafte // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 338. С. 52–56.

14. Lobach V.A. Bogatyri, osilki i devy-voitel'nitsy v toponimicheskikh predaniyakh vostochnykh slavyan // Balto-slavyanskyye issledovaniya–XX. Sб. nauch. tr. Ser. "Balto-slavyanskyye issledovaniya" Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2019. S. 350–383.

15. Nikolaev I.R. Pribrezhnyj kul'turnyj landshaft: opredelenie i sodержanie ponyat-iy // Mirovye trendy i muzejnaya praktika v Rossii: sb. st. mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. A.A. Sundieva. M: RGGU, 2019. S. 241–249.
16. Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: legendarnye i bytovye / sost. N.V. Soboleva pri uch. N.A. Kargapolova. Novosibirsk: Nauka, SO, 1992. 304 s.
17. U klyuchika u gremuchego: Dal'nevostochnyj fol'klor / sost. L. Sviridova. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1989. 255 s.
18. Fol'klor Dal'nerech'ya / sost. L.M. Sviridova. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1986. 288 s.
19. KHromenko M. S. Narodnye predstavleniya o modeli mirozdaniya // Vestnik CHGPU. 2010. № 4. S. 321–330.

Краюшкина Т. В. Культурный ландшафт в системе ценностей восточных славян Приморья (на материале прозаических жанров фольклора XX в.).

В статье на материале сказочной и несказочной прозы восточных славян, зафиксированной в Приморском крае в XX в., исследуется реализация представлений о культурном ландшафте. Делаются выводы о том, что каждый из исследованных жанров обладает индивидуальным набором представлений о культурном ландшафте и спецификой их реализации, при этом в совокупности жанры фольклорной прозы отражают как мифологические воззрения, традиционную систему представлений о пространстве, так и бытовое восприятие ландшафта, при этом сами реалии наделяются порой противоположными признаками. Реализованные в фольклорной прозе представления о культурном ландшафте апеллируют к ряду духовно-ценностных ориентиров восточных славян.

Ключевые слова: культурный ландшафт, сказочная проза, несказочная проза, фольклор Приморья, система ценностей традиционной культуры, свой, чужой, другой.

Krayushkina T. V. The cultural landscape in the value system of the Eastern Slavs of Primorye (based on the material of prose genres of folklore of the 20th century).

The article examines the realization of ideas about the cultural landscape based on the material of the fabulous and non-fabulous prose of the Eastern Slavs, recorded in the Primorsky Territory in the twentieth century. It is concluded that each of the studied genres has an individual set of ideas about the cultural landscape and the specifics of their implementation, while in the aggregate the genres of folklore prose reflect both mythological views, the traditional system of ideas about space, and everyday perception of the landscape, while the realities themselves sometimes endowed with opposite signs. The ideas about the cultural landscape realized in folklore prose appeal to a number of spiritual and value orientations of the Eastern Slavs.

Key words: cultural landscape, fairy-tale prose, non-fairy-tale prose, folklore of Primorye, the system of values of traditional culture, one's own, someone else's, another

Для цитирования: Краюшкина Т. В. Культурный ландшафт в системе ценностей восточных славян Приморья (на материале прозаических жанров фольклора XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 38–47. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/38-47

For citation: Krayushkina T. V. The cultural landscape in the value system of the Eastern Slavs of Primorye (based on the material of prose genres of folklore of the 20th century) // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 38–47. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/38-47

УДК 327

*Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н.,
Дышин А. В., Журбей Е. В., Паначёва А. С.,
Родионов В. А., Самойленко П. Ю.*

От Азиатско-Тихоокеанского к Индо-Тихоокеанскому региону: концепт и его воплощение.

Термин «Индо-Тихоокеанский регион», как географический, так и политический, в последние годы стал использоваться все чаще, особенно в США, Японии, Австралии и Индии. В своей фундаментальной форме концепция Индо-Тихоокеанского региона заключается в реализации двухокеанской стратегии построения инклюзивного мегарегиона. То, что определение концепции остается открытым для интерпретации, является ее сильной стороной, потому что государства могут адаптировать концепцию к своим обстоятельствам. Но это также является ее самой большой слабостью, потому что эластичность означает, что концепция может оказаться неспособна сформировать будущий региональный порядок безопасности. Более того, то, что некоторые ее версии, особенно те, которые сформулированы администрацией Трампа, четко определяют Китай как противника, делает эту концепцию непривлекательной для многих небольших, не склонных к риску государств, обеспокоенных обострением стратегической уязвимости Китая (например, Камбоджи, Лаоса или Мьянмы). Поскольку данную концепцию многие рассматривают как инструмент для сдерживания Китая (особенно учитывая, что основные сторонники концепции – Австралия, Япония, Индия и Соединенные Штаты – недавно возродили формат «Quad»), важно подчеркнуть взаимосвязь и инклюзивность, которые должны стать ключевыми принципами любого амбициозного видения концепции Индо-Тихоокеанского региона, направленного на экономическое развитие и содействие межрегиональному взаимодействию и стабильности.

Упомянутые и тесно связанные с ними иные концептуальные вопросы по инициативе кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ было решено вынести на обсуждение участников круглого стола, состоявшегося 27 апреля 2021 года.

© Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Дышин А. В., Журбей Е. В., Паначёва А. С., Родионов В. А., Самойленко П. Ю., 2021

БУРЛАКОВ Виктор Алексеевич, канд. полит. наук., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** burlakov.va@dvfu.ru

ВЛАДИМИРОВА Диана Альбертовна, канд. ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** vkadimirova.da@dvfu.ru

ГАРУСОВА Лариса Николаевна, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** garusova.ln@dvfu.ru

ДЫШИН Алексей Викторович, канд. экон. наук., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** dyshin.va@dvfu.ru

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** zhurbey.ev@dvfu.ru

ПАНАЧЕВА Анна Сергеевна, канд. полит. наук., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** panacheva.as@dvfu.ru

РОДИОНОВ Владимир Александрович, д-р полит. наук., доцент кафедры Истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (*г. Улан-Удэ*). **E-mail:** vladimir_198025@mail.ru

САМОЙЛЕНКО Петр Юрьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** samoylenko.pyu@dvfu.ru

Журбей Е.В.: Что, по вашему мнению, входит в географический объем понятия "Индо-Тихоокеанский регион"? Как он соотносится с объемом понятия "Азиатско-Тихоокеанский регион"?

Родионов В.А.: Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) представляет собой географически расширенную версию АТР. Если ядром АТР традиционно рассматривалась Восточная Азия, то введение в оборот слова "Индо" предполагает некоторое смещение акцентов в западном направлении. Как и любое политико-географическое понятие, ИТР является интеллектуальным конструктом, при помощи которого пространство структурируется в нужной для автора конструкта конфигурации, т.е. имеет место процесс целенаправленного регионостроительства.

Главным участником в деле продвижения концепта ИТР, безусловно, выступают США. Во-первых, само понятие стало общеупотребительным в международно-политическом лексиконе с подачи Вашингтона. Во-вторых, активное использование концепта ИТР через его включение в официальные документы по времени практически совпало с изменением подхода США к стратегии в отношении КНР. Долгое время американское руководство рассматривало Китай в качестве стратегического партнера (пусть и проблемного), с которым можно и нужно договариваться по самым важным вопросам. Однако растущий совокупный потенциал КНР вкупе с активизацией его политики в Восточной Азии стали главными факторами поворота в стратегии Белого дома. Недружественные шаги и подчеркнута антикитайская риторика администрации Д. Трампа послужили началом воплощения новой стратегии США в отношении КНР, основанной на многостороннем сдерживании.

Бурлаков В.А.: Хотя термин "Индо-Тихоокеанский регион" (Индо-Пацифика) уже около пятнадцати лет активно дискутируется в политическом сообществе, какого-либо согласия относительно географического объема данного понятия нет. Индийские и японские эксперты выход из данной ситуации видят достаточно простой: ИТР – это регион, лежащий между Индией, Японией, Австралией и США. Тем самым обозначаются основные игроки данного геополитического поля, и определяется сфера их взаимодействия. Неопределенность границ региона в целом мыслится как позитивный фактор, позволяющий адаптировать концепцию под изменяющуюся политическую конъюнктуру.

Американцы в данном вопросе более прагматичны. Их видение Индо-Пацифики в географическом плане совпадает с зоной ответственности Тихоокеанского командования вооруженных сил США, которое, кстати, в мае 2018 г. было официально названо Индо-Тихоокеанским. В этом контексте западные границы региона совпадают с западными границами Китая и Индии. Россия и страны Латинской Америки выпадают из ИТР, что в целом укладывается в тот формат видения внутрирегионального взаимодействия, который предлагают Соединенные Штаты.

С одной стороны, основные носители индо-тихоокеанского концепта сами не настаивают на четком определении границ региона, и можно последовать в русле их рассуждений и не пытаться сформулировать окончательное определение данного понятия. Тем более что любое определение будет изначально уязвимо для критики.

Однако, с другой стороны, совершенно очевидно, что все основные узлы противоречий, для решения которых формируется система отношений Индо-Тихоокеанский регион, концентрируются в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. В этом случае данные субрегионы в пределах их общепринятых границ и должны составить ядро Индо-Пацифики. Австралию, вероятно, также следует включить в ядро ИТР, так как она и географически, и политически, и экономически вплотную к нему прилегает. США географически не представлены в азиатских субрегионах, но их присутствие ощущается очень сильно. Поэтому Соединенные Штаты, безусловно, рассматриваются в качестве субъекта Индо-Тихоокеанского региона, но географически составляют лишь его периферию.

Эпизодическое присутствие латиноамериканских стран в Индо-Пацифике позволяет не включать их в состав региона.

В контексте соотношения понятий "Индо-Тихоокеанский регион" и "Азиатско-Тихоокеанский регион" можно говорить о конкуренции данных концеп-

тов. При этом совершенно очевидно, что ИТР призван вытеснить или как минимум потеснить АТР, создав новую конфигурацию отношений в данной зоне.

Владимирова Д.А.: Идея Индо-Тихоокеанского региона как театра влияния приобретает все большее значение среди правительств и экспертных сообществ по всему миру. Ряд региональных и глобальных держав имеют свои интересы в регионе, страны АСЕАН представили свои собственные уникальные интерпретации Индо-Тихоокеанского региона как стратегической концепции, которая соединяет Индийский и Тихий океаны вместе с их прибрежными государствами как единое целое, как арена для "здоровой конкуренции" и сотрудничества. Однако данный конструкт негативно воспринимается официальными кругами России, поскольку выстроен внешнеполитическими конкурентами России, в первую очередь упоминается, конечно, администрация США.

С точки зрения географического объема понятия хотя и существуют разногласия, однако необходимо принимать во внимание новую расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С другой стороны, необходимо понимать, что геополитические акценты переросли рамки АТР. Российские эксперты называют Индо-Тихоокеанский регион, которого нет на карте, – "воображаемым конструктом". Эксперт ВМС Индии Гурприт Кхурана в своей статье, опубликованной еще в январе 2007 г. в журнале *Strategic Analysis* говорил о формировании к югу и юго-востоку от Евразии особого политического пространства с крепкими экономическими связями по оси Япония – Юго-Восточная Азия – Индия и общим недоверием и опасениями в отношении Китая. Это воображаемое пространство индийский эксперт назвал Индо-Пацификой. В отечественной литературе отдают предпочтение термину Индо-Тихоокеанский регион. Следует упомянуть и речь премьер-министра Японии Синдзо Абэ 2007 г. в индийском парламенте "об особой роли двух стран". Инициатива придания жизни новому термину принадлежит, как видим, отнюдь не Соединенным Штатам.

Паначева А.С.: Появившийся концепт Индо-Тихоокеанского региона сегодня дополняет список названий дискуссионных, спорных, размытых с точки зрения включения в этот регион стран, таких как АТР, Большая Евразия, регион Пояса Шелкового пути (сухопутная и морская часть пояса затронет более 60 стран). Например, в АТР включают от 21 до 58 стран (Азия и Тихий океан), однако, несмотря на дискуссионность, данный термин прижился в политологии, политической географии, международных отношениях и многих других направлениях.

Географическая конструкция Индо-Пацифики на сегодняшний день позволяет включить как страны, имеющие выход к Тихому океану, так и к Индийскому, а это означает включение стран Азии, Австралии и Океанию, страны Тихоокеанского побережья Америк, страны Африки, выходящие к Индийскому океану. Премьер-министр Индии Н. Мори обозначил Индо-Тихоокеанский регион как "протянувшийся от Африки до Америки".

Спектр становится весьма широким, некоторые документы включают в ИТР Китай и всю Восточную Азию, другие отмечают антикитайскую направленность данного термина, тем не менее ни одна из сторон не осмеливается четко обозначить географические границы региона.

Попытка заменить термин АТР на более масштабный ИТР пока не увенчалась успехом, однако термин "Индо-Пацифика" уже прижился в официальном, научном и политическом лексиконе как альтернативный АТР.

Самойленко П.Ю.: Понятие "Индо-Тихоокеанский регион", на мой взгляд, должно включать государства, находящиеся в пределах Южной и Юго-Восточной Азии. Это будет справедливо как с точки зрения географических особенностей данных субрегионов, так и исходя из экономической картины современного мира. В зоогеографии уже существует понятие "Индо-Тихоокеанская область", которое как раз строится по такому географическому принципу. Дело в том, что АТР как крупнейший регион мира на сегодняшний день и так включает ряд стран, которые непосредственно географически не входят в его пределы, но тем не менее связаны со странами Пацифики устойчивыми политическими, экономическими, социальными, культурными и иными связями либо по иным основаниям имеют существенное влияние на ситуацию АТР. Согласно ряду определений Индия и некоторые иные госу-

дарства, не имеющие выхода к побережью Тихого океана, и без того входят в структуру региона. Например, это Монголия, которая в силу имеющегося у неё на сегодняшний день статуса одной из "подфлажных" держав (с точки зрения массовой выдачи "удобных флагов" судовладельцам торгового флота многих стран мира) также является страной этого региона. Поэтому считаю, что термин "Индо-Тихоокеанский регион" с точки зрения географических и иных оснований не может быть тождествен либо сопоставим с термином "Азиатско-Тихоокеанский регион" и, по сути, может представлять собой только субрегион, соединяющий отдельные государства Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Мне кажется, что на сегодняшний день понятия "Индо-Тихоокеанский регион" и "Азиатско-тихоокеанский регион" являются принципиально отличными, поскольку в первом случае мы говорим о субрегионе, находящемся на стыке крупных мировых регионов, а во втором случае речь идет об устоявшемся понятии одного из крупнейших регионов мира, который используется как в научном дискурсе, так и на политической карте мира.

Журбей Е.В.: Можно ли утверждать, что Индо-Тихоокеанский регион является прежде всего политико-идеологическим конструктом? И если это так, то чьи интересы отражает распространение этого термина в информационном пространстве?

Гарусова Л. Н.: В период президентства Барака Обамы (2009–2017 гг.) произошла самая значительная трансформация внешнеполитической стратегии Вашингтона: переориентация США с Евро-Атлантики на АТР с постепенным расширением границ последнего до Индо-Тихоокеанского формата. В теоретическом плане такой переход сопровождался рядом концептов: "поворота" в Азию (pivot to Asia); "восстановления баланса" или "перебалансировки" (rebalance, rebalancing) региональных отношений в АТР; "Индо-Тихоокеанского региона".

Задача усиления американского влияния в АТР основывалась на идее предотвращения роста региональной державы, которая могла бы ограничить возможности Соединенных Штатов или установить порядок, враждебный американским интересам. Под такой державой подразумевался Китай, растущему влиянию которого требовалось противопоставить некий контрбаланс. Одним из вариантов контрбаланса Китая могло стать стратегическое партнерство США с Индией – самой влиятельной державой Южной Азии.

Плодотворные американо-индийские отношения в формате стратегического партнерства начали складываться довольно поздно – лишь в начале XXI в. (в отличие от более длительного сотрудничества США с Японией, Республикой Корея или Австралией). Однако именно сотрудничество с Индией позволило Вашингтону не только расширить свое присутствие в Азии, но перейти к более перспективной стратегии Индо-Пацифики взамен прежних, недостаточно эффективных для сдерживания амбиций Китая азиатско-тихоокеанских стратегий. Концепт Индо-Пацифики был сформулирован США и их союзниками (Японией и Австралией) в период президентства Б. Обамы и получил развитие в политике "Свободной и открытой Индо-Пацифики" президента Д. Трампа.

Политическая элита и широкая мировая общественность ознакомились с концептом "Свободной и открытой Индо-Пацифики" на Восточноазиатском саммите 14 ноября 2017 г. в Маниле. После рабочей встречи дипломатов США, Японии, Индии и Австралии в международном внешнеполитическом лексиконе стало все чаще использоваться понятие "Индо-Тихоокеанский регион". Концепция "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" закрепились и в официальных американских документах ("Стратегия национальной безопасности США", декабрь 2017 г.), и в риторике большинства крупных держав этого самого региона. Главной составляющей новой политики была попытка Вашингтона переориентировать многостороннее сотрудничество крупных региональных держав ("демократий") на четырехсторонний диалог США–Япония–Австралия–Индия (известном как "четверка" – Quad).

Страны Индо-Тихоокеанского региона, поставленные перед выбором сотрудничества с той или иной великой державой, стараются от него уклониться или извлечь пользу из соперничества США и Китая. В большинстве своем они стараются сохранить конструктивные и выгодные отношения с обоими конку-

рентами как напрямую, так и через уже сложившиеся многосторонние региональные механизмы. В настоящее время правительства стран Индо-Пацифики сосредоточены на сдерживании ущерба от пандемии COVID-19. Однако по мере того, как приоритеты будут смещаться на посткризисное восстановление экономик, они будут искать партнеров для получения помощи на обеих сторонах противостояния.

Родионов В.А.: Идеологичность концепта ИТР выражена в отсылках его авторов к "общим для США и их друзей и чуждым авторитарному Китаю ценностям демократии, свободного рынка и мореплавания". Тем самым Вашингтон, с одной стороны, пытается легитимировать в глазах международного сообщества свои намерения в отношении Китая, в очередной раз выступить главным защитником "общечеловеческих ценностей". С другой стороны, концепт "общих ценностей" должен обосновать состав складывающейся антикитайской коалиции в ИТР. Прежде всего, речь идет о четырехстороннем диалоге по безопасности (Quad), включающим США, Японию, Индию, Австралию. Все перечисленные страны в той или иной степени позиционируют себя на международной арене в качестве "развитых демократий", способных действовать консолидировано в деле противостояния авторитарным режимам.

Бурлаков В.А.: Да, можно в полной мере согласиться с утверждением, что "Индо-Тихоокеанский регион" является политико-идеологическим конструктом. Но идеологическое оформление является лишь ранним этапом формирования реальных региональных отношений. Через этот этап прошли все существующие общепринятые региональные системы межгосударственных отношений.

Такими же политико-идеологическими конструктами были и Европейский Союз, и Северо-Атлантическое сообщество, и Евразийское сообщество (реализованное сегодня в форме ЕАЭС), и Юго-Восточная Азия. Современная концепция БРИКС, не привязанная ни к какому географическому региону, вообще остается лишь теоретической конструкцией, что нисколько не мешает ей функционировать последние двенадцать лет. Кстати, БРИКС также можно рассматривать в качестве конкурирующей с Индо-Пацификой концепцией.

Следующим после идеологического оформления является этап институционализации концепции, когда аморфные теоретические конструкции обрастают более или менее жизнеспособными международными договоренностями или превращаются в разного рода международное сообщество. 12 марта 2021 г. в формате видео-конференции состоялся саммит Quad, и в этом контексте можно говорить о начале институционализации региона Индо-Пацифика.

Основной интерес от включения термина "Индо-Тихоокеанский регион" в международно-политический дискурс конечно же получают страны-участники Четырехстороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad): Индия, Япония, США и Австралия. Локомотивом, безусловно, выступают США, традиционно берущие на себя лидерские обязательства. Интересен концепт ИТР и Индии, которая традиционно высказывает свое недовольство идеей АТР, оставляющей ее за скобками регионального сотрудничества. Для Японии и Австралии идея ИТР представляется "либеральной" альтернативой идее АТР. Последняя исходит из представлений целесообразности и слабо увязывает экономическое и политическое сотрудничество с политическим режимом того или иного государства региона.

Паначева А.С.: Да, ИТР – это, прежде всего, политико-идеологический термин, его массовому использованию поспособствовали США, используя терминологию региона в политике, направленной на военно-политическое сдерживание Китая, с целью ухода от китаецентричности в международном взаимодействии стран Азии, а также с целью восстановления статуса США как тихоокеанской державы.

Самойленко П.Ю.: Вопрос достаточно дискуссионный, поскольку оценка значимости определения какого-либо из регионов мира и возможность его отнесения к политико-идеологическим конструктам зависит как минимум от географических границ подобного межгосударственного территориального образования. В случае же с Индо-Тихоокеанским регионом на сегодняшний день мы не можем говорить о едином мнении о границах его. Полагаю, что сам термин мы можем рассматривать как минимум в двух основных смысло-

вых проекциях: политико-идеологической и международно-экономической. С точки зрения политико-идеологического прочтения, конечно, такая дефиниция может иметь существенное значение в разрезе перспектив диверсификации расклада сил в пределах АТР, Центральной и Южной Азии, в том числе определенного ослабления влияния Китая, возможного усиления влияния Соединенных Штатов Америки, а также усиления позиций самой Республики Индия, прежде всего, в странах АСЕАН и странах Юго-Восточной Азии. С точки зрения международно-экономической Индо-Тихоокеанский регион – это, конечно же, больше история индийского партнерства со странами Юго-Восточной Азии и южной зоны Тихоокеанской Пацифики. Дело в том, что Индия, как второе по населению государство в мире, и одна из самых быстроразвивающихся по темпам прироста ВВП мировых экономик де-факто заинтересована в расширении своего влияния, и в увеличении количества партнеров по всему миру. Вопрос о том, какое прочтение данного термина и его смысловое значение превалирует, остается открытым, поскольку проблема формирования самого понятия находится в стадии решения. С моей точки зрения, более оправданно международно-экономическое прочтение термина, поскольку оно в большей степени отражает реально существующее сотрудничество Индии со странами АТР.

Дышин А.В.: С большой вероятностью Индо-Тихоокеанский регион является действительно конструктом. Более 100 действующих и бывших глав государств и 360 бывших и действующих членов правительств стран, потенциально включаемых в ИТР, – выпускники американских учебных программ. Около 400 тыс. обучающихся в США или по программам, финансируемым США, занимают в странах ИТР высокие должности. Вашингтон успешно использует это для реконфигурации региональной системы безопасности в свою пользу. Утверждение о том, что "Индо-Тихоокеанский регион является прежде всего политико-идеологическим конструктом" встречается как в нашей прессе, так и в средствах массовой информации КНР. Можно много говорить на эту тему, но одно понятно: раз КНР и Россия слабо экономически представлены в данном регионе, то им и выгодно представлять это объединение в виде политико-идеологического конструкта.

Журбей Е.В.: **Насколько сильна антикитайская составляющая концепции "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона в ее американской интерпретации?"**

Гарусова Л.Н.: С приходом в 2017 г. в Белый дом администрации Д. Трампа началось продвижение внешнеполитической стратегии "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" с ее очевидной антикитайской направленностью. Она нацелена на коллективный контрбаланс Китаю, как потенциальному мировому лидеру, силами американских союзников, ядро которых составляет "Четверка" (США–Япония–Австралия–Индия). В Индо-Пацифике в настоящее время реализуются главные интересы США. Среди них на первом месте – "противодействие стремлению китайского правительства к репрессивному альтернативному видению регионального порядка, поширяющего общие нормы и демократические принципы". Именно Китай, как соперник США в борьбе за мировое лидерство, находится сегодня в фокусе внешнеполитического внимания Америки.

Антикитайский вектор концепта "Свободной и открытой Индо-Пацифики" нашел отражение в ключевом политическом документе США – "Стратегии национальной безопасности" от 18 декабря 2017 г. Китай, по мнению Вашингтона, не потенциальный партнер, а реальный соперник и конкурент. Китай внедряет амбициозные многосторонние проекты, такие как Инициатива "Пояс и путь" (BRI), и наращивает военную мощь, в том числе и за счет создания искусственных насыпных островов в Южно-Китайском море для своих военных баз. Политика "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" предполагает не только индивидуальные действия США, но и сотрудничество с ключевыми американскими союзниками. Четырехсторонний диалог США–Япония–Австралия–Индия строится с учетом противоречий этих стран с Китаем и, следовательно, возможности "размывания" влияния Пекина в регионе. Общие опасения по поводу политического и экономического влияния Китая углубили координацию между государствами "Четверки" по различ-

ным вопросам – от внедрения технологии 5G до развития инфраструктуры, помощи третьим странам и военного сотрудничества.

С приходом в Белый дом новой администрации президента Джо Байдена (2021–2025 гг.) возможна трансформация стратегии "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона". При этом последняя вряд ли полностью потеряет свою антикитайскую направленность.

Бурлаков В.А.: Формально ни в концепции "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона", ни в высказываниях стран-участников Четырёхстороннего диалога по безопасности не прозвучало прямых антикитайских высказываний. Однако интерпретация концепции дает определенные основания для того, чтобы считать ее направленной против Китая.

В рамках концепции "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" "свобода" означает то, что народы региона должны быть свободны от всякого принуждения и суверенно следовать избранными ими в регионе путям. Также это означает, что общества Индо-Тихоокеанского региона должны становиться более свободными в плане управления, прав человека, прозрачности и борьбы с коррупцией. "Открытость" подразумевает в первую очередь открытие морских транспортных коммуникаций и воздушных путей, а также более открытые логистику, инвестиции, свободную, честную и взаимную торговлю. Данная интерпретация была озвучена в апреле 2018 г. заместителем помощника Государственного департамента США Алексом Н. Вонгом. Уже здесь четко прослеживаются явные намеки на внутреннюю и внешнюю политику Китая, которая не согласуется с теми подходами к сотрудничеству, которые должны стать приоритетными в рамках ИТР.

Так, подвергается критике позиция Китая в Южно-Китайском море, которая не соотносится с провозглашенным США пониманием открытости в регионе. Постоянно звучат обвинения в сторону Китая о том, что он нарушает свободный, честный и взаимный режим торговли, совершает хищения интеллектуальной собственности и имитирует технологический обмен.

Принятая в январе 2018 г. "Национальная оборонная стратегия" однозначно определяет Китай в качестве стратегического соперника. В данном контексте совершенно очевидно, что усилия США по формированию "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" не могут не иметь антикитайской направленности.

Владимирова Д.А.: Достаточно острое китайско-американское соперничество в АТР уже можно было наблюдать в период с 2009 по 2016 гг., но, пожалуй, "идентификация Китая в качестве ключевого соперника США произошла ещё в начале 2000-х годов". Во время президентства Б. Обамы и США, и Китай активно действовали в рамках привлечения на свою сторону ключевых стран региона. Положение обострилось в связи с территориальными спорами в Южно-Китайском море. Активное вмешательство США подтолкнуло Китай к форсированным действиям на оспариваемых территориях. Можно с уверенностью констатировать усиление соперничества между двумя странами в данном регионе, что повлекло за собой необходимость решения вопросов безопасности.

С приходом к власти Д. Трампа, поменялась и стратегия от "ребалансирования в Азию" на стратегию "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" (FOIP). Основной ключевой принцип – это свобода и открытость в регионе. Многие аналитики сходятся во мнении, что океанская стратегия Трампа, прежде всего, исходит из национальных интересов США, а также новых реалий, которые можно наблюдать в регионе, а именно явно усиливающейся роли Китая. Этим же озабочены и страны ИТР, ключевым звеном является Индия. С одной стороны, мы видим заинтересованность администрации Трампа в усилении роли Индии в данном регионе. Индия же рассматривает США как необходимого союзника, с которым подписаны многоплановые соглашения, и который может выступить весомым противовесом усиливающемуся Китаю. Сама Индия по отношению к Китаю занимает более чем когда-либо конфронтационную позицию.

К тому же США обвиняют Китай в нечестной торгово-экономической политике, наращивании военного потенциала, выдвигается и ещё целый ряд претензий. Встреча в Анкоридже, которая состоялась уже после победы Джо Байдена, явно обозначила противоречия между двумя странами. Китай

готов противостоять натиску США и, как выразился Ян Цзечи (член Политбюро ЦК КПК), США не удастся задуть Китай. Пекин не будет мириться с силовым давлением. Китай призывает США перестать навязывать свою версию демократии и задуматься "как исправить собственный имидж".

ФОИР Китай рассматривает как проект, который является противовесом инициативе Китая "Один пояс – один путь". Со своей стороны Китай готов идти на сближение со странами ИТР в целях недопущения создания "единого антикитайского фронта".

Журбей Е.В.: В чем состоит специфика трактовки концепции "Индо-Тихоокеанского региона" политической элитой Индии?

Гарусова Л.Н.: Современная Индия – влиятельная держава Южно-Азиатского региона, обладающая потенциалом и перспективами мирового лидера. Она – желанный международный партнер для многих стран мира, включая США. В целом индийская элита благосклонно отнеслась к концепту Индо-Тихоокеанского региона, как ресурсу укрепления своего регионального влияния.

С приходом в Белый дом президента Дональда Трампа, Индия и США заявили о своем стремлении продолжать сотрудничество по таким вопросам, как общие ценности (демократия), общие интересы (борьба с терроризмом и содействие стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе), возможности для экономического сотрудничества и т.д. Продажа оружия (с учетом предоставления Индии статуса ключевого оборонного партнера еще администрацией Б. Обамы), а также кибербезопасность, которую президент Трамп и индийский премьер-министр Моди выделили в качестве приоритета, углубили сотрудничество Вашингтона и Нью-Дели.

После встречи лидеров Индии и США наметились подвижки в области торговли оружием и оборонно-промышленного сотрудничества двух государств. Соединенные Штаты согласились на продажу Индии дополнительных ударных вертолетов и военных беспилотников. Производство компонентов оборонной продукции уже ведется американскими компаниями в Хайдарабаде – формирующемся новом центре оборонного производства в Индии. Встречи министров иностранных дел и министров обороны в формате "2+2" служат основным механизмом диалога между США и Индией. Кроме того, существует еще более 30 двусторонних диалогов и рабочих групп – от сотрудничества в космосе и здравоохранении до торговли энергоресурсами и высокими технологиями. Разумеется, между двумя странами имеются разногласия, но пока они весьма успешно преодолеваются. Администрация президента Дж. Байдена, вероятно, продолжит уже традиционный курс на сотрудничество с Индией, равно как и Индия, скорее всего, проявит готовность к продолжению конструктивных отношений с США.

Родионов В.А.: Республика Индия, наряду с США, является одним из главных интересантов институционализации ИТР. Внешнеполитическая доктрина Нью-Дели в отношении восточноазиатского региона, известная в последние десятилетия как "Смотри на Восток" (Look East), а позже "Действуй на Востоке" (Act East), есть отражение растущих геополитических амбиций Индии, ее стремления расширить свое сотрудничество с рядом государств этого макрорегиона. Поэтому ИТР это прекрасная возможность для Индии закрепить свое многоаспектное сотрудничество со странами и организациями Восточной Азии.

В этом плане одним из центральных лейтмотивов дипломатической и военно-политической активности индийской стороны в последние годы выступает противостояние КНР. Во-первых, у Нью-Дели и Пекина существуют уже традиционные, исторически обусловленные конфликты и противоречия (приграничный спор, пакистанский вопрос, фактор Далай-ламы XIV и другие). Вооруженный приграничный конфликт 2020 г. лишь обострил и без того серьезные взаимные подозрения и неприязнь. Во-вторых, возвышение китайского влияния в регионе не может не беспокоить Индию, заставляет ее предпринимать контрмеры, в том числе связанные с усилением военно-морской мощи.

В данном случае существует тенденция сближения интересов Индии, США и ряда других государств в деле коллективного сдерживания Китая. Если для Индии противодействие Китаю представляется вопросом непосред-

ственной национальной безопасности и даже суверенитета, то для США смещение акцентов в сторону акватории Индийского океана важно в том числе с точки зрения возможности вовлечь в региональное противостояние с КНР сильного мотивированного игрока.

Помимо собственно океанического пространства и прилегающих к нему территорий Нью-Дели активно продвигает собственную повестку в иных регионах Азии, традиционно входящих в сферу интересов Китая. Одним из примеров здесь можно считать Монголию, имеющую протяженную границу с КНР. Не будучи способной конкурировать с китайской стороной в торгово-экономической сфере, Индия в последние годы все активнее продвигает свое мягкое влияние в Монголии, эксплуатируя тему общности демократических ценностей и буддийского наследия. Учитывая исторически негативное отношение монголов к Китаю, активность индийской стороны, скорее всего, будет только приветствоваться монгольской общественностью и одновременно с этим вызывать дополнительное раздражение Пекина.

Бурлаков В.А.: Для индийского истеблишмента концепция Индо-Тихоокеанского региона выглядит в целом привлекательно. Во-первых, Индия всегда негативно относилась к идее АТР, которая, по сути, исключала страну из системы отношений в Восточной и Юго-Восточной Азии. Отношения в формате ИТР снимают данные противоречия. Во-вторых, у значительной части политической (особенно той ее части, которая исповедует националистическую идеологию) и военной элиты страны сильны антикитайские настроения. В этом ключе политика опоры на США с целью усиления давления на Китай выглядит очень привлекательно. И, в-третьих, с начала века в общественном мнении Индии усиливаются проамериканские настроения. Индийская диаспора в США увеличилась за счет выходцев из состоятельных семейств, сохраняющих постоянные контакты с родственниками в Индии. Тем самым стимулируется развитие и укрепление индо-американских отношений.

Однако есть и негативные стороны концепции ИТР. Китай остается для Индии крупнейшим торговым партнером. Значительная часть экономической элиты страны ориентирована на сотрудничество с Китаем. И в этом ключе индийские экономические интересы не позволяют быстро переориентироваться на других партнеров. Тем более что реально заменить Китай не в состоянии ни одна страна Индо-Тихоокеанского региона.

Кроме того, жесткая политика США по отношению к Китаю также неприемлема для Индии, которая стремится избежать втягивания в потенциальный конфликт с Китаем в виде младшего партнера.

В силу этого индийское понимание концепции Индо-Тихоокеанского региона остается максимально расплывчатым и неконкретным. Это позволяет, с одной стороны, ссылаясь на поддержку США, оказывать политическое давление на Китай, а с другой стороны, избегать явной антикитайской риторики и дистанцироваться от антикитайской политики, которую могут проводить страны-партнеры по Quad.

Владимирова Д.А.: В основе переосмысления Индией своего места в мире лежит традиционная модель мандалы, включающей три круга. И политика первого круга была уже сформулирована в конце прошлого века, это своеобразный "поворот на восток" – Look East, что включает сближение со странами ЮВА. В начале 2000-х гг. индийский политолог С. Раджа Мохан предложил новое видение роли Индии как одного из центров многополярного мира. Но данная модель действует в рамках всё той же мандалы. Однако акценты смещаются: первый круг включает ближайших соседей, т.е. государства Южной Азии, второй круг – расширенное соседство, страны ЮВА, Восточной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии, и, наконец, третий круг – весь остальной мир.

Специфика трактовки термина ИТР политическими экспертами заключается во временном разночтении и попытках, порой неудачных, вписать изменяющееся видение роли Индии в концентрическую схему. Один из периодов, относящийся к периоду доевропейского, но взятый на вооружение в период холодной войны объяснял единство культурного и торгового пространства, позже эта идея была развита Гурприт Кхурана (2007 г.). Нет единства и в определении границ ИТР, часть политиков видят комбинацию АТР и региона Индийского океана, часть экспертов, следуя за инициативой, объ-

явленной Н. Модии "Безопасность и рост для всех в регионе", вкладывают в ИТР самое широкое понимание, есть и концепция Вьетнамского стержневого центра ИТР. Как отмечает А.В. Курьянов, в индийском дискурсе существует три конструкта "широкого ИТР", "Большого Индийского океана", собственно региона Индийского океана.

Однако есть и приоритеты, на которые опираются индийские политологи. Во-первых, расширение своего присутствия в регионе, во-вторых, партнерство – как фокус индо-тихоокеанских интересов. Связи с более крупными игроками, таким как Австралия, Франция, Япония и США, предоставляет Нью-Дели прекрасную основу для расширения своего дипломатического присутствия, и в то же время связи с островными государствами определяют значительную роль Индии в обеспечении безопасности в данном регионе, выбор внешней политики островных государств будет определяться Нью-Дели.

Дышин А.В.: Политическая элита Индии достаточно разнообразна, есть крайние националисты, либеральные националисты, умеренные националисты, есть даже националисты-марксисты. Единственное, что их объединяет, это идея создания Великой могущественной Индии времен царя Ашоки и других легендарных правителей Индии, тем более что 95% торговли Индии, как внутренней, так и внешней, связано с Индийским океаном. Однако позиционировать себя в Индо-Тихоокеанском регионе в качестве могучей державы на фоне таких гигантов, как США и Китай, тяжело стране, где по данным МВФ 265 млн. чел. получает менее 1 долл. США в день, т.е. живут за чертой бедности. Поэтому, с одной стороны, ведутся разговоры о взаимном развитии и сопроцветании, с другой стороны, на уровне послов в данный регион открыто приглашается Россия. Понятно, что весьма слабо представленная в экономическом отношении в данном регионе Россия вряд ли составит конкуренцию Индии, но ее можно использовать в качестве "пугала" против США и КНР, с которыми отношения складываются достаточно болезненно и которые сами претендуют на лидерство.

Журбей Е.В.: Каково видение концепта "Индо-Тихоокеанского региона" со стороны АСЕАН? Может ли АСЕАНовская версия Индо-Пацифики стать инструментом создания архитектуры мегарегиональной безопасности?

Бурлаков В.А.: Концепт Индо-Тихоокеанского региона, безусловно, привлекает внимание стран-членов АСЕАН. В рамках ИТР Юго-Восточная Азия становится центральным регионом, что, по идее, должно дать дополнительные импульсы ее экономическому развитию.

23 июня 2019 г. АСЕАН опубликовала своё официальное видение Индо-Тихоокеанского региона. Основные положения этого видения отличаются от американской версии ИТР.

Во-первых, страны АСЕАН видят Юго-Восточную Азию системообразующим регионом Индо-Пацифики. Предлагается использовать уже имеющиеся региональные институциональные механизмы для развития отношений в ИТР. Это, прежде всего, Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН и Совещание министров обороны АСЕАН+8.

Во-вторых, АСЕАН стремится к тому, чтобы увязать свои экономические планы с развитием многостороннего взаимодействия в рамках Индо-Тихоокеанского региона.

И, в-третьих, АСЕАН не противопоставляет АТР и Индо-Тихоокеанский регионы, пытаясь примирить оба концепта.

В целом важно понимать, что концепция ИТР несет определенную угрозу сообществу АСЕАН. Концепция способна углубить раскол внутри АСЕАН и подорвать основополагающие принципы сообщества (неприсоединение, балансирование между великими державами, внеблоковый статус). Кроме того, страны-члены АСЕАН крайне чувствительны к таким сентенциям, как защита прав человека и демократическое устройство.

В силу этого АСЕАН скорее будет стремиться к тому, чтобы смягчить явно неприемлемые установки концепции ИТР и подстроить ее под свои интересы, например, активизировать существующие проекты (экономический коридор ВМР-ЕАГА) и углубить взаимодействия с иными интеграционными инициативами и объединениями (Ассоциация стран Индийского океана, БИМСТЕК).

Паначева А.С.: Появление стратегии Индо-Тихоокеанской безопасности стало вызовом для АСЕАН, так как институциональное оформление ИТР может обесценить такие институты, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС).

В 2019 г. АСЕАН озвучила свою точку зрения по ИТР в документе "Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион" (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific).

Отмечалось, что Тихий и Индийский океаны являются общающимися морскими пространствами, что делает ИТР интегрированным и взаимосвязанным регионом, в центре которого расположена АСЕАН. Оговаривается стремление добиться синергии между формированием ИТР и Сообщества АСЕАН, с одной стороны, и укреплением институтов многостороннего сотрудничества – с другой. Акцентируется важность Договора АСЕАН о дружбе и сотрудничестве как нормативной основы позиции в отношении проекта ИТР. В институциональном отношении приоритет отдан диалоговым форматам – АРФ, СМО АСЕАН+8, АСЕАН+1 и т.д. Таким образом, главная идея и направленность концепции АСЕАН в том, чтобы переориентировать ИТР с военно-политической тематики на экономическую.

Основные проблемные вопросы для АСЕАН – выстраивание отношений с США и Китаем (партнерами по диалогу) и пути решения проблемы Южно-Китайского моря.

Самойленко П.Ю.: АСЕАН на протяжении десятилетий с момента её создания во второй половине 1960-х гг. демонстрирует постепенный дрейф от регионального объединения, имеющего преимущественно экономические цели, к международному союзу, который преследует более стратегические, долгоиграющие целеполагания. К такому относятся вопросы разоружения, поскольку страны АСЕАН являются безъядерной зоной. К политическим относится и вопрос диверсификации взаимоотношений стран этого блока с окружающим миром, и решение вопросов экологии, гуманитарных проблем и так далее. На протяжении последних десятилетий страны АСЕАН развивают сотрудничество с крупными мировыми игроками, в том числе и с Индией. Кроме того, Индия на протяжении десятилетий входит в правовые режимы зон свободной торговли со странами АСЕАН. Также она является участником так называемой Себуанской декларации о восточноазиатской энергетической безопасности, которая предусматривает энергетическое партнерство стран и направлена на решение вопросов, связанных с энергетикой и с экологией, в том числе использования большего количества альтернативных источников энергии взамен традиционных. Кроме того, нужно понимать, что Индия на сегодняшний день является одним из основных торговых партнеров АСЕАН и входит в шестерку стран мира, с которыми страны члены этой международной организации имеют стабильные внешнеэкономические связи. С этой точки зрения мы должны понимать, что Индия для стран АСЕАН является достаточно привлекательным партнером, прежде всего, в экономическом ключе.

Безусловно, есть взаимные интересы этих стран, которые не ограничиваются исключительно экономическими аспектами, но могут быть обусловлены и многими другими отношениями в современном глобализированном и взаимосвязанном мире. Это миграция, туризм, транзит рабочей силы и участие в создании так называемых цепочек добавленной стоимости в мировом разделении труда, а также противодействие общим угрозам, таким как терроризм, пиратство, организованная преступность и так далее. Поэтому "АСЕАНовская" версия "Индо-Пацифики" на сегодняшний день – это в большей степени внешнеэкономическая история, во всяком случае, мы можем сделать такой вывод исходя из фактов сотрудничества стран блока ЮВА и Индии за последние несколько десятилетий. Сложно говорить о каких-то серьезных стратегических интересах стран АСЕАН, связанных с этой страной, поскольку это как минимум формально противоречит идеологии данного блока.

Журбей Е.В.: Заинтересована ли, на ваш взгляд, Россия в укреплении индо-тихоокеанского сотрудничества? В чем может состоять российский вклад в построение ИТР как инклюзивного мегарегиона?

Родионов В.А.: Для России, с одной стороны, институционализация ИТР, смещение основных политических и экономических процессов в сторону

Индийского океана не представляет особого интереса в силу значительной территориальной удаленности и ограниченности экономического потенциала. Более того, данные тенденции делают РФ фактически периферийной страной этого мега-региона. Поэтому возможность внести свой вклад в построение ИТР у России незначительна. С другой стороны, учитывая высокий конфликтный потенциал отношений в ИТР, удаленность нашей страны в какой-то мере убеждает ее от втягивания в новый комплекс стратегических противоречий XXI в., предоставляет возможность скорее наблюдать за схваткой со стороны, нежели непосредственно участвовать в ней.

Бурлаков В.А.: Концепция Индо-Тихоокеанского региона в том виде, в котором она реализуется на современном этапе, вряд ли напрямую угрожает интересам России. А потому и позиция России в отношении данной концепции, вероятно, должна быть нейтральной.

Россия политически и экономически слабо представлена в тех регионах, которые входят в географический объем понятия Индо-Пацифика. При этом упор делается на двустороннее сотрудничество. Даже диалоговое партнерство Россия – АСЕАН в целом не нарушает данного формата российского присутствия. Выведение России за скобки при определении границ ИТР не сильно затрагивает интересы страны и не может кардинально изменить ее позиции в регионе. Например, встраивание Индии в Четырёхсторонний диалог по безопасности в рамках российско-индийских отношений компенсируются двусторонними контактами, а также форматом БРИКС.

Единственной попыткой институционализации ИТР является Четырёхсторонний диалог по безопасности (Quad). Попытки встроиться в этот диалог никак не отвечают интересам России. Антикитайский характер партнерства и доминирование США являются прямой угрозой позициям России в регионе.

Остается также неясной устойчивость существования данного формата отношений. Противодействие Китаю, даже с учетом китайско-американской торговой войны и объявлением Китая стратегическим противником, является все же тактической, а не стратегической проблемой. Между Китаем и США сохраняются возможности договориться и установить приемлемый для обоих *modus operandi*. В этом ключе Quad сразу же теряет свое первоначальное значение. А мы очень часто наблюдали, когда США теряют интерес к какой-либо геополитической конструкции, она быстро сходит на нет. Не получится ли с Индо-Пацификой то же самое?

Самойленко П.Ю.: Мне кажется, что позиция Российской Федерации по отношению к индо-тихоокеанской проблематике на сегодняшний день вряд ли может быть явно сформулированной и достаточно отчетливо проявляться в сфере реальной политики. Связано это с тем, что политика России на мировой арене по отношению к Индии и к странам ЮВА достаточно сильно отличается. Индия – это в большей степени стратегический партнёр нашей страны, это достаточно крупный мировой игрок, с которым нашу страну связывают долговременные дружеские отношения. Несмотря на то, что после распада СССР в "девяностые–нулевые" годы мы во многом утратили объёмы двустороннего сотрудничества, на сегодняшний день наблюдается явное желание двух стран к взаимному сближению, Индия остается одним из крупнейших импортеров российских вооружений, импортером технологий, связанных с использованием мирного атома. Что касается взаимоотношений России со странами Юго-Восточной Азии, то здесь в большей степени мы можем говорить об экономическом и социально-гуманитарном сотрудничестве.

Думаю, что позиция России по отношению к индо-тихоокеанской проблематике скорее будет носить не столько внешнеполитический, сколько внешнеэкономический характер. Одним из серьезных сдерживающих фактором будет также и то, что нашим крупнейшим стратегическим и торговым партнером является Китай, который по понятным причинам не будет поддерживать конфигурацию подобного международного объединения. С другой стороны, формирование Индо-Тихоокеанского региона как субрегиона Южной Азии и АТР может быть выгодно и во внешнеполитическом прочтении, в том числе и для нашей страны, поскольку позволит странам региона объединить свои усилия в общих интересах в таких вопросах, как противодействие наркотрафику, организованной преступности, террористическим угрозам, содействовать ре-

шению экологических проблем и ряда иных глобальных угроз современного мира, развитию мирового торгового мореплавания.

Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Дышин А. В., Журбей Е. В., Паначёва А. С., Родионов В. А., Самойленко П. Ю. От Азиатско-Тихоокеанского к Индо-Тихоокеанскому региону: концепт и его воплощение.

Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Garusova L. N., Dyshin A. V., Zhurbey E. V., Panachyova A. S., Rodionov V. A., Samojlenko P. Yu. From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Concept and Implementation.

Для цитирования: Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Дышин А. В., Журбей Е. В., Паначёва А. С., Родионов В. А., Самойленко П. Ю. От Азиатско-Тихоокеанского к Индо-Тихоокеанскому региону: концепт и его воплощение // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 48–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/48-60

For citation: Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Garusova L. N., Dyshin A. V., Zhurbey E. V., Panachyova A. S., Rodionov V. A., Samojlenko P. Yu. From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Concept and Implementation // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 48–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/48-60

От окулистических "летучих" отрядов до офтальмологических бригад по обследованию населения

Организация выездных офтальмологических приемов на территории страны неразрывно связана с историей деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, которое положило начало выездам в 1893 г. и доказало несомненную пользу их для населения. Тема работы актуальна и на сегодняшний день ввиду продолжения этой работы посредством организации выездных офтальмологических приемов и оказания офтальмохирургической помощи населению из отдаленных городских и сельских поселений. Актуальность выездов рождает интерес к изучению истории выездной деятельности. Особое внимание к истории данной работы проявляют сами офтальмологи. К примеру, директор Санкт-Петербургского филиала ФГАУ "НМИЦ "МНТК "Микрохирургия глаза" им. акад. С.Н. Федорова" Минздрава России Э.В. Бойко с соавторами в своей работе оценивают масштабность проделанной офтальмологическими отрядами работы под руководством профессора Л.Г. Беллярминова [6, с. 100]. Ценность и важность работы выездных отрядов заключается в том, что они охватывали труднодоступные регионы страны. Командировки в отдаленные регионы сопровождались проблемами организационного характера: отсутствие устойчивой транспортной связи становилось препятствием для выполнения запланированного объема работы по обследованию населения. Т.А. Князькина, на примере работы офтальмологического отряда в Камчатской области, указывает на эти факторы [11, с. 83]. Значимость выездной деятельности обозначается в работе А.И. Акманова с соавтором посредством указания фактов развертывания амбулаторных и стационарных отделений офтальмологического профиля после осуществления командировок "летучих" отрядов в регион [1, с. 53].

Целью данной работы является анализ деятельности и сравнительная характеристика функционирования окулистических "летучих" отрядов на территории Уфимской губернии, трахоматозных отрядов – в Башкирии и современных офтальмологических отрядов в Башкортостане.

Научная работа преследует задачи исследовать общественную и практическую значимость деятельности попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в плане оказания выездной офтальмологической помощи в регионе; показать преемственность между частной благотворительной организацией и государственными учреждениями здравоохранения, указать их различия и проблемы на пути становления.

Частное благотворительное общество Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых возникло 13 февраля 1881 г. в результате реорганизации Главного попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов, убитых и раненых в Русско-турецкую войну. Причиной тому стало большое количество слепых и слабовидящих людей, которые потеряли зрение вне военных действий: из обследованных 444 больных только 5% потеряли зрение во время военных действий [18, с. 21]. Первопричина увеличения количества населения с заболеваниями органа зрения кроилась в распространении трахомы, которая была завезена на территорию России с войсками, вернувшимися после оккупации Франции в 1817–1818 гг. Отсутствие внимания со стороны

© Бикбов М. М., Галимова Ю. Ш., 2021

БИКБОВ Мухаррам Мухтарамович, д-р мед. наук, профессор, директор Уфимского научно-исследовательского института глазных болезней Академии наук Республики Башкортостан (г. Уфа). E-mail: eye@anrb.ru

ГАЛИМОВА Юлия Шагимурдановна, аспирант кафедры истории России, историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (г. Уфа). E-mail: yula347@gmail.com

государства к этой проблеме и, соответственно, недоступность получения своевременного лечения вкупе с социально-экономической отсталостью страны и низкой культурой населения привели к тому, что к концу XIX в. – к началу XX в. трахома стала лидирующим заболеванием глаза, приводящим к слепоте, в том числе необратимой. Согласно данным проф. С.С. Головина, трахома стала причиной слепоты у 21,4% обследованного населения, у 19,2% – глаукома, у 13,5% – болезни роговицы др. [2, с. 12–13].

Таким образом, Попечительство о слепых возглавило осуществление поддержки слепых и слабовидящих людей, преследуя две цели: оказание офтальмологической помощи населению и услуг по попечению инвалидов по зрению [22, с. 174]. Перед организацией стояла задача обеспечить офтальмологической помощью 189872 инвалидов по зрению, выявленных Центральным Статистическим комитетом в 1886 г., что составляло 20 слепых на 10000 населения [19, с. 5].

Одним из направлений деятельности Попечительства о слепых, и одним из самых действенных, стала организация с 1893 г. так называемых "летучих отрядов", направляемых в летнее время в сельскую местность для оказания специализированной медицинской помощи. В 1893 г. было направлено 7 отрядов, в 1894 г. – 21, в 1895 г. – 24, в 1896 г. – 21, в 1897 г. – 33, 1898 г. – 36 отрядов [15, с. 21]. За 20 лет работы было направлено 535 глазных отрядов, которыми была оказана консультативная помощь 4 млн. больным с заболеваниями глаз и произведено 900 тыс. оперативных вмешательств [6, с. 95].

В среднем каждый отряд в период своей работы, который длился от одного до двух месяцев, принимал около двух тысяч пациентов [13, с. 107]. Кроме консультационной и хирургической помощи врачебный персонал отряда по возможности занимался подготовкой врачей и младшего медицинского персонала на местах с целью обучения их элементарным навыкам ухода за больными с заболеваниями органа зрения.

Согласно переписи населения империи в 1886 г., в Уфимской губернии было 35 слепых на 10 тыс. населения, в Казанской губернии – 45 человек, Симбирской – 37, Вятской – 36 [8, с. 20]. Организация работы глазных отрядов на территории Уфимской губернии осуществлялось Уфимским отделением Попечительства и уездными земскими управами. Первый глазной отряд в Уфимскую губернию прибыл в 1897 г. За период 1897–1913 гг. на территорию губернии было направлено 18 отрядов (РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 556, 564, 565)¹.

Одними из первых во главе отрядов на территорию Уфимской губернии прибыли врачи Игирейт и Соловьев в 1897 г. Помощь отрядами оказывалась бесплатно. Об их приезде заранее сообщалось населению через объявления в периодической печати. В 1899 г. сроком на 2 месяца в г. Стерлитамак приехал профессор кафедры офтальмологии Томского университета С.В. Лобанов [9, с. 130]. Отряд в составе доктора Яковлева, студента Казиева и местных врачей Брауде и Ладыгина работал с 28 мая по 24 июня 1899 г. За этот период прием прошли 3272 пациента, из которых 856 получили хирургическое лечение [14, с. 15]. Для стационарных больных были отведены две палаты в земской больнице, рассчитанные на 36 коек и три палаты вместимостью 13 коек в помещении приюта для неизлечимо больных. Из 3272 пациентов для 363 был выставлен диагноз "неизлечимая слепота". Причинами слепоты стали трахома, глаукома и болезни роговой оболочки. Приезд доктора С.В. Лобанова стимулировало Стерлитамакское земство развернуть в городе с 1900 г. глазную лечебницу на четыре койки [23, с. 1].

В этом же году был осуществлен выезд отряда на территорию Белебеевского уезда [14, с. 10]. Местом его дислокации было выбрано с. Семеново-Макарово. В составе отряда был врач Исупов и студент Шерман. Из-за отсутствия местной больницы для отряда и размещения пациентов были выделены избы местных жителей: 3 избы для оперированных больных, 2 избы на 20 человек для пациентов, нуждавшихся в наблюдении и 1 дом для врачебного персонала. Земство выделило 1000 руб. на приобретение лекарств и перевязочного материала, также по 5 коп. выдавалось пациентам на питание. В последующем отряд был переброшен в г. Белебей, где он проработал в течение 16 дней.

¹ РГИА – Российский государственный исторический архив.

Помощь отряду оказывали доктора Остроумов и Соколов. Последний впоследствии возглавил постоянный офтальмологический пункт при земской больнице [15, с. 80]. За 1 месяц и 22 дня работы отряд оказал помощь 1202 пациентам, при этом 510 больным была оказана хирургическая помощь [14, с. 10]. Из числа оперированных у 237 больных было проведено устранение заворота века после трахомы, что составило 46,5% оперативных вмешательств. Неизлечимо слепых было выявлено 85 человек, причинами чего являлись трахома, глаукома, оспа и болезни роговой оболочки. В стационаре помощь получили 58 человек.

Очередной отряд в г. Белебей приезжал в 1903 г. Отряд возглавил ученик профессора Л.Г. Беллярминова и будущий профессор глазной клиники Кубанского медицинского института С.В. Очаповский [9, с. 6]. В ходе работы врачом было принято 2003 пациента, оказана оперативная помощь 938 обратившимся [16, с. 62].

В 1901 г. на территорию Уфимского уезда прибыл глазной отряд под началом доктора А.А. Бельского [3, с. 3]. "Летучий" отряд начал работу в д. Ардальоновка Уфимского уезда, где временная глазная лечебница стала функционировать в здании земской больницы [15, с. 5]. В помощь отряду были направлены земские врачи Виммерман, Филиппов и Тринитатов [15, с. 4]. Отряд работал с 3 по 31 мая 1901 г. и оказал первичную помощь 1597 больным. Далее "летучий" отряд приступил к работе в Уфе, где прием осуществлялся с 3 июня по 29 июня 1901 г. В составе отряда, кроме заведующего А.А. Бельского с помощником, был член Совета Уфимского отделения Попечительства врач С.П. Знаменский. Младший медицинский персонал состоял из четырех фельдшеров. Под временную глазную лечебницу была выделена Чижевская больница на 25 коек [15, с. 5]. Из-за наплыва пациентов вместо 25 человек в больнице находилось 39 больных, которые размещались в коридорах больницы и даже на полу. Дополнительно была выделена квартира в здании Уфимского отделения Попечительства. Пациентам выдавался чай и хлеб. Больные преимущественно были из г. Уфы и близлежащих населенных пунктов, но 37 пациентов преодолели расстояние от 150 до 200 верст, а 66 человек – от 100 до 150 верст [15, 24-25]. Отряд в течение одного месяца работы проконсультировал 2285 пациентов, выполнил 524 операции в стационаре и 424 оперативных пособия, которые производились в амбулаторных условиях и не требовали госпитализации в стационар лечебного учреждения (НАРБ. Ф. И-311. Оп. 1. Ед. хр. 2, Л. 34)². Хирургической помощью в стационаре Чижевской больницы смогли воспользоваться 82 человека, которые провели на лечении не менее 10 дней [15, с. 5]. Больше всего за медицинской помощью обратилось больных с заболеванием трихиаз, который обычно возникал у пациентов с трахомой – 1297 человек, на втором месте по количеству заболеваний был катар соединительной оболочки, диагностированный у 1156 человек [15, с. 26-27]. Всего за время нахождения в Уфимской губернии отряд принял 3482 пациента, выполнил 1057 операций и 830 оперативных пособий [3, с. 3].

Глазные отряды выполняли важную миссию ввиду отсутствия какой-либо медицинской помощи в отдаленных губерниях Российской империи. Огромная территория государства и отсутствие путей сообщения приводило к тому, что выезды занимали очень много времени [1, с. 53]. К примеру, работа летучего отряда, направленного в Камчатскую волость длилась 7 месяцев, из которых только 73 дня врачебный персонал оказывал помощь [11, с. 83]. К тому же в условиях выездной работы не было возможности оказать стационарную помощь пациентам при сложных диагнозах и ответственность за получение дальнейшего лечения и его успех перекладывался на самих больных, которые зачастую не понимали всю серьезность своего заболевания. Они либо не имели возможности обратиться в ближайшее лечебное учреждение, либо таковой медицинской организации вовсе не существовало, как, например, в той же Камчатской волости.

Таким образом, "летучие" отряды под началом Попечительства о слепых являлись практически первопроходцами в предоставлении офтальмологической помощи населению. Составляемые во время работы отряда отчеты помогали получить информацию, которая также указывала на необходимость

² НАРБ – Национальный архив Республики Башкортостан

организации постоянной офтальмологической службы на местах. Кроме того, приезды офтальмологических отрядов приучали население обращаться за медицинской помощью к квалифицированным специалистам [15, с. 80]. К сожалению, большая территория страны и отсутствие финансов частного благотворительного общества с минимальными вливаниями от государства, нехватка квалифицированных кадров не позволяли охватить всё население, нуждавшееся в офтальмологической помощи. К примеру, на 120 миллионов населения империи, как указывал профессор Л.Г. Беллярминов, было только 209 офтальмологов [9, с. 61]. Немаловажной проблемой была безграмотность населения с нежеланием обращаться к врачам и несоблюдение населением санитарно-эпидемиологических норм, усугубляющих ситуацию с распространением, в частности, трахомы.

В 1917 г. учреждения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых были ликвидированы, соответственно, работа глазных отрядов была прекращена. Послереволюционный период в стране характеризовался распространением эпидемиологических заболеваний, в том числе трахомы. И если к сопровождавшим трахому инфекционным заболеваниям таким, как холера, тиф, скарлатина, оспа, корь, со стороны государства было пристальное внимание ввиду масштабных смертельных исходов, то трахома, как поражающее зрение заболевание, находилась на периферии [17, с. 99]. С увеличением масштабов распространения трахомы государство пыталось предпринимать специальные меры для сдерживания заболевания. Так, для организации борьбы с трахомой разворачивались противотрахоматозные учреждения: трахоматозные сестринские и фельдшерские пункты, трахоматозные диспансеры, научно-исследовательские трахоматозные институты. Одновременно готовились кадры врачей, фельдшеров, медицинских сестер. Но самое главное, была реанимирована работа глазных отрядов, которые направлялись в очаги заболевания и финансировались государством. Возобновление этой деятельности произошло в стране в 1923 г., когда был сформирован первый глазной отряд. Затем Наркомат здравоохранения страны при участии Российского Общества Красного Креста и Наркоматов здравоохранения отдельных республик в 1924–1925 гг. организовал работу 30, в 1925–1926 гг. – 44, 1926–1927 гг. – 73 глазных отрядов [13, с. 108]. Первый глазной отряд на территории Башкирии также начал свою работу в 1923 г. под началом Башкирского наркомата здравоохранения.

Роль ведущего научного и клинического учреждения по борьбе с трахомой в республике была предоставлена Башкирскому научно-исследовательскому трахоматозному институту, который был открыт 31 декабря 1926 г. Для руководства Институтом и всей противотрахоматозной деятельностью в республике был приглашен профессор В.П. Одинцов – директор Глазной клиники Первого Московского медицинского института и уроженец Уфы.

Заболеваемость трахомой была достаточно высокой. К примеру, среди 12 тыс. пациентов, осмотренных в Калегинской волости Бирского кантона Башкирии, 90% оказались зараженными трахомой [7, с. 2]. Кроме сбора статистических данных выездная работа давала возможность анализировать предпосылки распространения заболевания. Согласно анализу заболеваемости трахомой во время работы глазных отрядов в 1925–1934 гг. было выявлено, что у лиц чувашской национальности средний процент заболеваемости составил 70,5%, у марийцев – 70%, мордвы – 50%, у татар и башкир – 25%, русских – 1 % [25, с. 13]. К тому же наиболее подверженными трахоме были жители степных районов Башкирии, нежели из горно-лесной местности. Грамотность также была значимым фактором в распространённости заболевания. Обследование населения Зилаирского кантона показало, что среди грамотных башкир процент заболеваемости составил 16% и соответственно 84% – у неграмотных башкир [21, с. 3]. К тому же женщины были подвержены трахоме больше мужчин, но самый большой процент заболеваемости был у детей, в том числе новорожденных.

В первое десятилетие – в 1925 – 1934 гг. сотрудниками Башкирского трахоматозного института было организовано 46 глазных отрядов, которыми было обследовано 147100 человек [20, с. 6]. Как указывал в своих воспоминаниях профессор Р.Г. Кудояров, "... работавшие в бригадах проводили обследование и оказывали консервативную и хирургическую помощь. ... Лечение

проводилось в больницах, трахоматозных пунктах, школах, клубах и специально организованных трахоматозных домах" [12, с. 158].

Для проведения выездной исследовательской работы привлекались медицинские бригады из столицы и других регионов страны. Так, в 1934 г. на территорию республики была направлена "Московская экспедиция по борьбе с трахомой", благодаря работе которой первичную офтальмологическую помощь получили более 14 тыс. человек [10, с. 107]. Сотрудники Башкирского трахоматозного института, в свою очередь, выезжали в соседние области, где оказывали помощь населению.

В годы Великой Отечественной войны выезды отрядов были прекращены, но в послевоенный период они вновь возобновились. За 1948 г. врачами института было обследовано 244426 человек, среди которых у 30945 человек была выявлена трахома, что составило 12,6% от общего количества осмотренных пациентов. Согласно данным сотрудников Башкирского трахоматозного института, своего пика эпидемия трахомы достигла в 1952–1953 гг., а последующие годы характеризовались постоянным снижением заболеваемости [23]. К 1956 г. произошло снижение уровня заболеваемости трахомой от 30 до 51 % по 17 районам, от 10 до 30% – в 22 районах, до 10% – в 3 районах. В 6 районах заболеваемость оставалась на прежнем уровне, в 8 районах наблюдался рост заболеваемости.

За 1959–1961 гг. сотрудниками трахоматозного института было осуществлено 317 выездов в районы, проконсультировано 25716 человек, прооперировано 4545 пациентов [24, с. 9]. Были организованы 13 хирургических бригад, которые выезжали в районы с высокой заболеваемостью для проведения оперативной помощи на местах [24, с. 6].

Таким образом, борьба с трахомой несколько десятилетий была приоритетной для всего коллектива Башкирского научно-исследовательского трахоматозного института и руководства республики в целом. Ценой самоотверженного и упорного труда медицинских и социальных работников, органов власти региона и самого населения к 1958 г. трахома как массовое заболевание была ликвидирована в 5 районах, к 1960 г. – в 40 районах, к 1962 г. – во всех районах Республики [5, с. 9]. Масштабы распространения заболевания и объемы профилактических и лечебных мероприятий со стороны государства были практически идентичны, что позволило побороть эпидемию. Различие в этом плане с частной благотворительной организацией было налицо: государство подключило все материальные и кадровые ресурсы для ликвидации трахомы.

Несмотря на полученные положительные результаты выездная работа не прекращалась и трахоматозный институт продолжал деятельность в данном направлении до полного устранения остаточных случаев заболевания. В период 1966–1971 гг. было осуществлено 432 выезда, осмотрено 358246 человек, проведено 20288 операций. В связи с ликвидацией трахомы Башкирский научно-исследовательский трахоматозный институт в 1965 г. был реорганизован в Уфимский научно-исследовательский институт глазных болезней Минздрава РСФСР.

С конца 1970–х гг. сотрудники института выезжали на долгосрочные командировки в Китай, Монголию, Турцию, Гвинею, Алжир для оказания квалифицированной офтальмологической помощи жителям этих стран. В начале 1990-х гг. Уфимский НИИ глазных болезней совместно с Детским фондом СССР проводил Всероссийскую акцию "Слепые дети", целью которой было обследование и оказание офтальмохирургической помощи детям-учащимся школ-интернатов слепых и слабовидящих от Красноярского края до Дагестана. В 1990-2000-х гг. Уфимский НИИ глазных болезней оказывал офтальмологическую помощь жителям Курганской, Пермской, Челябинской и Свердловской областей. Офтальмологические бригады института выезжали в вышеперечисленные районы для оказания консультационной и хирургической помощи. Всего было проведено 23 выезда, во время которых осмотрено 9455 пациентов, из них более 200 получили хирургическую помощь на местах.

С 2006 г. Уфимский НИИ глазных болезней возобновил оказание регулярной выездной консультационной и офтальмохирургической помощи жителям районов республики Башкортостан. Необходимость в выездной помощи жителям районов возникла в связи с ликвидацией развернутых в 2000-х гг. микрохирургических центров, которые ранее на местах оказывали специализированную помощь. Особенно масштабными они стали начиная со второй

половины 2017 г., когда было осуществлено 29 выездов, а осмотренные пациенты были приглашены на внеочередную хирургическую помощь в Уфимский НИИ глазных болезней. В 2018 г. уже было 294 выезда, во время которых консультационную помощь получили 13378 пациентов и 3203 – офтальмохирургическую на базе института. Начиная с 2019 г. офтальмохирургическая помощь начала производиться на базе самих лечебных учреждений республики, для чего операционная бригада института транспортировала в центральные районные больницы хирургическое оборудование и инструментарий. Это позволило оказать хирургическую помощь большому количеству населения – в 2019 г. было проведено 1524 операции. В 2020 г. было принято решение о возобновлении работы офтальмологических отделений на базе районных и городских больниц республики. Были введены в эксплуатацию офтальмологические отделения на базе центральных районных и городских больниц городов Мелеуз, Ишимбай, Сибай и Кумертау. По итогам 2020 г. на базе этих отделений операционная бригада Уфимского НИИ глазных болезней провела 1085 операций [4, с. 6]. В январе 2021 г. был дан новый старт оказанию выездной помощи населению на территории Башкирии.

Таким образом, в научной работе проведен анализ работы выездных офтальмологических отрядов на территории Уфимской губернии и Башкирии начиная с конца XIX в. по сегодняшний день. Исследование показало, что имеется преимущество в оказании выездной офтальмологической, в том числе хирургической, помощи населению на примере деятельности окулистических "летучих" отрядов в конце XIX – начале XX вв., действовавших от имени Попечительства о слепых и противотрахоматозных отрядов в 20–60-х гг. XX в. под началом Минздрава страны и регионов. Отряды преследовали одну задачу – охват большего числа населения для предоставления им необходимой офтальмологической помощи, но различие в принадлежности к частной или государственной структуре сопровождалось трудностями на пути их деятельности. Если отсутствие финансовой поддержки, нехватка специалистов сопутствовали деятельности Попечительства о слепых, то государственная поддержка с возможностью предоставления полного пакета профилактических и лечебных мероприятий сопровождала работу противотрахоматозных отрядов под началом государственной системы здравоохранения, что позволило ликвидировать заболевание. На сегодняшний день, несмотря на возможности, предоставляемые каждому жителю страны на получение офтальмологической помощи, в отдаленных от центра населенных пунктах всегда есть и будут люди, особенно старшего возраста, которые зачастую не имеют возможности приехать в крупные офтальмологические клиники для получения хирургической помощи. В связи с этим оказание выездной офтальмологической помощи не теряет своей актуальности уже около 130 лет.

Литература

1. Акманов А.И., Галимова Ю.Ш. Организация выездного офтальмологического обслуживания населения Уфимской губернии в начале XX в. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. Т. 37. № 4 (100). С. 48–56.
2. Белярминов Л.Г. Статистические данные о постоянной окулистической помощи в России. Материалы 8-го Пироговского съезда. СПб., 1902. Вып. 6. 17 с.
3. Бельский А.А. Обзор деятельности Уфимской глазной лечебницы Попечительства о слепых за 1 год. Киев, 1903. 10 с.
4. Бикбов М.М. Анализ работы офтальмологической службы в республике Башкортостан по итогам 2020 г. Архив Уфимского НИИ глазных болезней. Уфа, 2020. 18 с.
5. Бикбов М.М. Ученые. Врачи. Учителя. Уфа, 2018. 48 с.
6. Бойко Э.В., Кириллов Ю.А., Рейтузов В.А. Л.Г. Белярминов (к 155-летию со дня рождения) // Офтальмологические ведомости. 2014. Т. VII. № 3. С. 93–101.
7. Борьба с трахомой. Охрана здоровья марийца // Красная Башкирия. 1926. № 14. С. 2.
8. Головин С.С. О слепоте в России. Одесса, 1910. 124 с.
9. История офтальмологии в лицах, событиях, очерках /сост. Ярцева Н.С., Луцевич Е.Э. М., 2014. 424 с.
10. Клементьева Н.В. Здравоохранение Южного Урала: 1917–1936 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2013. 237 с.

11. Князькина Т.А. Деятельность окулистического отряда Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в Камчатской области в 1912 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 80–85.
12. Кудояров Г.Х. Моя жизнь – офтальмология. Уфа, 2010. 172 с.
13. Нероев В.В., Захарова Е.К., Киселева О.А., Робустова О.В., Бессмертный А.М. Прошлое и настоящее мобильной офтальмологической помощи в России // Российский офтальмологический журнал. 2012. Т. 5. № 3. С. 107–111.
14. Отчет Особого отдела по предупреждению слепоты за 1899 г. /сост. Л.Г. Беллярминов, В.Н. Долганов, Л.П. Аствацатуров, М.И. Рейх. СПб., 1899. 180 с.
15. Отчет Особого отдела по предупреждению слепоты за 1901 г. / составлен под ред. проф. Л.Г. Беллярминова приват-доцентом В.Н. Долгановым. СПб., 1902. 142 с.
16. Рейтузов В.А., Мауленов Р.И. С.В. Очаповский: сообщение второе – становление врача // Научный вестник здравоохранения Кубани. 2017. № 4 (52). С. 57–67.
17. Семенченко И.В. Совершенствование земствами медицинского обслуживания населения на Урале в 1900–1918 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. №17 (72). Вып. 7. С. 99–100.
18. Соколова Е.И. Святая наука услышать друг друга. Ростов-на-Дону, 2005. 34 с.
19. Статистика слепых в России по переписи 1886 г. Разработан редакторами Центрального Статистического комитета В. Аленицыным и А. Сырневым. СПб., 1888. 223 с.
20. Танатарова М.С. Организация глазной помощи в Башкирской АССР за 40 лет // Сборник научных трудов Башкирского научно-исследовательского трахоматозного института. 1960. Т. 7. С. 6–9.
21. Трахома в горах // Красная Башкирия. 1926. № 255. С. 3
22. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН 1997–1998 гг. М., 2000. Вып. 2. С. 174–176.
23. Фиш М.М. Очерк деятельности Стерлитамакской земской глазной лечебницы и очерк распространения трахомы в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Стерлитамак: Издание Стерлитамакского земства, 1904. 84 с.
24. Халитова С.Х. Анализ мероприятий по ликвидации трахомы в Башкирской АССР // Сборник научных трудов Башкирского научно-исследовательского трахоматозного института. 1963. Т. 8. С. 4–9.
25. Хованский К.И. Трахома в Башкирии // Вопросы трахомы. 1934. Сб. 1. С. 9–13.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akmanov A.I., Galimova YU.SH. Organizatsiya vyezdnoy oftal'mologicheskogo obsluzhivaniya naseleniya Ufimskoj gubernii v nachale XX v. // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2020. Т. 37. № 4 (100). С. 48–56.
2. Belyarminov L.G. Statisticheskie dannye o postoyannoy okulisticheskoy pomoshhi v Rossii. Materialy 8-go Pirogovskogo s'ezda. SPb., 1902. Vyp. 6. 17 s.
3. Bel'skij A.A. Obzor deyatel'nosti Ufimskoj glaznoj lechebnitsy Popechitel'stva o slepykh za 1 god. Kiev, 1903. 10 s.
4. Bikbov M.M. Analiz raboty oftal'mologicheskoy sluzhby v respublike Bashkortostan po itogam 2020 g. Arkhiv Ufimskogo NII glaznykh boleznej. Ufa, 2020. 18 s.
5. Bikbov M.M. Uchenye. Vrachy. Uchitelya. Ufa, 2018. 48 s.
6. Bojko E.H.V., Kirillov YU.A., Rejtuzov V.A. L.G. Belyarminov (k 155-letiyu so dnya rozhdeniya) // Oftal'mologicheskie vedomosti. 2014. Т. VII. № 3. S. 93–101.
7. Bor'ba s trakhomoy. Okhrana zdorov'ya marijtsa // Krasnaya Bashkiriya. 1926. № 14. S. 2.
8. Golovin S.S. O slepote v Rossii. Odessa, 1910. 124 s.
9. Istoriya oftal'mologii v litsakh, sobytiyakh, ocherkakh /cost. YArtseva N.S., Lutsevich E.E.H. M., 2014. 424 s.
10. Klement'eva N.V. Zdravookhranenie YUzhnogo Urala: 1917–1936 gg. Dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2013. 237 s.
11. Knyaz'kina T.A. Deyatel'nost' okulisticheskogo otryada Popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh v Kamchatskoj oblasti v 1912 g. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2018. № 2 (18). S. 80–85.
12. Kudoyarov G.KH. Moya zhizn' – oftal'mologiya. Ufa, 2010. 172 s.
13. Nerov V.V., Zakharova E.K., Kiseleva O.A., Robustova O.V., Bessmertnyj A.M. Proshloe i nastoyashhee mobil'noj oftal'mologicheskoy pomoshhi v Rossii // Rossijskij oftal'mologicheskij zhurnal. 2012. Т. 5. № 3. S. 107–111.
14. Otchet Osobogo otdela po preduprezhdeniyu slepoty za 1899 g. /cost. L.G. Belyarminov, V.N. Dolganov, L.P. Astvatsaturov, M.I. Rejkh. SPb., 1899. 180 s.

15. Otchet Osobogo otdela po preduprezhdeniyu slepoty za 1901 g. / costavlenn pod red. prof. L.G. Bellyarminova privat-dotsentom V.N. Dolganovym. SPb., 1902. 142 s.
16. Rejtuzov V.A., Maulenov R.I. S.V. Ochapovskij: soobshhenie vtoroe – stanovlenie vracha // Nauchnyj vestnik zdavookhraneniya Kubani. 2017. № 4 (52). S. 57–67.
17. Semenchenko I.V. Sovershenstvovanie zemstvami meditsinskogo obsluzhivaniya naseleniya na Urale v 1900–1918 gg. // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2006. №17 (72). Vyp. 7. S. 99–100.
18. Sokolova E.I. Svyataya nauka uslyshat' drug druga. Rostov-na-Donu, 2005. 34 s.
19. Statistika slepykh v Rossii po perepisi 1886 g. Razrabotan redaktorami TSentral'nogo Statisticheskogo komiteta V. Alenitsynym i A. Syrnevym. SPb., 1888. 223 s.
20. Tanatarova M.S. Organizatsiya glaznoj pomoshhi v Bashkirskoj ASSR za 40 let // Sbornik nauchnykh trudov Bashkirskogo nauchno-issledovatel'skogo trakhomatoznogo instituta. 1960. T. 7. S. 6–9.
21. Trakhoma v gorakh // Krasnaya Bashkiriya. 1926. № 255. S. 3
22. Ul'yanova G.N. Blagotvoritel'nost' i obshhestvennoe prizrenie v Rossii XIX – nachala XX veka. Institutsional'noe razvitie v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN 1997–1998 gg. M., 2000. Vyp. 2. S. 174–176.
23. Fish M.M. Ocherk deyatelnosti Sterlitamaskoj zemskoj glaznoj lechebnitsy i ocherk rasprostraneniya trakhomy v Sterlitamaskom uezde Ufimskoj gubernii. Sterlitamak: Izdanie Sterlitamaskogo zemstva, 1904. 84 s.
24. KHalitova S.KH. Analiz meropriyatij po likvidatsii trakhomy v Bashkirskoj ASSR // Sbornik nauchnykh trudov Bashkirskogo nauchno-issledovatel'skogo trakhomatoznogo instituta. 1963. T. 8. S. 4–9.
25. KHovanskij K.I. Trakhoma v Bashkirii //Voprosy trakhomy. 1934. Sb. 1. S. 9–13.

Бикбов М. М., Галимова Ю. Ш. От окулистических "летучих" отрядов до офтальмологических бригад по обследованию населения.

Статья посвящена истории становления и развития окулистических "летучих" отрядов под началом Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, положивших начало оказанию выездной офтальмологической помощи населению страны, в частности на территории Уфимской губернии. В статье представлены причины возникновения "летучих" отрядов в конце XIX в., способы реализации поставленных перед выездными отрядами задач, их достижения и проблемы в деятельности. Авторы показывают преемственность развития оказания выездной офтальмологической помощи на примере работы окулистических "летучих" отрядов в Уфимской губернии, трахомных (трахоматозных) отрядов в Башкирской АССР в 20–60-е гг. XX в. и офтальмологических отрядов, действующих в настоящее время на территории Башкортостана.

Ключевые слова: попечительство о слепых, окулистические "летучие" отряды, трахома, выездная офтальмологическая помощь

Bikbov M. M., Galimova Yu. Sh. From ophthalmological flying squads to eye care teams for the examination of the population.

The article is devoted to the history of the formation and development of ophthalmological flying squads under the command of the guardianship of the Empress Maria Alexandrovna for the blind, which initiated the work of the mobile eye care teams to the population of the country, in particular on the territory of the Ufa province. The article presents the reasons for the emergence of "flying squads" at the end of the XIX century, the ways of implementing the tasks assigned to mobile teams, their achievements and problems in their activities. The authors show the continuity of the development of mobile eye care on the example of the work of ophthalmological flying squads in the Ufa province, trachoma (trachomatous) detachments in the Bashkir ASSR in the 20–60s. of the XX century and ophthalmic units currently operating on the territory of Bashkortostan.

Key words: guardianship about the blind, ophthalmological flying squads, trachoma, mobile eye care

Для цитирования: Бикбов М. М., Галимова Ю. Ш. От окулистических "летучих" отрядов до офтальмологических бригад по обследованию населения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 61–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/61-68

For citation: Bikbov M. M., Galimova Yu. Sh. From ophthalmological flying squads to eye care teams for the examination of the population // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 61–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/61-68

УДК 39(08): 7.048

Подмаскин В. В.

**Краеведческая деятельность
врача Николая Васильевича Кирилова
на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.)**

Для осмысления особенностей и качества научной деятельности Н.В. Кирилова оказались приемлемы положения пассионарной теории Л.Н. Гумилёва. В частности, идея о пассионарности как импульсе к развитию, о стремлении и способности пассионарных личностей к изменению окружения и среды, проведение аналогии со стадиями нарастания и спада пассионарности [1, с. 33, 40, 141]. История освоения Дальнего Востока России связана с выявлением персоналий и их научного наследия в интересующий период. Выявлена значимость этнографических работ и коллекций по айнам, собранных исследователем для музеев. Ведущим для нас стал биографический метод. Поскольку некоторые события требовали осмысления и интерпретации, использовался герменевтический подход к изложению фактов биографии.

В 2021 г. исполняется 161 год со дня рождения врача, краеведа, общественного деятеля Николая Васильевича Кирилова (1860–1921 гг.). Он родился в г. Вышний Волочёк Тверской губернии в семье военного фельдшера. В 1883 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Во время учёбы (1879 г.) принимал активное участие в подготовке Антропологической выставки в Москве. С 1884 г. работал сельским врачом Баргузинского округа, с 1886 г. – окружным врачом в г. Верхнеудинск и Петровском Заводе, с 1890 г. – в с. Бичура, с 1893 г. – сельским окружным врачом в г. Чита, с 1895–1896 гг. – в г. Нерчинск. В 1887 и 1891 гг. совершил 2 длительные экспедиции по Монголии для изучения тибетской медицины и этнографии монголов. В 1890-х гг. открыл наскальные изображения возле с. Бичура и множество плиточных могил в окружностях с. Михор-Шибирь [7; 16, с. 165].

С 1896 г. на Дальнем Востоке заведовал лечебницей Корсаковского округа на Сахалине, в 1899–1901 гг. врач военного госпиталя во Владивостоке, в различных больницах Уссурийского края. В 1896–1898 гг. исследовал острова Сахалин и Хоккайдо. В 1902 г. совершил поездки в Китай и Монголию. В 1903 г. отправился через Англию в Америку, затем на Аляску и Чукотку.

Н.В. Кирилов – инициатор создания и активный член Забайкальского общества врачей. Он выступал за введение регламентации лова рыбы на Байкале. Член Общества изучения Амурского края (1883 г.). Содействовал В.К. Арсеньеву в этнографических исследованиях.

Участвовал в организации и проведении ряда крестьянских съездов и съездов врачей в Москве, Хабаровске, Уссурийске, выставлявших политические требования правительству. Приговорён к заключению на 1,5 года, отбывал его в 1906–1907 гг. С начала Первой мировой войны призван в действительную армию, но в 1915 г. демобилизован по болезни. В 1913 г. выступил с докладом "Тропическая медицина" на Международном конгрессе в Сайгоне.

С 1917 г. в Благовещенске – старший врач водных путей Амурского бассейна. В 1920 г. – делегат съезда трудящихся Амурской области. Погиб в г. Благовещенске в дорожно-транспортном происшествии. В Чите ему установлена мемориальная доска. Именем исследователя названа гора, посёлок и перевал на Сахалине.

© Подмаскин В. В., 2021

ПОДМАСКИН Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: podmaskin@yandex.ru

О Николае Васильевиче Кирилове писали литераторы, историки и врачи [13; 14; 16; 18; 23]. Авторы дали высокую оценку профессиональной деятельности и общественной активности исследователя, подчёркивали трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться, популярно характеризовали научную работу. Как известно, Н.В. Кирилов занимался изучением этнографии бурят, корейцев, японцев, американских индейцев, тунгусов, чукчей и айнов. Библиография на данную тему обширна и познавательна [2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10]. Особый интерес представляют работы по этнографии айнов Южного Сахалина.

В статье "Аино (предварительное сообщение)" Н.В. Кирилов изложил, опираясь на "авторитет классических исследователей", более важные типичные черты особенностей жизни "угасающих инородцев" Японии и Сахалина. Он отметил у них три этнонима: *айны*, *айны*, *айносы*, – сами себя они называли *айно*, что по-русски – человек [2, с. 39].

На основании существующих в то время теорий о происхождении айнов, он утверждал, что переселения айнов произошло в одном направлении с юга на север. По его версии, первоначально из Австралии или Африки до Японии "распространилась раса пигмеев-антропоидов (негроидов или лаида). Вслед за этим малорослым племенем с юга на север продвинулись полинезийские племена, в число которых, вероятно, входили айны". В это время, согласно информации айнов, на островах проживал вымерший народ, который айны называли "коро-пок-гуру" на Эддо (Эдзо) и "тончи" или "нончи" на Сахалине [2, с. 39].

Действительно, в легендах айнов говорится о местных карликах *коро-покгуру* – древнейших обитателях. Они такие маленькие, что десять человек из них с трудом могли поймать только одну селёдку. Айны заимствовали у *коропокгуру* татуировку. В литературе также имеются ещё сведения о древних маленьких обитателях Сахалина *тондзях* (*тончах*) [17, с. 859]. Они жили в ямах, над которыми ставили конической формы постройки из шестов, покрытых сверху корой, травой и засыпанных землёй. Айны вели войну с *тончами* [12, с. 217]. Согласно гипотезам археологов и историков, *тончи* – охотники неолита, пришедшие на Сахалин из Амурского и Приморского районов 3000–4000 лет тому назад. Судьба *тончей* не ясна. Возможно, они были поглощены айнскими, нивхскими и орокскими переселенцами или ушли на север и восток – на Камчатку, Чукотку и Алеутские острова, где и обосновались, став предками алеутов [11, с. 17–18; 22, с. 62–66].

Айны приспособились к особенностям климата, переняли от аборигенов устройство землянок, завели собак ради меха, мяса и езды на нартах; начали торговать, обменивая соболей, жир и шкуры морских животных на китайские и маньчжурские ткани и украшения [2, с. 40].

По сообщению Н. В. Кирилова, "одни относят айнов к монгольской расе, другие – к арийской. Некоторые исследователи, ведущие всё человечество из Вавилона, заявили, что айны – заблудившиеся после столкновения еврей. Иные предполагали, что айны – первые жители острова Сахалина, пришедшие сюда через Японию из Кореи". Филологи считали, что "айнский язык стоит изолированно в группе монгольских и арийских наречий; антропологи находили большое отклонение в строении скелета от монгольского типа; археологи доставили неоспоримые доказательства того, что и на Южном Сахалине, и на Хоккайдо (Юссо) до айнов жило иное малорослое племя, умевшее готовить глиняную посуду; этнографы показывают целый ряд отличительных особенностей айнского типа, сближающих их с полинезийцами, наконец, японские историки привели неопровержимые аргументы того, что айны заселяли некогда Японию и что многие местности не только вблизи Токио, но и на южном острове Лиу-Киу сохраняют до сих пор айнские географические названия" [2, с. 39].

С деятельностью Н.В. Кирилова связана постановка и частичное решение проблемы этногенеза айнов, а также их связей с японцами, маньчжурами и русскими. Накопленные к тому времени и в значительной степени дополненные им сведения по материальной и духовой культуре, социальному устройству, быту и фольклору айнов позволили ему рассматривать вопросы об этнической истории народа. "Айны смешались с гиляками (нивхами), север-

ными народами, японцами и русскими, что нашло отражение в антропологическом типе", – писал исследователь [2, с. 47].

Исследователь отметил, что айны вели длительную войну с японцами, более независимые из них постепенно отгеснялись на север и двинулись на остров Сахалин и Курильские острова. До революции (мейджи) 1868 г. айны оставались почти независимыми, поэтому сохранили традиционную культуру. Железные орудия они получили от японцев 150 лет тому назад, раньше пользовались каменными ножами и топорами. Он заметил, что многие айны "высаживали картофель, беря пример с русских", и призывал обучать айнских детей русской грамоте [2, с. 74, 80].

По данным Н.В. Кирилова, шесть поколений тому назад в местности То-ниочи практиковалось людоедство. Действительно, в фольклоре айнов часто упоминается о людоедстве [19, с. 62].

"Айны в период значительного военного могущества оставались первобытными звероловами (при помощи лука и стрел, обыкновенно отравленных смесью сока – борца (аконита) и отделяемого ядовитого паука – фаланги) и рыбаками (при посредстве лучения острогой)" [2, с. 42]. У них создавалась письменность иероглифического характера, имелось много мифов, складывался культ шаманства, воды, огня и медведя. Айны имели рабов, но у них "не образовалось ни военной, ни жреческой касты". Сложился строй патриархального характера. Власть старшего в роде всегда была ограничена советами стариков "чачей". Они признавали обычай кровной мести за родственника. Айны сохраняли "сравнительную свободу половых отношений и примитивность семьи". Исследователь обнаружил у них обычай лавирата, четыре случая двоежёнства и следы полиандрии [2, с. 51, 72, 77].

По сообщению Н.В. Кирилова, айны наносили на тело татуировку, приобретённую в тёплых странах. Татуировку рассматривали как знак готовности к замужеству [2, с. 42, 51]. Повсюду раньше айнские девушки татуировали верхнюю губу и руки. Широкая полоса татуировки на верхней губе напоминала усы. Руки были до локтя украшены искусно переплетёнными линиями. Девочек подвергали этому болезненному процессу с 5–6-ти летнего возраста. Татуировка имела не только магическое назначение, но и наносилась на болезненные части тела [15, с. 73]. Обычай татуировки широко были распространены у эскимосов, чукчей, эвенков, удэгейцев и других народов Сибири. Значительный материал В.Н. Кирилов собрал по татуировке чукчей [13, с. 39–42].

Исследователь обратил внимание на демографические процессы. Он отметил, что по японским источникам в 1822 г. на Сахалине проживало 2570 айнов, в 1884–1887 гг. – 1183 чел. Сокращение численности связано с инфекционными болезнями. Например, только в 1887 г. на восточном берегу от оспы умерли 114 чел. Оставалась высокой детская смертность. В 1896 г. на Сахалине он зафиксировал 54 айнских поселений с 1312 жителями и отметил их названия: Отосу (Уссуру), Райциска, Устомонай, Усу, Тарайку, Найоро, Котангис, Тумарекис, Унун и др. [2, с. 46, 48].

Характерно, что, посещая отдельные стойбища айнов, Н.В. Кирилов сумел собрать этнографические сведения самого разнообразного характера, хотя и не имел специальной подготовки. Несомненную ценность представляют описания жилища, одежды, пищи, утвари. Благодаря многовековому опыту айнами были выработаны приёмы и навыки в изготовлении орудий труда и промыслов, средств передвижения, предметов домашнего обихода. Женщины прекрасно знали качества и свойства различных кож, нитей, шкур, употребляемых при пошиве одежды и обуви, способы их выделки [2, с. 55–58].

Занимаясь рыболовством и охотой, айны хорошо изучили животных, птиц, рыб острова и окружающих морей, их повадки, время перелёта, места наибольшего обитания, календарь хода рыб и т.п.

В недрах хозяйства айнов, как и у всех народов Нижнего Амура и Сахалина, получило развитие упряжное собаководство, подробно описанное Н.В. Кириловым [2, с. 32–35]. Оно было сходно у нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев и айнов. Только народам территории бассейна Амура и острова Сахалина была известна шейная упряжь и поперечная упряжка, употребляемая при использовании собак для тяги лодок бечевой.

Айны употребляли различные растения, их плоды и корни не только в пищу, но и в качестве лекарственных средств. "Более 130 названий ле-

карственных растений применяли айны в народной медицине", – писал исследователь [2, с. 74]. Согласно обычаю, здоровье ребёнка закалялось со дня рождения. Ежедневно на его голову выливали ведро холодной воды, а зимой – с остатками льда. Большую часть года айны ходили босиком и без головного убора.

Коллекции, собранные Н.В. Кириловым, находятся в Приморском, Благовещенском и Сахалинском краеведческих музеях. В 1912 г. он доставил в Музей антропологии и этнографии Академии наук (Санкт-Петербург) коллекцию предметов культа удэгейцев побережья Татарского пролива, в том числе деревянный шаманский столб *ту* высотой 8,5 м с горельефными фигурками леопардов (Арх. МАЭ, № 1925)¹. В 1924 г. В.К. Арсеньев передал в фонд Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова коллекции, собранные Н.В. Кириловым: 300 рисунков буддийских божков с пояснениями к ним; 14 японских лубочных картин в красках, изображающих культурных героев Китая и Монголии; 12 корейских картин с изображением различных животных; фотографии Кунк Шекса (племянника Великого вождя о-ва Врангеля) (Фонд Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова. Квитанции по приёму пожертвований. 1924 г.).

Н.В. Кирилов собрал уникальную коллекцию ритуальных предметов айнов, которая хранится в Сахалинском областном краеведческом музее. Среди них ценность представляют поделки из дерева – *икунись*, употреблявшиеся айнами для поддержания длинных усов во время питья густоватой, как сметана, рисовой водки в честь общения с добрыми духами. При изготовлении *икунись*, айны оставляли на них "рисунки в виде рыб, птиц, черепах, гор и волн", – писал исследователь [2, с. 62]. А.Б. Спевиковский, ссылаясь на Н.Г. Манро, отметил ещё ряд значений знаков, которые вырезались на *икунись*. Они назывались *камуй итокпа* (мужские знаки предков), символизировали солнце (*тлюп камуй*), гром (*канна камуй*), растения (*сирамба камуй*), хозяина оленей (*юккаттэ камуй*), которого просили увеличить животных. Изображалась также хозяйка рыб (*тэпаттэ камуй*) для загона косяков в реки. Священным знаком отмечались: божество воды (*вакка тусь камуй*); прародитель айнов (*азоини камуй*); хозяин огня (*абэрара сют камуй*), живущий под очагом; властелин неба (*мосири кара камуй*) и др. [21 с. 115]. Часто эти ритуальные предметы украшались растительным орнаментом, служили символом рода и передавались по наследству.

Большое значение приобрели у айнов личные знаки *сирось*. Они ставились на нижних сторонах *икунись*, напоминая богам о тех, кто читал им молитвы и приносил жертву в виде капель алкогольного напитка. При большом количестве молитвенных лопаточек хозяин выделял только одну. Обычно он брал её с собой на охоту, отчасти для "защиты" от злых духов, отчасти для того, чтобы можно было опознать человека в случае его смерти в пути [20, с. 32].

Н.В. Кирилов внёс огромный вклад в изучение народной медицины и культуры питания коренных жителей Севера. Занимался исследованием краевой патологии и лекарственных растений. По мнению врачей М.М. Добротворского и Н.В. Кирилова, научная медицина должна внимательно изучать накопленный целителями эмпирический опыт и научиться применять его рационально на практике [17, с. 90]. История медицины XX в. подтвердила правильность этого предположения.

Важно отметить ту ведущую роль в хозяйственном освоении о-ва Сахалина, которую Н.В. Кирилов отводил славянским переселенцам. Они вступили в тесные экономические, культурные и бытовые контакты с местными народами, а также с японцами. Эти моменты нашли освещение в его статье "О маршрутах по Корсаковскому округу" [8, с. 119–149]. Н.В. Кирилов сообщает много интересных данных, касающихся быта русских, как они путешествовали по нелёгким путям с семьями и скарбом. Конкретные сведения, собранные им, позволяют составить представления об образовании новых сёл, рассмотреть хозяйственную жизнь крестьян-переселенцев, формирования на Сахалине устойчивых очагов земледелия, промыслов и торговли.

Статья выполнялась по заказу администрации острова как справочное пособие и имела чёткое и весьма узкое целевое направление в связи с но-

¹ Арх. МАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

вым административно-территориальным образованием на Сахалине, чтобы снабдить администрацию и общественность сведениями о народах, средствах передвижения и естественных маршрутах в пределах Южного Сахалина, без чего нельзя было удовлетворительно решать вопросы фиска, управления островом и т. д.

В данной работе он описал быт и культуру сахалинских айнов, а также дал оценку их искусству кораблевождения: "Айны управляют лодкой идеально, никогда не дадут захлестнуть волне, всегда лодку успеют на гребень вала повернуть в разрез, хотя бы путь лежал параллельно волне", – писал исследователь [8, с. 137]. На севере айны контактировали с ороками (ороками) по реке Поронай, с гиляками (смеренкур) – по западному морскому побережью. Связи осуществлялись главным образом при помощи небольших парусных судов, не требующих специальных пристаней [8, с. 120].

Н.В. Кириловым отмечены известные аборигенам с древности сухопутные и морские пути. До прихода русских (1805 г.) на острове не было искусственных дорог и специальных причалов для судов. Чаще всего айны передвигались на лодках по морскому побережью, озёрам и рекам; реже они ходили пешком, зимой использовали лыжи и нарты, запряжённые собаками. Участки путей от Косуная на Мануэ, из Мауки на Лютогу, из Найбучей на устье Суун (Соловьёвку), из Косунь-Котан (Корсаковский пост) на Тунайчи, из Тунайчей в Чиинсан (Муравьёвск) айны расчищали для проезда на собаках. По этим маршрутам ездили материковые купцы – *сантаны* [8, с. 120].

Таким образом, в краеведческих работах врача Николая Кирилова сочетаются географические, исторические, демографические, медицинские, топонимические, антропологические и этнографические сведения, а также материалы о местных языках. Перед нами предстаёт не только врач с высоким гражданским долгом, но учёный с необыкновенной широтой научного кругозора. Исследователь плодотворно занимался сбором материалов по этнографии айнов, вероятно, для создания обобщающего труда. Сведения учёного до сих пор остаются основой при изучении самобытной традиционной культуры айнов. Особую значимость приобретают музейные коллекции по истории и культуре коренных народов, собранные исследователем в полевых условиях. Он обратил внимание на особенности народной медицины и культуры питания, интересовался назначением татуировки у айнов и чукчей и даже описал танцы индейцев Америки. Этнографические сведения, собранные Н.В. Кириловым, вызывают интерес современных учёных тем, что он показал себя скрупулёзным исследователем, владеющим методикой полевых работ, внёс определённый вклад в развитие историко-этнографической науки.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
2. Кирилов Н.В. Айно (предварительное сообщение). Сахалинский календарь. 1898. Отд. 2. С. 38–80.
3. Кирилов Н.В. Аляска и её отношение к Чукотскому полуострову // Известия Русского Географического общества. 1912. Т. 48. Вып. 1. С. 295–341.
4. Кирилов Н.В. Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // Этнографическое обозрение. 1893. № 4. С. 85–119.
5. Кирилов Н.В. Корейцы: Медико-антропологический очерк // Записки Приамурского отделения Императорского русского географического общества. 1913. Т. 9. Вып. 1. С. 1–117.
6. Кирилов Н.В. Морские промыслы Южного Сахалина Доложено 2-го ноября 1899 г. в ОИАК. Владивосток, 1899. 30 с.
7. Кирилов Н.В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхне-удинском округе // Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического общества. 1897. Т. 28. № 2. 8 с.
8. Кирилов Н.В. О маршрутах по Корсаковскому округу. Сахалинский календарь. 1899. Отд. 2. С. 119–149.
9. Кирилов Н.В. Собаководство в низовьях Амура и на Татарском побережье // Приморский хозяин. Владивосток, 1917. № 1-2. С. 32–35.
10. Кирилов Н.В. Танец солнца у северо-американских инородцев // Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического общества. 1908. Т. 36 (за 1905 г.). С. 87–92.

11. Козырева Р.Н. Древний Сахалин. Л.: Наука, 1967. 156 с.
12. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
13. Лещинский Б.Д. "Мой труд здесь нужен...". Н.В. Кирилов на Дальнем Востоке. Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2000. 60 с.
14. Лещинский Б.Д. Н.В. Кирилов как врач и общественный деятель // История культуры Дальнего Востока СССР (XVII – XX вв.). Дookтябрьский период. Владивосток: Дальнаука, 1989. С.138–147.
15. Лим С.Ч. История сопротивления айнского народа и государственная политика Японии (XV– начало XX века). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2013. 294 с.
16. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
17. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
18. Петряев Е.Д. Н.В. Кирилов – исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита: Кн. изд-во, 1960. 70 с.
19. Пилсудский Б. Фольклор сахалинских айнов / редактор-составитель В. Латышев. Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, Инст. наследия Бронислава Пилсудского, 2002. 63 с.
20. Прокофьев М.М. Орнамент на предметах декоративно-прикладного искусства айнов Сахалина (по материалам Сахалинского областного краеведческого музея) // Проблемы изучения и собирания предметов народного искусства в музеях Дальнего Востока (IV зональная научно-практическая конференция): тез. докл. 21–23 апреля, 1988 г. Хабаровск, 1988. С. 31–33.
21. Спееваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М.: Наука, 1988. 205 с.
22. Стефан Д. Сахалин. История / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 1. С. 46–88.
23. Тарасенко Д.Б. М.М. Добротворский и Н.В. Кирилов как исследователи народной медицины // Тихоокеанский медицинский научный журнал. 2010. № 4. С. 87–90.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gumilyov L.N. Geografiya ehtnosa v istoricheskij period. L.: Nauka, 1990. 279 s.
2. Kirilov N.V. Ajno (predvaritel'noe soobshhenie). Sakhalinskij kalendar'. 1898. Otd. 2. S. 38–80.
3. Kirilov N.V. Alyaska i eyo otnoshenie k CHukotskomu poluostrovu // Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshhestva. 1912. T. 48. Vyp. 1. S. 295–341.
4. Kirilov N.V. Interes izucheniya narodnoj i tibetskoj meditsiny v Zabajkal'e // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1893. № 4. S. 85–119.
5. Kirilov N.V. Korejtsy: Mediko-antropologicheskij ocherk // Zapiski Priamurskogo otdeleniya Imperatorskogo russkeogo geograficheskogo obshhestva. 1913. T. 9. Vyp. 1. S. 1–117.
6. Kirilov N.V. Morskie promysly YUzhnogo Sakhalina Dolozheno 2-go noyabrya 1899 g. v OIAK. Vladivostok, 1899. 30 s.
7. Kirilov N.V. Neskol'ko ukazaniy na arkheologicheskie ostatki v Verkhne-udinskoy okruge // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshhestva. 1897. T. 28. № 2. 8 s.
8. Kirilov N.V. O marshrutakh po Korsakovskomu okrugy. Sakhalinskij kalendar'. 1899. Otd. 2. S. 119–149.
9. Kirilov N.V. Sobakovodstvo v nizov'yakh Amura i na Tatarskom poberezh'e // Primorskij khozyain. Vladivostok, 1917. № 1-2. S. 32–35.
10. Kirilov N.V. Tanets solntsa u severo-amerikanskikh inorodtsev // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshhestva. 1908. T. 36 (za 1905 g.). S. 87–92.
11. Kozyreva R.N. Drevnij Sakhalin. L.: Nauka, 1967. 156 s.
12. Kyuner N.V. Kitajskie izvestiya o narodakh yuzhnoj Sibiri, TSentral'noj Azii i Dal'nego Vostoka. M., 1961. 392 s.
13. Leshhinskij B.D. "Moj trud zdes' nuzhen...". N.V. Kirilov na Dal'nem Vostoke. Vladivostok: Obshhestvo izucheniya Amurskogo kraya, 2000. 60 s.
14. Leshhinskij B.D. N.V. Kirilov kak vrach i obshhestvennyj deyatel' // Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka SSSR (XVII –KHKH vv.). Dooktyabr'skij period. Vladivostok: Dal'nauka, 1989. S.138–147.
15. Lim S.CH. Istoriya soprotivleniya ajnskogo naroda i gosudarstvennaya politika Yaponii (XV– nachalo XX veka). Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 2013. 294 s.
16. Malaya ehntsiklopediya Zabajkal'ya: Arkheologiya / gl. red. R.F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2011. 368 s.

17. Narody Sibiri. Etnograficheskie ocherki / pod red. M.G. Levina, L.P. Potapova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 1084 s.
18. Petryaev E.D. N.V. Kirilov – issledovatel' Zabajkal'ya i Dal'nego Vostoka. CHita: Kn. izd-vo, 1960. 70 s.
19. Pilsudskij B. Fol'klor sakhalinskikh ajnov / redaktor-sostavitel' V. Latyshev. YUzhno-Sakhalinsk: Sakh. kn. izd-vo, Inst. naslediya Bronislava Pilsudskogo, 2002. 63 s.
20. Prokof'ev M.M. Ornament na predmetakh dekorativno-prikladnogo iskusstva ajnov Sakhalina (po materialam Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya) // Problemy izucheniya i sobiraniya predmetov narodnogo iskusstva v muzeyakh Dal'nego Vostoka (IV zonal'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya): tez. dokl. 21–23 aprelya, 1988 g. Khabarovsk, 1988. S. 31–33.
21. Spevakovskij A.B. Dukhi, oborotni, demony i bozhestva ajnov (religioznye vozzreniya v traditsionnom ajnskom obshhestve). M.: Nauka, 1988. 205 s.
22. Stefan D. Sakhalin. Istoriya / per. s angl. V.V. Pereslavitseva // Kraevedcheskij byulleten'. YUzhno-Sakhalinsk, 1992. № 1. S. 46–88.
23. Tarasenko D.B. M.M. Dobrotvorskij i N.V. Kirilov kak issledovateli narodnoj meditsiny // Tikhookeanskij meditsinskij nauchnyj zhurnal. 2010. № 4. S. 87– 90.

Подмаскин В. В. Краеведческая деятельность врача Николая Васильевича Кирилова на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.).

Научное оживление на достаточно большой территории Дальнего Востока России в середине XIX – начале XX в., высокая потребность в использовании его природных богатств привлекли внимание многих российских исследователей для изучения отдельных местностей Ойкумены с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей. В этой связи представлена личность врача Н.В. Кирилова известного исследователя Восточной Сибири и Дальнего Востока. Исследователь опубликовал более 90 статей по различным вопросам медицины и краеведения, собрал для музеев научные коллекции. Большое внимание он уделил изучению жизни, быта, истории сахалинских айнов. Писатели, врачи, историки, характеризуя личность Кирилова, дали высокую оценку его инициативного, самоотверженного труда, но мало обращали внимания на изучение краеведческого направления врача Н.В. Кирилова. Его вклад в изучение этнографии и антропологии аборигенных народов региона не стал предметом специального исследования. Цель статьи – попытка подробнее осветить некоторые стороны этого вопроса.

Ключевые слова: *биография, краеведение, айны, этнография и антропология, коллекции, Южный Сахалин*

Podmaskin V. V. Local history activities of the doctor Nikolai Vasilievich Kirilov in the Far East of Russia (late 19th – early 20th centuries).

Scientific revival in a fairly large territory of the Russian Far East in the middle of the 19th – early 20th centuries, the high need for the use of its natural resources attracted the attention of many Russian researchers to study individual areas of the Oykumena from the point of view of their geographical, cultural, historical, economic, ethnographic characteristics. In this regard, the personality of the doctor N.V. Kirilov, a famous explorer of Eastern Siberia and the Far East. The researcher has published more than 90 articles on various issues of medicine and local history, collected scientific collections for museums. He paid much attention to the study of life, everyday life, history of the Sakhalin Ainu. Writers, doctors, historians, characterizing Kirilov's personality, gave a high assessment of his initiative, selfless work, but paid little attention to the study of the local history direction of the doctor N.V. Kirilov. His contribution to the study of ethnography and anthropology of the indigenous peoples of the region has not become the subject of special research. The purpose of the article is an attempt to shed more light on some aspects of this issue.

Key words: *biography, local history, Ainu, ethnography and anthropology, collections, South Sakhalin*

Для цитирования: Подмаскин В. В. Краеведческая деятельность врача Николая Васильевича Кирилова на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 69–75. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/69-75

For citation: Podmaskin V. V. Local history activities of the doctor Nikolai Vasilievich Kirilov in the Far East of Russia (late 19th – early 20th centuries) // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 69–75. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/69-75

УДК 94(571.6)

Попов Ф. А.

Вторая сессия Несоциалистического Съезда во Владивостоке (11–25 июня 1921 г.): основные проблемы Приморья после антибольшевистского переворота и дискуссии вокруг них

Приморье перед новой сессией Несоциалистического Съезда

В результате переворота 26 мая 1921 г. Приморское Областное Управление ДВР (правительство коммуниста В.Г. Антонова) было отстранено от власти в пользу Временного Приамурского правительства (ВПП), образованного на основе Совета Несоциалистического Съезда. Указом от 30 мая 1921 г. ВПП, вопреки данной главой правительства С.Д. Меркуловым обещаниям, распустило Приморское Областное Народное Собрание (ПОНС) – парламент, созданный при земском правительстве эсера А.С. Медведева с претензиями на представительство всего Дальнего Востока (первоначальное название: Временное Народное Собрание Дальнего Востока) и продолживший функционировать после признания верховенства Дальневосточной республики (ДВР) в статусе областного представительного органа [10]. Правительство, чьей идеологией являлась дальневосточная вариация русского национализма – "несоциализм", не мог позволить параллельное существование парламента с левым большинством.

Первые дни после переворота единственным носителем власти являлось ВПП, от его имени издавались нормативно-правовые акты, закладывавшие основы белой приамурской (приморской) государственности. Неудачная попытка депутатов ПОНС выступить альтернативным "центром притяжения" провалилась из-за малочисленности собранного ими "частного совещания" и неавторитетности его членов. Тем не менее меркуловский режим нуждался в опоре на народное представительство для легитимизации своей власти. С этой целью правительство объявило о подготовке к выборам в Приамурское Народное Собрание (ПНС) и указом № 13 от 14 июня утвердило положение о выборах в него [1, с. 2–3; 31, с. 1–5]. В период же до созыва ПНС роль легитимирующего представительного органа для ВПП должен был сыграть Несоциалистический Съезд.

Первая сессия Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока (он же – Несоциалистический Съезд, или Несоцсъезд) прошла 20–31 марта 1921 г [22, с. 98–105]. На ней была сформулирована идеологическая программа русских националистов враждебных ДВР, а сам Несоцсъезд стал главным центром сопротивления советизации Приморья, аккумулировав вокруг себя все правые силы региона (либерально-демократические "срединные силы", не принявшие "реакционную" программу Несоцсъезда), образовали в начале мая 1921 г. Демократический Союз [13, с. 326–328]. Блоковая структура Несоцсъезда подразумевала работу многих организаций в рамках одной общей для всех платформы. Делегирование политическими, профессиональными, земляческими и прочими объединениями представителей на Несоцсъезд служило альтернативой выборам по "четырёххвостке". Такой подход к комплектованию представительного органа позволял обеспечить представительство малочисленных, но влиятельных "цензовых" групп населения (торгово-промышленников, домовладельцев и т.д.) и одновременно помешать социалистам использовать популистские лозунги среди наиболее крупных социальных страт (рабочие, крестьянство) для формирования "левого большинства". Опыт Несоцсъезда будет использован приморскими правыми при

© Попов Ф. А., 2021

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, аспирант кафедры Новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва). E-mail: popovf1992@mail.ru

проектировании Дальневосточного Учредительного Съезда и созыве Приамурского Земского Собора. По верной оценке В. Ж. Цветкова, Несоцсъезд можно считать "своеобразным преддверием, "фундаментом" будущего монархического форума" [37, с. 412].

Созыв Съезда: поставленные задачи и делегирование представителей

Бюро Несоциалистического Съезда наметило открытие второй (чрезвычайной) сессии на 10 июня, избрав местом проведения заседаний здание владивостокского Общедоступного театра (общежитие для участников было устроено в здании бюро Несоцсъезда на Светланской, 42) [18, с. 4]. Однако для того, чтобы к открытию успели делегаты из других населённых пунктов, оно было перенесено на 11 июня [26, с. 2].

Задачи, поставленные перед второй сессией Несоцсъезда, вытекали из его статуса источника власти. "Выделив" из себя революционное правительство, Несоцсъезд должен был, на правах надпартийной блоковой структуры, публично подтвердить полномочия ВПП. При этом Несоцсъезд не упразднялся после своей фактической победы; взамен членов Совета Съезда, вошедших в правительство, должны были быть избраны новые. По мнению правой газеты "Слово", "Съезд своим авторитетом должен оказать поддержку Правительству, влить в действия Правительства твердую уверенность, что за Правительством – все население Края" [28, с. 1]. Для понимания сущности "национал-демократической" модели, выразившейся в Несоцсъезде, важно пояснение С. Д. Меркулова о смысле понятия "воля народа": "Воля народа как самостоятельного понятия не существует, есть только воля людей, составляющих народ" [36, с. 2]. Исходя из этих слов главы ВПП можно заключить, что повышенное внимание уделялось репрезентативности Несоцсъезда.

Работа второй сессии продемонстрировала достаточно широкую социальную базу Несоцсъезда. По сравнению с первой сессией несоциалисты не только не растеряли сторонников, но и увеличили их количество. Политинспекция Народно-революционной армии ДВР сообщала о Съезде 20–31 марта 1921 г. следующее: "Состав зрителей разнообразен. Очень мало /около 10/ женщин, много офицеров, крестьян, а всего больше тех, кого раньше называли мешанями – жителей окраин, приказчиков и т.п. В общем, как говорится публика серая. Делегаты... разнообразны по специальному составу своему. Очень много интеллигенции, средней и мелкой буржуазии и опять жителей окраин, мелких домовладельцев, крестьяне, служилый элемент" (Ф. 372. Оп. 1. Д. 42. Л. 140)¹. Сессия 11–25 июня 1921 г., по оценке "Слова", также представляла сравнительно широкие слои населения: "Вы увидите в нем и бедняка засельщика городской земли, и инвалида великой войны, и домовладельца, кушца, казака-хлебороба, прихожанина, крестьянина, представителя свободной профессии и даже представителя местных корейских обществ" [33, с. 1]. Таким образом, на второй сессии Несоцсъезда (как и на первой) преобладали социальные группы, которые можно условно объединить в категорию "мелкой буржуазии". Наряду с ней участие в заседаниях принимали представители крестьянства, настроенные, впрочем, оппозиционно к ВПП. Минимально были представлены приморские рабочие (шахтёры Сучанских угольных копей, рабочие владивостокского порта и т.д. проигнорировали Несоцсъезд). Один из главных идеологов несоциализма, с 8 по 15 июня председатель Совета управляющих ведомствами (СУВ) В.Ф. Иванов, так оценивал текущее состояние и перспективы "рабочего класса": "Необходимо сказать, что наш рабочий – он не европейский. Он буйная мастеровщина, ничего не признающая, даже своей выгоды. Рабочий класс добровольно надел на себя неслыханное ярмо советской кабалы. И у нас есть другие рабочие – более сознательные, уже понявшие, что дает Советская Россия – это Ижевцы, Воткинцы, железнодорожники и ряд других" [36, с. 2]. Как видно, Иванов противопоставлял "несознательных", поддавшихся на большевистскую пропаганду рабочих – рабочим "сознательным", в основном участникам Ижевско-Воткинского восстания и служащим Уссурийской железной дороги.

¹ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Уклонились от участия во второй сессии, сославшись на "отпуск", и некоторые видные торгово-промышленники, участвовавшие в "мартовском" Несоцсъезде: Э.И. Синкевич, Н.И. Куркутов, В.Я. Исакович и К.В. Новинский (торгово-промышленные организации были представлены другими делегатами) [6, с. 2]. По-разному отнеслись к Несоцсъезду владивостокский и харбинский отделы партии Народной Свободы (кадеты): если "харбинцы" приняли решение отправить на Съезд делегатов, то "владивостокцы" воздержались от участия в нём. Это объяснялось популярностью среди харбинских кадетов идеи вооружённой борьбы с большевиками и "пацифистскими" настроениями среди их владивостокских однопартийцев [23, с. 2].

На 19 июня мандатная комиссия зарегистрировала 329 делегатов, которых в реальности приехало больше, т. к. ряд мандатов не был утверждён комиссией [39, с. 2]. Князь А.А. Крапоткин насчитал 96 организаций, представленных на июньской сессии, что почти вдвое больше, чем на мартовской [36, с. 2]. Всплеск общественно-политической жизни Владивостока, вызванный переворотом 26 мая и открытием Несоцсъезда, привёл к трансформации образа столицы Приморья в глазах политических обозревателей. Один из авторов "Слова" писал, что в период диктатуры А.В. Колчака Владивосток был "городом спекулянтов", однако "за последний месяц, в особенности с приездом Харбинцев, Владивосток превратился в политический центр" [11, с. 1]. Уход "владивостокских" членов Совета Съезда в правительство привёл к преобладанию "харбинских" несоциалистов, что порождало недопонимание коренных жителей Приморья. "Получилось нелепое положение: в совете Съезда числится 4 Харбинца, 1 Хабаровец и ни одного Владивостокца. Быть может в этом-то и кроется причина всех упреков, бросаемых Съезду" [40, с. 1] – писал в "Слове" автор под псевдонимом "Член Съезда". Вопросы вызвало решение Совета Съезда пригласить на вторую сессию организации, не участвовавшие в первой сессии, чем нарушался наказ, выработанный на "мартовском" Несоцсъезде. Кроме того, председатель политической секции В.Ф. Иванов допустил к работе секции ранее исключённых делегатов, членов Демократического Союза [40, с. 1].

Вопрос о представительности съезда решался непосредственно на его втором открытом пленарном заседании 19 июня. Условия допуска на Несоцсъезд разрабатывались специальной мандатной комиссией, которая занималась рассмотрением ходатайств от организаций, не принимавших участия в работе первой сессии (участвовавшие в ней допускались автоматически). Комиссия сформулировала четыре критерия, которым должны соответствовать новые организации, делегирующие на Несоцсъезд своих представителей: 1) срок возникновения не позже 20 марта 1921 г., т. е. не позже первой сессии Несоцсъезда; 2) наличие информации о количестве членов и "удельно-общественном весе" организации; 3) согласие с постановлением первой сессии; 4) недопуск военных организаций согласно правилу "армия вне политики" [3, с. 2].

В итоге комиссия допустила следующие делегации: 2 делегата – от Прогрессивно-демократической группы (А.В. Овсянкин, М.Р. Шапошников), 2 – от харбинского Русского национально-экономического союза (С.П. Абрамов, А.М. Присадский, В.Г. Шишканов), 2 – от харбинской организации сибирских областников (Ф.Э. Бутенко, М.П. Головачев), 5 – от комитета хабаровского отдела Партии Народной Свободы, 2 – от Общества воссоздания России (В.М. Люмакин, В.М. Толмачев), 2 – от Общества "Народная Воля" (В.М. Чернов, Е.А. Жданов), 5 – от совета Иверского братства, 3 – от профессионалов Амурского судоходства, 5 – от владивостокской Городской думы, 3 – от Иманского городского самоуправления, 2 – от поселковой Спасской управы, 2 – от Общества благоустройство дачной местности Седанка, 5 – от николюск-уссурийской Городской думы, 5 – от районного комитета Деженевской слободки, 5 – от первого и второго центральных комитетов домовладельцев, 3 – от районного комитета Владивостока № 7, 5 – от Союза приходов Владивостока, 1 – от военного духовенства 2-го корпуса Дальневосточной армии, 1 – от приходского совета четвёртого благочиннического участка, 1 – от шестого благочиннического округа Владивостока, 3 – от корейского общества Владивостока, 1 – от корейского национального общества Никольска-Уссурийского, 4 – от Союза георгиевских кавалеров, 5 – от районного союза до-

мовладельцев, 1 – от войскового правления Уссурийского казачьего войска, 2 – от спасского отделения Русского обновлённого общества, 1 – от беженцев Амурского казачьего войска, 1 – от мусульманских беженцев, 1 – от комитета уральских беженцев, 1 – от Общества русских труженников печатного дела, 1 – от трудовой сельскохозяйственной артели "Якорь", 1 – от паровозной бригады депо Никольска-Уссурийского. Некоторым организациям и уполномоченным делегатам было отказано в допуске: Всероссийскому Крестьянскому Союзу по причине несогласия этой проэсеровской группы с постановлениями первой сессии Несоцсъезда; исполкому Амурской крестьянской партии – из-за непредоставления сведений о себе, главному правлению Российского общества ревнителей военных знаний, начальнику штаба Амурской флотилии, второреченскому (военному) отделу Русского обновлённого общества – как военным организациям; представителю Амурского казачьего войска при походе атамане – в силу недостаточных полномочий; "земляческим" группам ижевцев, воткинцев, уральцев и волжан – из-за участия в съезде других групп с аналогичными названиями; на отказ Дальневосточной краевой думе Союза увечных воинов и Военно-национальному управлению башкир повлияло участие их представителей в работе съезда от лица других организаций. Не обошлось без протестов: башкир Г.Г. Таганов, числящийся среди представителей от казаков, инициировал голосование за допуск его на съезд ещё и в качестве делегата от башкирского Военно-национального управления. Съезд большинством голосов одобрил наделение Таганова "двойным представительством" [3, с. 2].

Неумелое руководство съездом со стороны его председателей П.К. Артемьева и В.Ф. Иванова, вражда конкурирующих групп привели к тому, что Несоцсъезд начал редеть: его покинули семь амурских представителей, делегат Русского обновлённого общества Мякинин, фракция крестьян, воздержались от участия в выборах Совета Съезда представители кадетской партии. За обращение к консульскому корпусу Владивостока была лишена полномочий группа "семёновцев" из 62 делегатов [9, с. 2].

Перед открытием второй сессии предполагалось, что на повестку Несоцсъезда будут вынесены вопросы, по которым у собравшихся могут возникнуть минимальные разногласия. Правый публицист В. Корнеев перечислил их в "Слове": "1) Отношение к текущему моменту. 2) Перевыборы Совета Съезда, так как фактически съезд остался без руководителей. 3) Составление избирательного списка в Народное Собрание и в Учредительный Съезд" [15, с. 2]. Однако политическая реальность не позволила Несоцсъезду ограничиться этими сугубо техническими вопросами. Прибытие 4 июня во Владивосток на пароходе "Киодо-Мару" атамана Г.М. Семёнова создало угрозу гражданской войны уже внутри антибольшевистского Приморья [37, с. 384]. В момент окончания второй сессии, 24 и 26 июня, состоялись конференции пробольшевистски настроенных рабочих в Никольске-Уссурийском и Владивостоке. Один из лидеров "срединных сил", член Демократического Союза М.Н. Павловский сравнивал в либерально-оппозиционной газете "Вечер" мероприятия несоциалистов и социалистов: "Оба лагеря представлены были достаточно полно: на несоциалистическом съезде после всяких отлучений и выходов оставалось все еще свыше 120 делегатов, на одном профессиональном съезде во Владивостоке собралось 235 делегатов" [24, с. 2].

Наиболее резонансные дискуссии вспыхнули вокруг проблемы названия (т. е. репрезентации) съезда, диалога с крестьянством и отношения к атаману Семёнову.

Дискуссия вокруг переименования Съезда из "несоциалистического" в "антикоммунистический"

Вопрос об отказе от прилагательного "несоциалистический" в названии съезда был рассмотрен членом Демократического Союза Л.А. Кролем, посвятившем данной проблеме отдельную статью в газете "Дальневосточная жизнь". "Возможность вступления в Съезд социалистам-антибольшевикам не должна быть отрезаема" [17, с. 1], – считал кадетский политик. "Срединные силы" были напрямую заинтересованы в сдвиге идеологической платформы Несоцсъезда с крайне правых позиций в сторону более умеренных и компромиссных.

На заседании 22 июня группой депутатов в составе М.П. Головачёва, Горчакова, Свирелина и Лободовского было предложено переименовать съезд из несоциалистического в антикоммунистический. Речь по этому поводу произнёс Горчаков, его аргументация сводилась к тому, что "в борьбе с большевизмом нецелесообразно самим увеличивать число врагов" [4, с. 2]. Делегат хоть и "не намерен особенно считаться с социалистами", предлагает учесть тот факт, что "в широких массах и в особенности в крестьянстве еще не изжиты симпатии к социалистическим течениям" [4, с. 2]. Свою речь Горчаков снабдил отсылкой к опыту антибольшевистского сопротивления на Юге России, напомнив, как бывший глава правительства белого Крыма А.В. Кривошеин сожалел, что социалисты не были привлечены в "правительство Деникина" [4, с. 2]. На слова оратора о том, что на съезде демократичность "не в большом почёте" из зала раздались крики "правильно!", которые были саркастически прокомментированы Горчаковым (в передаче корреспондента "Вечера"): "Если вы говорите "правильно", – пародирует оратор – то вы смеетесь над собой. Ведь ваше правительство – национал-демократическое. Или уже это не так?" [4, с. 2]. Горчаков, призывая к смягчению позиции съезда по отношению к социалистам-антибольшевикам, предрекал неизбежное восстановление монархии, но только в том случае, если она будет опираться на демократию.

Ещё до того, как поднять вопрос о переименовании, областник М.П. Головачёв подверг критике тезис резолюции В.Ф. Иванова (оглашена на этом же заседании) об "однородности и внепартийности" съезда, а за ним и власти. На его взгляд, недопустимо подменять "однородностью" добровольное единение многих антибольшевистских групп. Головачёв затронул тему репрезентации в более общих чертах и задался вопросом "как съезд мыслит себя". По мнению Головачёва, "Съезд не парламент, он – частное учреждение, и едва ли кто решится утверждать, что съезд является выразителем воли народа" [4, с. 2]. Тем не менее альтернативный проект резолюции Головачёва был отклонён большинством голосов (6 – за, 144 – против, 18 – воздержались). За принятие резолюции В.Ф. Иванова проголосовало – 134 делегата, против – 11, воздержалось – 23.

Съезд выказал твёрдость в неприятии любого социализма – не только большевистского – поэтому затея с переименованием провалилась. Вопрос был снят с обсуждения и передан в политическую секцию Несоцсъезда. Касаясь вопроса о сотрудничестве с социалистами-антибольшевиками, В.Ф. Иванов на заседании 23 июня подчеркнул, что "революционные социалисты... никогда не согласятся на правовое буржуазное государство. И с ними съезду не по пути. Но есть социалисты Алексинский, Бурцев и другие. С ними работать можно" [5, с. 3]. Эсерам, заслуги которых в прошлом В.Ф. Иванов, по собственным словам, признаёт, но "не может им простить пристегивания к своей идеологии доктрин марксизма", была дана (Ивановым же) хлёсткая характеристика: "нелепость, недоразумение русской жизни" [5, с. 3]. Председатель "готов повиниться, что любит иногда почитать утопические рассуждения социалистов, но делает это как гурман, любящий красивое и сказочное. В жизни же эти утопии – он знает – ничего дать не могут" [5, с. 3]. Таким образом, никаких изменений в идеологии несоциалистов не произошло, в число противников по-прежнему включались все социалистические течения и партии, включая враждебно настроенные к большевикам.

Дискуссия по "крестьянскому вопросу"

"Крестьянский вопрос", внимание которому уделялось и на первой сессии Несоцсъезда (в русле столыпинской аграрной реформы) [22, с. 103 – 104], в июне 1921 г. приобрёл экстраординарное значение в связи с необходимостью для ВПП срочно найти себе прочную социальную опору в Приморье. Политические настроения крестьян колебались между оппозиционностью к меркуловскому режиму и апатией. Новое правительство в силу своего правого, "реакционного" характера по началу ассоциировалась с эксцессами "семёновщины" и "калмыковщины". Наиболее непримиримым было отношение крестьян к Семёнову, имя которого прочно связывалось с насильственными реквизициями и карательными акциями.

Также крестьян пугали перспективы возобновления активной фазы Гражданской войны. В наказе делегатам от Глуховского сельского общества

Суйфунской волости подчёркивалось, что "нам надоела гражданская война и все последствия таковой и нам крайне желательно вздохнуть уже свободно..." [29, с. 3]. Составители наказа заявляли о неприятии насильственной смены власти, необходимости проведения выборов в представительный орган на основе всеобщего избирательного права; в условиях недоверия к пришедшему в результате переворота правительству крестьяне соглашались признавать только земство, как "избранное всем народом" [29, с. 3].

В целом же крестьянам было безразлично, какое правительство обосновалось во Владивостоке (за исключением "семёновского", которое однозначно отвергалось, вплоть до готовности крестьян противостоять ему с оружием в руках). В настроениях крестьянства господствовал утилитаризм, от государства оно требовало помощи и невмешательства во внутренние дела (особенно в виде реквизиций) одновременно. По оценке корреспондента "Вечера", "вопросы политики имеют для крестьянства интересы лишь постольку, поскольку они отразятся на его повседневной жизни и поэтому гораздо большей заботой, чем все политические события является дпящаяся уже несколько недель засуха" [16, с. 2].

Тем не менее политически-активные крестьяне (не следует забывать, что во Временном Народном Собрании Дальнего Востока/Приморском областном Народном Собрании в 1920–1921 гг. имелась крестьянская фракция) попытались донести до несоциалистов свой взгляд на создающуюся в Приморье ситуацию. Совещание крестьян и казаков вынесло 17 июня постановление, предназначенное для вручения Несоцсъезду. Под резолюцией стояли подписи 62 представителей от крестьянства, 9 – от уссурийского казачества и 2 – от Полтавского станичного округа. В первом пункте постановления изъяслялась готовность признать лишь власть, избранную Учредительным Собранием (Учредительным Съездом). Решение о выборах в Учредительное Собрание должно стать первым актом Народного Собрания после его открытия, причём гарантом обеих форм народного представительства, – регионального парламента и общероссийской конституанты – объявлялась "кашпелевская армия" (что говорит о высоком доверии жителей Дальнего Востока к этой "народной" армии). Выборы в Учредительное Собрание надлежало провести по избирательному законодательству 1917 г., т.е., в отличие от деятелей Белого движения, призывавших скорректировать порядок выборов и правовой статус "Национального Учредительного Собрания" после победы над большевизмом [38, с. 536–549], приморские крестьяне продолжали идеализировать "февралистский" опыт законотворчества. Постановление содержало пункты о неприкосновенности органов земского и городского самоуправления, о защите национальных интересов от иностранных посягательств. Отдельный пункт своего постановления крестьяне и казаки посвятили атаману Семёнову, заявив о нежелательности не только его власти, но даже пребывания на территории России. Отношение к правительству С.Д. Меркулова обуславливалось тем, разделяет ли данное правительство положения крестьянско-казачьей резолюции. Представители Полтавского станичного округа в отдельном мнении высказались о Несоцсъезде: "...Несоциалистический съезд, как таковой, не является выразителем воли народа, как воли большинства, так как в нем не представлены широкие слои населения. Что съездом этим пытаются подгазовать мнение народа, заслонить орган правомочного представительства народа – Народное Собрание, по этой причине крестьяне и казаки Полтавского станичного округа, доводя о всем указанном до сведения съезда постановляют: в его работах участия не принимать, а требовать скорейшего созыва Народного Собрания" [30, с. 3]. В резолюции ставилось ограничение на участие крестьянско-казачьей делегации в работе Несоцсъезда: делегация должна была зачитать постановления, высказать мнение насчёт него и покинуть съезд.

На Несоцсъезде с постановлением крестьян ознакомились в день составления документа, 17 июня, когда он был зачитан на закрытом заседании. Спешка при написании резолюции выразилась в двусмысленности некоторых её формулировок, что подметил корреспондент "Вечера": "Интересно отметить двойственность, если даже не противоречия, в той части постановлений, которая касается положения Вр[еменного] П[равительст]ва. В одном пункте постановления, в угоду казачьим депутатам сказано, что "верховным хозяином" является лишь Учредительный съезд, а в другом, в угоду крестьянским де-

путатам врем[еменное] правительство объявлено "ответственным" уже перед Нар[одным] Собранием. Вот тут и разбирайся" [25, с. 2]. Несмотря на скептическую оценку Несоцсъезда в тексте резолюции, председатель крестьянско-казахской делегации Грачёв всё же пожелал съезду плодотворной работы. Присутствовавший на съезде глава ВПП С.Д. Меркулов заявил о приемлемости всех заявленных в резолюции пунктов – блок с крестьянами был очень важен для молодого правительства, вступившего в конфликт с Г.М. Семёновым [25, с. 2]. Глава правительства был не одинок – по оценке корреспондента "Голоса Родины" оглашение крестьянско-казахской резолюции "произвело на большинство съезда отрезвляющее действие, тем более что на этот раз у участников съезда не было подозрения, что резолюция крестьянско-казахской группы сочинялась под диктовку большевиков или вообще левых элементов, а явилось выражением подлинных взглядов этой группы" [35, с. 3]. Обструкцию попытались устроить лишь делегаты "семёновской ориентации", наклеив на крестьян ярлыки "липовых", "дутых", "маргариновых", "фальсифицированных", "совдепщиков" [25, с. 2].

Союз между ВПП и крестьянством на почве конфронтации с непопулярным Семёновым, однако, так и не возник – левая политическая культура местного крестьянства, выработанная за годы революции и Гражданской войны, помешала ему поддержать ВПП. Даже "классово близкая" крестьянству "кашпелевская" армия оказалась ему в итоге чуждой из-за разного целеполагания у дальневосточных крестьян и "кашпелевцев": первые желали немедленного прекращения Гражданской войны, вторые – свержения советской власти. Приморское крестьянство сохраняло пассивно-скептическое отношение к антибольшевистскому режиму, лишая его тем самым широкой народной опоры. Местным крестьянам не доводилось сталкиваться с продовольственной политикой большевиков и прочими негативными аспектами советской власти (за исключением действий партизанских отрядов, мало чем отличавшихся от хунхуз), отсюда – присущая им тенденция преуменьшать исходящую от ДВР угрозу их жизненному укладу, и, напротив, преувеличивать отрицательные стороны "реакционеров".

Отношение Съезда к атаману Г.М. Семёнову

Заседания второй сессии наложились на переговоры ВПП с прибывшим из Порт-Артура Г.М. Семёновым. Конфликт из-за лидерства приковал внимание Несоцсъезда и отвлек его от обсуждения более глобальных вопросов, таких как стратегия борьбы с большевизмом, преобразования в Приморье и т.д. Участник съезда Н. Лидин в "Вечере" констатировал, что "яблоком раздора на съезде явился атаман Семенов" и что "на закрытых заседаниях съезда велись бесконечные, бурные прения о роли и значении атамана Семёнова" [21, с. 2]. В зале заседаний чутко следили за всеми новостями, касающимися "порт-артурского" кандидата в вожди; 18 июня "Вечер" оповещал читателей о ходе "тайных" переговоров: будто бы Семёнов потребовал от ВПП 400 тысяч рублей "отступных", раздела скопившихся во Владивостоке грузов для их продажи и свободного проезда до Гродеково, откуда атаман проследует вглубь китайской территории до Хайлара – для встречи с генералом Чжан Цзолинем, якобы договорившегося с Семёновым о совместной борьбе против большевиков. ВПП не могло удовлетворить ультиматум атамана хотя бы из-за острого дефицита денежных средств, вместо маршрута Владивосток-Гродеково-Хайлар был предложен альтернативный маршрут – морем до Дайрена и оттуда на Хайлар, относительно же сведений о союзе Семёнова с китайскими националистами правительство С.Д. Меркулова испытывало сомнения [25, с. 2]. Пресса ретранслировала беззастенчивые "домогательства" Семёнова и вместе с тем твёрдый отпор им со стороны С.Д. Меркулова, чем подрывала позиции "семёновцев" на съезде.

Первым оратором, с трибуны призвавшим признать главенство атамана был представитель небольшой группы профессионалов Амурского речного судоходства Сахария. Главными же оплотами "семёновщины" на съезде являлись две "харбинских" группировки: умеренный Русский национально-экономический союз в лице кооперативного деятеля Закупсбыта В.Г. Шишканова, члена биржевого комитета П.В. Иванова и пр., и праворадикальное Общество воссоздания России, т. н. "толмачево-ломакинская группа", возглавляе-

мая бывшим градоначальником Одессы генералом И.И. Толмачёвым и, по оценке Лидина, не выходящая "из рамок программы и тактики союза русского народа" [21, с. 2]. Толмачёв не только лоббировал интересы Семёнова, но и являлся сторонником авторитарных методов управления; в частности, им был предложен проект, согласно которому необходимо отсрочить выборы в Народное Собрание, послать в сельскую местность войска для обеспечения "свободы выборов", а наблюдение за волеизъявлением поручить Несоцсъезду. Проект был снят с обсуждения, успев оставить негативное впечатление о представителях "семёновской ориентации" [41, с. 2]. Защита репутации атамана Толмачёвым выразилась также в призывах к единомышленникам собраться на экстренное совещание 22 июня не в традиционном зале заседаний, а в вагоне, стоящем в почтовом тупике, на что "Голос Родины" не преминул съязвить: "Очевидно, сами правые очутились в тупике" [32, с. 2]. Сторонники атамана упустили шанс аргументированно обосновать свои симпатии, в т. ч. из-за неуместных заявлений Толмачёва, при пассивности делегатов Национально-экономического союза; по впечатлению Н. Лидина, последний "остался в тени, не выдвинув из своей среды оратора, который бы развил идеологию союза, оттенки отличия ее от "идеологии" правого течения возглавляемого Толмачёвым" [21, с. 2]. Вместо внятных доводов в пользу Семёнова от авторитетных предпринимательских и кооперативных кругов, Несоцсъезд услышал призывы к ужесточению правопорядка и отсрочке выборов в Народное Собрание.

Вопрос о верховной власти был решён резолюцией от 22 июня, подготовленной политической секцией во главе с В.Ф. Ивановым, который представил резолюцию докладом "о политическом моменте". Съезд принимал на себя ответственность за переворот и закреплял позитивную трактовку "революционности" в приморском политическом лексиконе, что вытекало из пункта 2 резолюции: "Революционное движение, приведшее к падению антинародной власти большевиков, идейно было подготовлено мартовским съездом, который точно формулировал цели и задачи движения и выдвинул его исполнителей" [27, с. 3]. Этот пункт был продиктован необходимостью чётко обозначить организаторов "освобождения Приморья", чтобы обесценить претензии Семёнова на верховную власть (во время переворота атаман находился в Порт-Артуре и ввиду этого как бы лишился морального права претендовать на главенство в регионе – управлять краем должны те, кто непосредственно руководил его освобождением). Большой важностью обладали пункты резолюции об "однородной, внепартийной, тесно сплоченной идеологически общности" как о фундаменте власти, о недопустимости преобразования власти до созыва Учредительного Съезда (таким образом, Несоцсъезд пытался закрепить себя в статусе "монополиста" на политической авансцене Дальнего Востока), о ВПП как "хранителе общегосударственной идеи", имеющем конечную цель – "восстановление Великой Единой России" [27, с. 3].

Хотя в резолюции Семёнов даже не упоминался, она фактически дезавуировала претензии атамана на верховную власть в Приморье. На заседании 22 июня это дал понять князь Ухтомский: "Слова, что все благополучно и конфликта между Временным Приамурским Правительством и атаманом Семеновым нет – не верны; конфликт есть, и мы не можем уйти, не сделав всего возможного к его устранению" [27, с. 3]. Председательствующий на заседании И.К. Артемьев и В.Ф. Иванов попросили Ухтомского придерживаться темы доклада. Тот отказался, после чего В.Ф. Иванов вынужден был сделать ремарку насчёт Семёнова, заявив, что "атамана он знает давно и работал с ним ранее и в своем докладе он указывал, что нужные России люди не могут быть отброшены" [27, с. 3]. Таким образом, Иванов допускал возможность привлечения Семёнова к антибольшевистской работе, но не на первых ролях, как хотелось бы самому атаману. За принятие резолюции проголосовало 139 делегатов Съезда, против – 11, при 23 воздержавшихся [27, с. 3].

Ответ на принятую резолюцию со стороны "семёновцев" был дан 24 июня. Правые "просемёновские" группировки подали протест против нарушений, допущенных на второй сессии Несоцсъезда. В перечне нарушений: недопуск к участию в съезде 60 делегатов от 25 организаций, представляющих, по подсчёту авторов, 100 тысяч человек одних только беженцев; приглашение враждебной крестьянской делегации, которая не только выразила с трибуны недоверие правительству, но и оповестила печать о ходе закрытого заседания

съезда; исключение со съезда 62 симпатизантов Семёнова из-за того, что те довели до сведения консульского корпуса во Владивостоке, в т.ч. до японского посланника, содержание своего фракционного постановления о поддержке атамана; отказ президиума съезда огласить стенограмму переговоров между генералами И.С. Смолиным и Г.А. Вержбицким, "вскрывающих загадочную политику этих правительственных агентов по отношению к коммунистам", а также ряд процедурных нарушений (в т.ч. принятие некоторых резолюций без наличия кворума, допуск к голосованию членов правительства, что, по мнению "семёновцев", противоречит "самым элементарным парламентским обычаям" – необычная для сторонников забайкальского атамана апелляция к культуре парламентаризма) [12, с. 2].

Резолюция сторонников атамана не возымела практического эффекта, т.к. руководство Несоцсъездом плотно держала в своих руках "промеркуловская" группировка. По выражению газеты "Слово", Несоцсъезд "'вышиб" крайнее правое крыло, состоявшее из "старочитинцев"..." [14, с. 1]. Обращение к японскому консулу послужило поводом для обвинений "семёновцев" в непатриотическом поведении.

Вторая сессия Несоцсъезда стала не столько площадкой для выработки идеологических программ, сколько ареной борьбы между действующим составом ВПП и атаманом Семёновым. Персона атамана оказалась слишком скомпрометированной в глазах населения, чем воспользовались его оппоненты. Приверженцы Семёнова не только не развенчали стереотипы об атаманской политике, но и в лице генерала Толмачёва подтвердили свою репутацию крайних "реакционеров". Поражение Семёнова в борьбе за лидерство в белом Приморье было вскоре закреплено официальными указами ВПП от 29 июня № 43, 44 и 46, где атаман квалифицировался как "государственный преступник" [2, с. 5–6].

Культура ведения дискуссий

В докладе 22 июня В.Ф. Иванов заметил, что "мы, русские, вообще максималисты, народ крайностей – наш девиз: или все, или ничего..." [8, с. 3]. Атмосфера, в которой происходил Съезд, как будто подтверждала сказанное. Поведение делегатов свидетельствовало о всплеске накопившейся агрессии. Вспыхивали стычки, чреватые членовредительством. По информации корреспондента газеты "Вечер", пик напряжения был достигнут на заседании 21 июня. В этот день произошло несколько резонансных конфликтов. После критического замечания члена съезда Степанова о правительстве на него на улице с кулаками набросился Д.И. Густов, на помощь которому поспешил вооружённый булыжником П.В. Оленин ("Вечер" неверно сообщал об участии в драке К.Д. Куприянова, что вынудило этого участника съезда обратиться в газету с открытым письмом – он не дрался, а лишь разнимал участников [7, с. 3]) [41, с. 2]. Другая перепалка произошла между И.К. Артемьевым и священником Василием Демидовым. "Вечер" передавал суть инцидента так: "Страсти снова забурили. Между свящ. Василием Демидовым и членом съезда Артемьевым возникла крупная перепалка: "Жид, провокатор!" "Нет, ты сам жид и провокатор!" "Никогда я не был жидом". Вот какими любезностями обменивались члены съезда. Попутно всплыл вопрос о якобы еврейском происхождении одного из высших должностных лиц" [41, с. 2].

Конфликтная атмосфера, присущая Несоцсъезду, где перебранки вспыхивали даже не столько по идеологическим, сколько по личным мотивам, перешла в Приамурское Народное Собрание (наиболее харизматичные и одновременно конфликтные делегаты Несоцсъезда, например, П.В. Оленин и В.П. Донченко были избраны депутатами Народного Собрания). Отсутствие парламентской культуры препятствовало превращению представительного органа – будь то Несоцсъезд или Народное Собрание – в полноценную опору исполнительной власти.

Иные дискуссии и итоги Съезда

Приоритет борьбы политических группировок над обсуждением вопросов государственного устройства, экономического развития и, наконец, стратегии борьбы с большевизмом – главная причина, по которой вторая сессия Не-

соцсъезда не раскрыла того огромного потенциала, который у него безусловно наличествовал. Прения по поводу "реконструкции власти" оказались выхолощены, сведены к агитации за конкретных кандидатов на пост главы правительства. Популярное течение русской политической мысли очень скромно заявили о себе в ходе работы съезда. Монархическая идея не получила надлежащего теоретического обоснования в речах делегатов, хотя большинство их и сочувствовало восстановлению монархии. Старобрядческий священник из полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Иоанн Кудрин на открытии съезда 16 июня оперировал параллелями из XVII в.: сравнил Владивосток с Нижним Новгородом (базой Второго Ополчения, освободившего Москву от польско-литовских интервентов в 1612 г.) и предрёк "движение под сенью русского флага к стенам московского кремля" [19, с. 3]. Кудрин первым из ораторов выразил витавшую в воздухе идею реставрации монархии, снабдив её мистическим содержанием. Он, в частности, заявил, что "поруженный большевиками московский царский трон не будет пуст" и что "разорванная царская порфира будет сшита и над всей Россией засияет крест и с ним в душе русский народ встретит пришествие царя царей" [19, с. 3]. Монархическая риторика звучала и в других выступлениях, например, аплодисменты съезда снискали слова генерала Н.А. Лохвицкого о том, что "только державный вождь государь император может устранить раздоры и сплотить всех воедино" [21, с. 2]. Отдельной дискуссии на тему практических сценариев восстановления монархии не съезде не велось и за пределы заявлений отдельных делегатов монархическая повестка так и не вышла. Более того, ключевые фигуры съезда, близкие или вхожие в правительство, избегали прямых апелляций к монархии; например, уваровская формула "православие, самодержавие, народность" в речи В.Ф. Иванова прозвучала как "православие, народность, сильная единоличная власть" [21, с. 2]. Белой приморской государственности предстояло пройти травматическую "школу" парламентских распрей, прежде чем обратиться к монархической теории со всей серьёзностью (вал публикаций на тему монархии появится в приморской печати летом 1922 г., после окончившегося человеческими жертвами "недоворота" 31 мая – 11 июня).

Дилемма между, с одной стороны, развёртыванием военных действий против ДВР/РСФСР и, с другой – отказом от наступательных действий в пользу укрепления плацдарма на имеющейся территории горячо обсуждалась на заседании 17 июня, но потом была снята с повестки без достижения видимого результата. Сторонники экспансии в направлении советской Сибири, главным из которых был Д.И. Густов, настаивали "на соединении функций по управлению краем с завоевательными целями, в результате чего границы государства должны безгранично расширяться в западном направлении по мере свержения там советской власти вооружёнными силами, посланными из Приморья, к которым, как предполагается, пристанут местные анти-большевистские организации" [20, с. 3]. Спад повстанчества после введения НЭП не принимался во внимание. Противоположной позиции придерживался князь А.А. Крапоткин, вступивший с Густовым в жаркий диспут [20, с. 3]. Консенсус предсказуемо не был достигнут. За исключением этих кратковременных прений Несоцсъезд абстрагировался от вопросов военной стратегии, доверив их правительству и армейскому руководству.

Церемония закрытия второй сессии Несоцсъезда прошла 25 июня и сопровождалась молебном. Речь произнёс епископ Камчатский Нестор, который, несмотря на проповеднический характер выступления, отозвался на проблему разногласий между участниками съезда. Он подчеркнул, что "если членами Съезда в силу политического разномыслия не было достигнуто единство в искании правды, если даже расхождение во взглядах иногда выражалось слишком горячо и резко, то сейчас во время общей молитвы должно быть достигнуто между всеми полное единение во имя Христа" [34, с. 1].

На сессии 11 – 25 июня 1921 г. Несоцсъезд не без трудностей решил поставленную задачу – добился общественной поддержки для ВПП. Эта поддержка была выражена в резолюции 22 июня, которая явилась главным программным документом Съезда. Вместе с тем были обозначены линии раскола проправительственных несоциалистов с другими политическими силами. Конфликт с небольшевистскими социалистами и "срединными силами"

проявился в отказе переименовывать Съезд из "несоциалистического" в "антикоммунистический". Недопонимание с приморским крестьянством дало о себе знать при оглашении резолюции группы крестьян и казаков 17 июня; несмотря на точку соприкосновения – нежелательность атамана Семёнова как для ВПП, так и для крестьян – режим не смог развить сотрудничество с идеологически "левыми" крестьянскими политиками. Противоречия между большинством Несоцсъезда и делегациями сторонников Семёнова по вопросу о верховной власти едва не привели ко "внутренней" гражданской войне в белом Приморье. Для самого правительства С.Д. Меркулова "побочным эффектом" работы Несоцсъезда стало сохранение его как самодовлеющей силы, что создавало потенциальную угрозу ВПП. Рост напряжённости между Советом Несоцсъезда и группой С.Д. Меркулова сначала выразится в попытках созвать третью сессию Несоцсъезда, а затем приведёт к попытке переворота 31 мая – 11 июня 1922 г.

Литература

1. № 13. 14 июня 1921 года // Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 30 июня. № 2. С. 2–3.
2. № 46. 29 июня 1921 года // Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 11 июля. № 4. С. 5–6.
3. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 21 июня. № 323. С. 2.
4. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 23 июня. № 325. С. 2.
5. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 24 июня. № 326. С. 2–3.
6. "Выбыли в отпуск" // Вечер. 1921. 21 июня. № 323. С. 2.
7. "В числе драки" // Вечер. 1921. 24 июня. № 326. С. 3.
8. Доклад по текущему политическому моменту зачитанный В. Ф. Ивановым в чрезвычайной сессии Съезда 22 июня 1921 г. // Слово. 1921. 23 июня. № 336. С. 2–3.
9. "Единодушные" несоциалистический съезда // Вечер. 1921. 27 июня. № 328. С. 2.
10. Землянский В. Л. Роспуск Приморского областного Народного собрания правительством С. Д. Меркулова в 1921 г. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб.: Элек-Сис, 2017. С. 144–149.
11. Из общественных настроений // Слово. 1921. 23 июня. № 336. С. 1.
12. К расколу на съезде // Голос Родины. 1921. 27 июня. № 527. С. 2.
13. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917–ноябрь 1922 гг.): дисс. д-ра ист. наук. Кемерово, 2005. 476 с.
14. Корнеев В. К работам Съезда // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 1.
15. Корнеев В. К Съезду 10-го июня // Слово. 1921. 8 июня. № 325. С. 2.
16. Крестьянские настроения в Приморьи // Вечер. 1921. 18 июня. № 322. С. 2.
17. Кроль Л. А. К переименованию съезда // Дальневосточная жизнь. 1921. 16 июня. № 2. С. 1.
18. Л. С. К Несоциалистическому Съезду // Голос Родины. 1921. 8 июня. № 509. С. 4.
19. Л. С. На несоциалистическом съезде // Голос Родины. 1921. 17 июня. № 518. С. 3.
20. Л. С. Несоциалистический съезд // Голос Родины. 1921. 18 июня. № 519. С. 3.
21. Лидин Н. После съезда // Вечер. 1921. 28 июня. № 329. С. 2–3.
22. Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. 188 с.
23. Местные каде и Несоциалистический съезд // Дальневосточная жизнь. 15 июня. № 1. С. 2.
24. М. П. [Передовица] // Вечер. 1921. 27 июня. № 328. С. 2.
25. На закрытом заседании несоциалистического съезда // Вечер. 1921. 18 июня. № 322. С. 2.
26. Несоциалистический Съезд // Голос Родины. 1921. 10 июня. № 511. С. 2.
27. Н. Съезд представителей несоциалистического населения // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 3.
28. Открытие Съезда // Слово. 1921. 16 июня. № 331. С. 1.
29. По уезду // Уссурийское слово. 1921. 18 июня. № 264. С. 3.
30. Постановление совещания крестьян и казаков // Воля. 1921. 24 июня. № 215. С. 3.

31. Положение о выборах в Приамурское Народное Собрание // Приложение к Указу Вр. Приамурского Пр-ва от 14 июня за № 13 "Вестник Вр. Приам. Пр-ва" № 2 от 30 июня 1921 г. С. 1–5.
32. Раскол на несоциалистическом съезде // Голос Родины. 1921. 22 июня. № 522. С. 2.
33. Ратобой. На Съезде // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 1–2.
34. Слово Епископа Нестора на молебне при закрытии Съезда представителей несоциалистического населения в гор. Владивостоке 25 июня 1921 года // Слово. 1921. 28 июня. № 340. С. 1.
35. Съезд несоциалистических организаций // Голос Родины. 1921. 21 июня. № 521. С. 2.
36. Съезд представителей несоциалистического населения // Слово. 1921. 26 июня. № 339. С. 2.
37. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М.: Достоинство, 2016. 640 с.
38. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза, 2019. 1056 с.
39. Число депутатов // Слово. 1921. 19 июня. № 334. С. 2.
40. Член Съезда. Вокруг съезда // Слово. 1921. 22 июня. № 335. С. 1.
41. Н. Нравы правого совдепа // Вечер. 1921. 23 июня. № 325. С. 2.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. № 13. 14 iyunya 1921 goda // Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva. 1921. 30 iyunya. № 2. S. 2–3.
2. № 46. 29 iyunya 1921 goda // Vestnik Vremennogo Priamurskogo Pravitel'stva. 1921. 11 iyulya. № 4. S. 5–6.
3. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 21 iyunya. № 323. S. 2.
4. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 23 iyunya. № 325. S. 2.
5. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 24 iyunya. № 326. S. 2–3.
6. "Vybyli v otpusk" // Vecher. 1921. 21 iyunya. № 323. S. 2.
7. "V chisle draki" // Vecher. 1921. 24 iyunya. № 326. S. 3.
8. Doklad po tekushhemu politicheskomu momentu zachitannyj V. F. Ivanovym v chrezvyčajnoj sessii S"ezda 22 iyunya 1921 g. // Slovo. 1921. 23 iyunya. № 336. S. 2–3.
9. "Edinodushie" nesotsialich[eskogo] s"ezda // Vecher. 1921. 27 iyunya. № 328. S. 2.
10. Zemlyanskij V. L. Rospusk Primorskogo oblastnogo Narodnogo sobraniya pravitel'stvom S. D. Merkulova v 1921 g. // Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. SPb.: EHlek-Sis, 2017. S. 144–149.
11. Iz obshhestvennykh nastroenij // Slovo. 1921. 23 iyunya. № 336. S. 1.
12. K raskolu na s"ezde // Golos Rodiny. 1921. 27 iyunya. № 527. S. 2.
13. Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917–noyabr' 1922 gg.): diss. d-ra ist. nauk. Kemerovo, 2005. 476 s.
14. Korneev V. K rabotam S"ezda // Slovo. 1921. 24 iyunya. № 337. S. 1.
15. Korneev V. K S"ezdu 10-go iyunya // Slovo. 1921. 8 iyunya. № 325. S. 2.
16. Krest'yanskije nastroeniya v Primor'i // Vecher. 1921. 18 iyunya. № 322. S. 2.
17. Krol' L. A. K pereimenovaniyu s"ezda // Dal'nevostochnaya zhizn'. 1921. 16 iyunya. № 2. S. 1.
18. L. S. K Nesotsialisticheskomu S"ezdu // Golos Rodiny. 1921. 8 iyunya. № 509. S. 4.
19. L. S. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Golos Rodiny. 1921. 17 iyunya. № 518. S. 3.
20. L. S. Nesotsialisticheskij s"ezd // Golos Rodiny. 1921. 18 iyunya. № 519. S. 3.
21. Lidin N. Posle s"ezda // Vecher. 1921. 28 iyunya. № 329. S. 2–3.
22. Lyakhov D. A. Nebol'shevistskie modeli politicheskogo ustrojstva Dal'nego Vostoka Rossii (konets 1919–1922 gg.). Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova, 2015. 188 s.
23. Mestnye ka-de i Nesotsialisticheskij s"ezd // Dal'nevostochnaya zhizn'. 15 iyunya. № 1. S. 2.
24. M. P. [Peredovitsa] // Vecher. 1921. 27 iyunya. № 328. S. 2.
25. Na zakrytom zasedanii nesotsialisticheskogo s"ezda // Vecher. 1921. 18 iyunya. № 322. S. 2.
26. Nesotsialisticheskij S"ezd // Golos Rodiny. 1921. 10 iyunya. № 511. S. 2.
27. N. S"ezd predstavitelej nesotsialisticheskogo naseleniya // Slovo. 1921. 24 iyunya. № 337. S. 3.
28. Otkrytie S"ezda // Slovo. 1921. 16 iyunya. № 331. S. 1.
29. Po uezdu // Ussurijskoe slovo. 1921. 18 iyunya. № 264. S. 3.
30. Postanovlenie soveshchaniya krest'yan i kazakov // Volya. 1921. 24 iyunya. № 215. S. 3.

Popov F. A. The second session of the Non-Socialist Congress in Vladivostok (June 11–25, 1921): the main problems of Primorye after the anti-Bolshevik coup and discussions around them.

The article examines the history of convocation of the second (extraordinary) session of the Non-Socialist Congress on June 11–25, 1921, the course of its meetings and the main discussions. After the coup on May 26, 1921, the anti-Bolshevik Provisional Priamur Government came to power in Primorye, formed from members of the Council of Non-Socialistic Far-Eastern Organisation's Congress, convened in March 1921. In an atmosphere of instability, the new government needed public support, which was to be provided by the Non-Socialist Congress, for which he was summoned to a new session. The right-wing, monarchist, anti-Bolshevik organizations of Vladivostok, Nikolsk-Ussuriisky and Harbin took part in the work of the Non-Social Congress. In the course of its work, discussions arose around the Congress renaming from "non-socialist" to "anti-communist", about the peasantry's attitude to the new government, and also about the ataman Semyonov's claims to the supreme power in Primorye. At the Congress, other problematic issues were also raised, for example, the restoration of the monarchy and the strategy of the anti-Bolshevik struggle. The behavior of the members of the Congress was distinguished by a high degree of aggression, there were fights between the delegates. As a result, despite the polemics on various issues that took place, the Non-Social Congress expressed full support for the Provisional Priamur government.

Key words: *Civil war in the Far East, Non-Socialist Congress, white movement, Provisional Priamur Government, parliamentarism, Vladivostok*

Для цитирования: Попов Ф. А. Вторая сессия Несоциалистического Съезда во Владивостоке (11–25 июня 1921 г.): основные проблемы Приморья после антибольшевистского переворота и дискуссии вокруг них // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/76-89

For citation: Popov F. A. The second session of the Non-Socialist Congress in Vladivostok (June 11–25, 1921): the main problems of Primorye after the anti-Bolshevik coup and discussions around them // Oikumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 76–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/76-89

УДК 327.2

Караман В. Н.

Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.)

Вся история основания, строительства и существования Владивостокской крепости, за исключением использования некоторых объектов крепости в советское время [20; 26], укладывается в последние четыре десятилетия существования Российской империи и годы Гражданской войны, последовавшие за ее распадом. К 1917 г. (момент полной остановки строительства) Крепость "Владивосток" являлась самой укрепленной и мощной морской фортовой крепостью. Более того, кроме немаловажных военно-технических характеристик, нельзя упускать из виду психологическое воздействие крепости как таковой. Без фортификации любая земля будет просто территорией, занятой войсками. С крепостью же появляется ощущение не только защищенности, но и постоянства присутствия, сроднения с землей. Лучшее из высказаний это понимание один из строителей крепости, военный инженер, генерал-майор А.П. Шошин: "Основной идеей усиления крепости служит девиз: "Русские здесь остаются навсегда" [15, с. 74].

В данной работе мы постараемся, используя историко-генетический метод исследования, а также социологический и сравнительный подходы, применяемыми в политологии, проанализировать историю Владивостокской крепости как попытку создания системообразующего компонента российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке, а также выяснить, насколько строительство крепости увязывалось с общей колонизацией и освоением региона, который она была призвана защищать. Хронологически мы ограничимся 80-ми гг. XIX в. – первыми десятилетиями XX в. То есть периодом с момента постройки первых укреплений и до юридической ликвидации крепости.

Под военно-оборонительной политикой мы будем подразумевать меры государства по использованию своего военно-политического потенциала (равно как и всех средств, имеющихся в его распоряжении), направленные на удержание, закрепление и дальнейшее развитие или эксплуатацию исконной, колонизируемой или захваченной территории. Ввиду ограниченности хронологических рамок мы не будем останавливаться на динамике данного термина, а сосредоточимся на приложении данного термина к деятельности последних лет царского и первых лет советского правительств.

Что касается историографии вопроса, то история Владивостокской крепости (идея зарождения, ход строительства, споров о ее назначении, эксплуатации и т.д.) исследована достаточно основательно. К настоящему времени вышло немало работ, посвященных тем или иным вопросам истории Владивостокской крепости. Наиболее изученными вопросами являются технические характеристики крепости и история её строительства [1; 2; 3; 4; 20; 21; 24]. В этом плане особенно следует отметить публикацию, посвященную инженерам, возводившим крепость [4].

Во втором номере журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" за этот год вышла рубрика "Владивостокская крепость в контексте военной истории Дальнего Востока". В рубрике были представлены новые работы дальневосточных историков, посвященные различным аспектам истории Владивостокской крепости, ее укрепления и развития в качестве системообразу-

ющего компонента российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке.

Анализ роли Владивостокской крепости в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке, пока находится несколько в стороне от внимания исследователей. Хотя нельзя сказать, что этот вопрос вовсе не затрагивался [см.: 2, с. 35–47].

Рассмотрение данного вопроса требует междисциплинарного подхода. Постановка сугубо исторических проблем: кто, как и где работал над постройкой крепости; какие споры возникали в ходе возведения крепости; какие решения были приняты лицами, от которых зависела судьба крепости (эти вопросы исследованы, хоть и не в полной мере, но все же достаточно основательно) – не позволяет прийти к пониманию того, чем являлась Владивостокская крепость для Российской империи и образовавшегося на ее обломках Советского Союза. Для этого необходим инструментарий политологической науки. Социологическая и сравнительная методологии политологии позволяют взглянуть на Владивостокскую крепость как составную часть военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке. Здесь мы отметим, что крепость была все же компонентом, т.е. частью, а не основой этой политики, на что никакая крепость не может претендовать в силу ограниченности функциональной специфики.

Роль и место Владивостокской крепости были тесно связаны с общей политикой России в отношении сопредельных государств Северо-Восточной Азии. Тут максима Клаузевица о войне как продолжении политики проявила себя во всей своей силе. Действительно, строительство крепости на территории, юридически закрепленной за Российской империей Пекинским договором с Китаем в 1860 г., оказало немалое влияние на дальнейший ход российской политической истории.

В.О. Ключевский вполне справедливо охарактеризовал Россию как страну, которая колонизируется, "расширяясь вместе с государственной ее территорией" [23, с. 50]. Однако любому расширению есть предел. Последнее крупное приращение Российской империи произошло за счет остатков Империи Тимуридов (Бухарский эмират, Хивинское (Хорезмское) и Кокандское ханства) из-за которых, "Россия была на волосок от войны с Англией" [26, с. 186]. Так что, скорее, понимание ограниченности военных возможностей России, чем личные качества Александра III удержали его от дальнейшей экспансии и от участия в военных конфликтах. К 1890 г. Российская империя полностью завершила оформление границ и практически остановилась в своем территориальном росте. Хотя следует отметить, что идеи дальнейшего продвижения России в Азию все еще владели умами значительной части правящего класса [34, с. 134–168].

Не останавливаясь на разборе всего комплекса военных мер по укреплению дальневосточных границ России, отметим только, что в 1865 г. на российском Дальнем Востоке был образован Восточно-Сибирский военный округ. Он включал в себя территории Иркутской и Енисейской губерний, а также Амурской, Забайкальской, Приморской и Якутской областей. Округ был образован в рамках "Положения о военных округах" одновременно с Кавказским, Туркестанским и Оренбургским в ходе военной реформы Александра II [см.: 7; 8; 10]. В 1884 г. обширный Восточно-Сибирский округ был разделён "для удобства управления и соответственно возможным военным операциям на Приамурский и Иркутский военные округа" [19, с. 22].

Военное присутствие на дальневосточных границах значительно усилилось перед русско-японской войной. Официозное издание под редакцией Генерального штаба сообщало: "После всестороннего рассмотрения вопроса, каким из многочисленных нужд дать предпочтение, в первую очередь были поставлены следующие нужды: а) Продолжение усиления нашего положения на Дальнем Востоке. ... Относительно первой нужды необходимо отметить, что за период 1898–1902 гг. войска Приамурского воен. округа, Маньчжурии и Квантуна были усилены, примерно, на 60.000 чел.; войска получили высшую организацию, будучи сведены в три сибирских корпуса; в 1903 г. наши войска на Дальнем Востоке усилены ещё на 38 батальонов. Вообще за время с 1898 по 1903 гг. военным ведомством на усиление нашей военной мощи на Дальнем Востоке и на сосредоточение там самых необходимых военных средств ... сделано больше, нежели за весь период со дня занятия нами Амура" [19, с. 37].

Однако, несмотря на данное несколько оправдательно-хвастливое заявление, в том же издании прямо констатировалось, что Дальний Восток укреплялся в военном плане по остаточному принципу, причем в самую последнюю очередь: "...со вступлением на престол Императора Николая II главная масса отпускаемых военному ведомству сумм шла на увеличение наших сил и средств на западной границе; здесь у нас была расположена главная масса полевых войск, здесь строились новые и улучшались старые крепости и проводились дороги. Остающиеся затем суммы военного ведомства делились для расхождения на охрану остальных границ приблизительно в такой последовательности: на границы с Турцией и Персией, затем Афганистана с Индией и на конец на Дальний Восток" [19, с. 34].

С 1880–1881 гг. гражданские транспортные функции Сибирский флотилии к неудовольствию военного ведомства постепенно передавались частным компаниям на Дальнем Востоке [19, с. 36] (таким как Добровольный флот и пароходство Г.М. Шевелева). Сама же Сибирская флотилия сосредоточилась на военно-транспортных перевозках, проведении гидрографических и описных экспедиций, а также на охране котиковых и моржовых промыслов [30]. В 1887 г. во Владивостоке были построены судоремонтные мастерские Военного порта, выросшие в дальнейшем в крупнейшее предприятие "Дальзавод". В 1895 г. для обороны линии границы с Китаем и для обслуживания казачьих станиц была создана Амурско-Уссурийская казачья флотилия.

Конечно, нельзя утверждать, что российская военно-оборонительная политика была единой на всем протяжении рассматриваемого периода. Однако мы сосредоточим внимание на совпадающих задачах царской и советской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке¹ как более важных, чем различия, которые носили временный, тактический характер. Тем более что в первые годы своего существования советская власть была более озабочена своим выживанием, чем разработкой долгосрочной военно-оборонительной политики, особенно на Дальнем Востоке, который был закреплен за советским государством только к 1922 г.

Юг Дальнего Востока, кроме огромной протяженности и малой заселенности, имел одну очень важную особенность: "Наша колонизация имеет вид клина, слабеющего на своем конце и вклинивающегося в исконные земли желтых народов. Этим слабеющим концом является Уссурийский край" [11, с. 101]. Так обозначил положение России (на тот момент уже Советского Союза) на Дальнем Востоке в 1927 г. В.К. Арсеньев в своем докладе Далькрайкому ВКП(б). Эта характеристика еще более соответствовала реалиям 90-х гг. XIX в. Аналогичный доклад В.К. Арсеньев сделал и за год до этого (в 1926 г.) для ЦК КПСР по ДВК. В этом докладе он подробно описал "более восточные точки" Дальнего Востока, оставшиеся от царского правительства и по наследству перешедшие к советской власти (МИДВ. МПК-15433-200)². Закрепление за Российской империей Дальнего Востока требовало не только юридического оформления в виде договоров и трактатов, но и подтверждения того, что Россия не просто намерена, но и может отстаивать свое право на эти земли. Это было понятно как для центрального, так и для местного чиновничества. Однако между пониманием и реальными действиями, направленными на укрепление России на Дальнем Востоке, существовал практически непреодолимый разрыв. Прежде всего, главным препятствием к укреплению границ было не только поверхностное отношение правительства к Дальнему Востоку, но и высокомерно-пренебрежительное отношение к Азии в целом³. Причем это пренебрежение было характерно не только для центральных чиновников, для которых Дальний Восток был очередной колонией и по большому счету

¹ Специально не останавливаясь на данном вопросе, только отметим, что совпадение царской и советской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке основано, прежде всего, на том, что оба режима были имперскими и решали аналогичные задачи по укреплению своего влияния на Дальнем Востоке.

² МИДВ – Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (с 23 декабря 2019 г., до этого Приморский государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева (ПГОМ).

³ Не углубляясь в историю европоцентризма, характерного для конца XIX века, заметим, что царской России преодолеть его так и не удалось.

экзотикой, но и для общей массы офицерства и гражданского чиновничества. Хотя изменения в понимании, говоря современным языком, "азиатского вектора развития" происходили, но они были настолько медленны, что говорить о формировании целенаправленной политики на этом направлении до начала XX в. не приходится, что и отмечал в своих докладах не только В.К. Арсеньев, но и многие другие, писавшие о Дальнем Востоке.

В деле же возникновения Владивостокской крепости решающую роль сыграл П.Ф. Унтербергер. Он со своей немецкой методичностью всеми силами укреплял Дальний Восток и его границы. Одним из самых удачных его военно-стратегических решений по укреплению восточных границ Российской империи было создание Владивостокской крепости [35].

В 1879 г. П.Ф. Унтербергер, на тот момент заведующий инженерной частью Сибирского военного округа, в виду приграничного положения и удаленности Владивостока от ближайшего сосредоточения войск, предложил не только обеспечить Владивосток новейшими артиллерийскими системами, но и "создать укрепления, обеспечивающие круговую оборону города" [1, с. 28; 12, с. 221]. Это решение положило начало процессу создания Владивостокской крепости. То, что крепость необходима, П.Ф. Унтербергер ясно осознавал, как никто другой. Примечателен один эпизод из его биографии. Переход через Калган и Тяньзинь в Пекин, а оттуда в Японию, где он встретился с Ивао Оямой (на тот момент министром сухопутных войск Японской империи), надолго запомнился П.Ф. Унтербергеру. По воспоминаниям В.К. Арсеньева, И. Ояма, выпускник особой военной школы Сен-Сир, находившийся при прусских войсках во время франко-прусской войны и на практике изучивший передовой военный опыт, на вопрос П.Ф. Унтербергера: "Зачем вам становиться на путь милитаризма. Вы знаете, каким бременем этот милитаризм ложится на плечи европейских народов? Зачем вам, островному государству, нужен флот и академия? С кем вам воевать? ... ответил: "Как, вы не понимаете? Конечно, с вами" [11, с. 97]. Отстаивая необходимость Владивостокской крепости, Унтербергер не забыл этот ответ, который дал ему будущий победитель русской армии при Мукдене, за 23 года до этого понимавший, что война неизбежна и к ней необходимо готовиться.

Периодизация строительства Владивостокской крепости укладывается в три периода, связанных с постройкой различных линий обороны крепости.

Первый период продолжался с возведения в 1879 г. первых крепостных сооружений до 30 августа 1889 г., когда Владивосток был уже официально объявлен крепостью [27, с. 207].

Через 10 лет, в 1899 г., началось строительство второй линии обороны крепости, продолжавшееся вплоть до первой русской революции [1, с. 53–107]. На ход возведения фортификационных сооружений в этот период оказала сильное стимулирующее влияние русско-японская война 1904–1905 гг. [см.: 5; 9].

Наконец, на 1906–1917 гг. приходится проектирование и возведение третьей (главной) линии обороны крепости.

За все время своего существования крепость не использовалась по прямому назначению на полную мощность, поскольку попыток штурма или захвата крепости не было. Ни Китай во время войны Цинской империи с "Альянсом восьми держав", в который входила и Российская империя, ни Япония во время русско-японской войны не пытались штурмовать Владивосток⁴. Кроме того, за время Гражданской войны и интервенции войска, в руки которых переходил город, ни разу не сталкивались с сопротивлением крепости именно как крепости, используя сооружения которой, можно было бы отстоять город. Противоборствующие стороны, в том числе и интервенты в Гражданскую войну, также не предпринимали попыток использовать крепость для обороны города. В частности, войска народно-революционной армии ДВР с большим напряжением штурмовали наспех сооруженные укрепления Спасска. Владивосток же со своими мощными укреплениями был занят ими практически без сопротивления. Мы не будем здесь останавливаться на вопросе о том, почему попыток штурма крепости не было, – потому ли, что взять ее было серьезной

⁴ Обстрел Владивостока в 1904 г. японской эскадрой такой попыткой считать вряд ли возможно.

проблемой, или потому, что это не входило в планы воюющих сторон, – но просто отметим это как факт.

До 1907 г., когда Николай II окончательно присоединился к мнению сторонников строительства крепости [2, с. 41], даже сама идея ее возведения и существования вызывала споры [2, с. 39–41]. Далее мы выделим ряд лежавших в основе этих споров проблем.

Военно-технические проблемы. На момент начала строительства крепость предполагалось возвести по последнему слову тогдашней фортификационной науки. Однако всякое средство военной политики – продукт "скоропортящийся". С начала XX в., военные технологии развивались ускоренными темпами, и недавно изобретенные фортификационные конструкции, артиллерийские системы и пр. устаревали, не успев выйти из конструкторских бюро. Такое устаревание было характерно и для крепостей [22; 33, с. 147–149].

Однако при строительстве это обстоятельство учитывалось. Владивостокская крепость являла собой фактически переход от собственно крепости, характерной для XIX в., к укрепрайону, характерному уже для века XX с его двумя мировыми войнами.

После русско-японской войны у существования Владивостокской крепости появились принципиальные противники. Самым горячим противником был на то время военный министр А.Ф. Редигер [31, с. 151–152]. Его доводы были вполне резонны. Это и географическое положение крепости, позволявшее отрезать ее от баз снабжения и связи с основными силами, и оторванность Владивостока и Дальнего Востока в целом от остальной России. В практическом же плане А.Ф. Редигер вполне справедливо опасался, что и само строительство затянется по финансовым причинам. Он не особо доверял в этом министерству финансов, поочередно возглавляемому С.Ю. Витте [34, с. 143], Э.Д. Плеске и В.Н. Коковцевым [2, с. 191], указывая на значительные суммы, которые на его взгляд не окупятся. Эти возражения против строительства крепости вполне согласуются и с выводами А.А. Свечина, высказанными им в его трудах по военному делу [32, с. 147].

На практике уязвимость крепостей и фортов наглядно проявилась во Второй мировой войне. Как самый классический пример, назовем операцию по захвату бельгийского форта Эбен-Эмаль немецкими десантниками в 1940 г. [см.: 29, с. 499–500, 35, с. 6–8], не говоря уже о "взломах" линии Мажино, "позиции Зигфрида" и пр. Действительно 30 лет строить крепость, что бы через 20 лет она оказалась уязвимой для штурмовых групп, явно нерентабельно и непродуктивно. Опасения Редигера вполне оправдывались еще и тем, что к финансовым проблемам примешивались и организационно-технические. "Крепость оказалась в самом запущенном виде во всех отношениях; при наших порядках всё это было совершенно естественно, так как у нас давно уже укоренился взгляд на крепости как на складочное место для сбыта туда разного третьесортного материала или полного хлама, личного и технического" [13, с. 262] – писал в своих воспоминаниях А.П. Будберг. Это его нелестное замечание приходится на период строительства второй линии обороны крепости до начала русско-японской войны.

Военно-социальные проблемы. Владивосток становился не просто крепостью, но и приморским городом с медленно, но все же растущим гражданским населением, что в случае войны создавало гуманитарную катастрофу⁵. То, что попытка отторжения Владивостока вполне реальна, и в случае военных действий мирное население попадало в своеобразную ловушку, было очевидно, и данная проблема поднималась еще до основания крепости. Так "9 апреля 1878 года в городской думе рассматривался вопрос о пособии семействам, предназначенных к удалению из Владивостока на случай вторжения неприятеля" [27, с. 120]. Во время русско-японской войны как раз и возникла такая необходимость. В январе 1904 г. Г.В. Подставин (на тот момент и.д. директора Восточного института) отправил донесение по вопросу эвакуации из крепости Восточного института военному губернатору Приморской области А.М. Колубакину и телеграмму командующему войсками Приамурского

⁵ В начале XX в. на это не обращали особого внимания, за что пришлось заплатить огромными потерями в Первой мировой войне и тяжелейшими потрясениями за ней последовавшими.

военного округа И.П. Линевичу [17, с. 100–102]. Однако причиной была не столько угроза занятия Владивостока, сколько неудобство функционирования самого Восточного института⁶ (студенческое общежитие было занято под госпиталь Красного Креста). По инициативе директора Восточного института Д.М. Позднеева Восточный институт в феврале 1904 г. переехал в Верхнеудинск⁷ и пробыл там до 23 октября 1905 г. [16, с. 39–41].

Военно-политические проблемы. После русско-японской войны все социально-экономические и социально-политические вопросы, так и не разрешенные царским правительством, резко обострились⁸. Это не могло не сказаться и на Владивостокской крепости. Так, 31 мая 1907 г. "солдаты 1-й роты [минного батальона – В.К.] потребовали улучшения питания и замены обмундирования. Командование отказалось удовлетворить эти требования" [18, с. 351], что стало одной из причин вооруженного восстания. Почти весь 1907 г. Владивосток был фактически на осадном положении (формально осадное положение было введено только с осени 1907 г.) Не углубляясь в историю первой русской революции на Дальнем Востоке и участия в ней всех, кто так или иначе имел отношение к Владивостокской крепости, отметим только, что действия военных властей⁹ и в особенности коменданта Владивостокской крепости В.А. Ирмана¹⁰ (которого Владивостокский комитет РСДРП за репрессии против мирного населения вполне справедливо "назначил" главным палачом горожан [14, с. 190], несмотря на его боевые заслуги при обороне Порт-Артура и усилия по строительству Владивостокской крепости) отнюдь не повышали обороноспособность Владивостокской крепости. Их действия были вполне в духе общеимперской политики, которая загоняла Российскую империю в тупик. Всё это непонимание и нежелание решать насущные вопросы и вылилось через 10 лет в русскую революцию и Гражданскую войну, которая развела бывших строителей, создателей и чинов крепости по разные стороны. Так, в частности, В.А. Ирман вступил в Добровольческую армию, а А.П. Шошин служил в РККА и принимал деятельное участие в создании ее инженерных войск.

В 1908 г. Унтербергер представил план, если не ликвидирующий, то значительно снижающий потери гражданского населения. Этот план предполагал отделить крепость от города [2, с. 43–44]. Однако, несмотря на его энергичные меры, эта идея, не будучи полностью отвергнута, как говорится, была положена в "долгий ящик" [2, с. 43–44].

В результате, если обобщить упомянутые выше замечания А.П. Будберга, крепость практически превращалась из военного объекта в хозяйственный¹¹, что, разумеется, резко снижало ее эффективность, причем не только военную, которую при энергичном управлении можно было быстро восстановить. Намного более важным являлось то, что падало ее военно-пропагандистское воздействие. Именно это и пытался донести до императорского двора

⁶ Многие преподаватели, студенты и слушатели в это время находились в действующей армии.

⁷ С 1934 г. Улан-Удэ.

⁸ В данном случае отметим, что это не столько заезженный штамп советской историографии, сколько простая констатация факта.

⁹ См.: Обвинительный акт Приамурского военно-окружного суда по делу об участниках вооруженного восстания 16–17 октября 1907 г. [14, с. 143–172].

¹⁰ См.: Рапорт и.д. коменданта Владивостокской крепости ген-майора В.А. Ирмана командиру войсками военного округа П.Ф. Унтербергеру о подавлении восстания 16–17 октября и мерах по предупреждению новых революционных выступлений [14, с. 173–179].

¹¹ В своем докладе "Русское дело на Дальнем Востоке", сделанном в 1912 году для великого князя Александра Михайловича С.Д. Меркулов отмечает, что "95% прислуги в крепости Владивосток, если не включать в счет этой прислуги денщиков, приходится на долю китайцев" [28, с. 40]. То есть практически вся хозяйственная часть крепости не принадлежала к русской армии, на что и обратил внимание С.Д. Меркулов через более чем 30 лет с начала строительства крепости.

С.Д. Меркулов¹². Мнение о России как о военной державе в странах Азии в начале XX в. было уже далеко не тем, что в годы подписания Айгуньского договора и Пекинского трактата. "Россия в глазах китайцев ныне – самая слабая, беззащитная страна из соприкасающихся с Китаем народов" [28, с. 24]. Выводы и прогнозы С.Д. Меркулова, предназначенные в 1912 г. для царского правительства, полностью согласуются с выводами В.К. Арсеньева, сделанными в 1926–1927 гг. для советского¹³.

Несмотря на все трудности (финансовые, технические, кадровые и пр.) крепость постепенно превращалась в действительно мощное фортификационное сооружение. Следует отметить, что, хотя даже самая совершенная крепость сама по себе не решала проблемы безопасности дальневосточных границ, она вполне могла стать катализатором для развития приграничного региона. Главным же препятствием на пути превращения крепости в такой катализатор развития было упорное нежелание центральных властей смотреть на Дальний Восток как на территорию России, а не как на колонию. Чиновники, от которых зависело принятие того или иного решения, мыслили в тех же категориях, что и основная масса населения. В бытовом же обиходе в этот период понятия "Сибирь", "Россия", "Дальний Восток" воспринимались как однопорядковые, рядоположенные, а не как образующие политико-географическую иерархию: Россия → Сибирь, Дальний Восток¹⁴.

Оторванность Дальнего Востока от центральной России намечалось преодолеть постройкой Транссибирской магистрали. Эта постройка отвечала военно-стратегическим задачам¹⁵ в большей степени, чем экономическим, в отличие от Китайской Восточной железной дороги, являвшейся коммерческой авантюрой С.Ю. Витте. Хотя здесь вполне правомерно говорить об авантюристичности всей дальневосточной внешней политики царизма в целом [см.: 34, с. 149–152; 37, с. 429]. Особенно ясно ее показало поражение России в русско-японской войне, выявившее уязвимость КВЖД. Представления о военно-экономической слабости Японии не оправдались. Порт-Артур был потерян, а с ним и перспектива контроля над Маньчжурией. Тем не менее опыт Порт-Артура как крепости все же не пропал даром и был широко использован для укрепления Владивостокской крепости.

Хотя поражение в русско-японской войне и заставило царское правительство смотреть на Азию более реалистично, за постройкой крепости так и не последовали решительные экономические меры по закреплению Дальнего Востока. Считалось, что самой крепости вполне достаточно и нет необходимости увязывать ее сооружение с экономическим освоением региона. В этом отношении политика советской России на Дальнем Востоке, несмотря на, казалось бы, диаметрально идеологическую противоположность царской, оставалась первоначально прежней. Дальний Восток рассматривался только как источник ресурсов, тогда как строительство промышленных гигантов должно было осуществляться в европейской части страны. То, что оборона региона включает в себя и его экономическое развитие, по-прежнему приходилось объяснять и доказывать [35, с. 354–384].

¹² Тот самый Спиридон Дионисович Меркулов, который в 1921 г. возглавил Временное Приамурское правительство.

¹³ Формально великий князь, крайком ВКП(б) и ПП ОГПУ по ДВК, не являлись правительством, а были, так сказать, первыми инстанциями, которые могли довести содержание представленных докладов до центральных властей.

¹⁴ Самые яркие иллюстрации такого восприятия можно найти в публицистике и художественной литературе, характеризующих широко бытующие представления данного периода лучше, чем официальные документы. Достаточно упомянуть "Остров Сахалин" А.П. Чехова, где проведена четкая граница между Россией и Сибирью "... едучи из России в Сибирь... Пока ссыльный молод и крепок, то старается убежать возможно подальше, в Сибирь или Россию" [38, с. 35, 344].

¹⁵ Планы Х.К.Б фон Мольтке Старшего, базировавшиеся на представлении о стратегической важности железных дорог и настойчиво внедрявшиеся им в Германии, не были особым секретом для русского правительства. Впрочем, сами идеи покрытия страны железнодорожной сетью в военных целях, в это время "витами в воздухе".

Касаясь связи истории железнодорожного строительства на Дальнем Востоке с военно-оборонительной политикой, отметим только, что совместное развитие Транссибирской магистрали и Владивостокской крепости не столько оживило ситуацию на Дальнем Востоке, сколько стало предметом озабоченности и разногласий центральных властей. Так, согласно данным Стенографического отчета Государственной Думы за 1905–1914 гг., в 1909–1914 гг. "доходы государства с Приамурского генерал-губернаторства составляли 15 млн. руб., а расходы на этот край возросли с 55 млн. до 105 млн. руб. в год" [25, с. 307].

Детальный анализ мероприятий в области военного и экономического освоения Дальнего Востока, который должен охватывать взаимосвязанные вопросы вложений в капитальное строительство, динамики развития промышленности, социально-демографических процессов, баланса внешней и внутренней торговли, выходит за рамки предмета данной статьи. Заметим лишь, что военные расходы государства на Дальнем Востоке в рассматриваемый период превалировали над экономическими и социальными. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что царское правительство продолжало действовать в регионе в рамках политики колониализма (в марксистском понимании этого термина), и так и не перешло к политике его планомерного социально-экономического развития в качестве органической части страны.

До начала первой мировой войны крепость, пусть и падающими темпами, но все же строилась, становясь самым мощным фортификационным сооружением на Дальнем Востоке. С началом войны доставка цемента по железной дороге замедлилась, а с 1917 г. строительство полностью прекратилось. В итоге Владивостокская крепость так и не была "сдана в эксплуатацию под ключ". Тем не менее все построенные объекты образовали не просто вполне годный к обороне фортификационный объект, но выдающуюся по своей мощности оборонительную систему.

Суммируя изложенное, отметим, что строительство Владивостокской крепости было своевременной и необходимой мерой по укреплению дальневосточных границ Российской империи. Однако это строительство имело смысл только в купе со всеми остальными мерами по освоению Дальнего Востока. В этом плане царское правительство (как, впрочем, и последовавшее за ним советское) оказалось не на высоте понимания своих задач. Оно рассматривало крепость изолированно, только как военный объект, который создавался и существовал сам по себе. При строительстве крепости внимание фокусировалось прежде всего на сугубо технических вопросах, военно-экономические же оставались в небрежении. Соединить военное присутствие с экономическим укреплением региона удалось только частично. Главной помехой этому стал правительственный взгляд на Дальний Восток, как на обычный колониальный регион, который годен только для эксплуатации и нуждается лишь в военно-стратегической защите от соседей.

В результате Владивостокская крепость являлась больше символом русского военного присутствия на Дальнем Востоке, чем реальным фактором его безопасности. Но именно в этом качестве символа она сделала гораздо больше, чем просто как фортификационное сооружение. Из военного объекта крепость превратилась в маркер российского суверенитета, являющегося неизмеримо более важной ценностью. Действительно, крепость уже самим фактом своего существования в период строительства не просто концентрировала и привлекала к себе общественное внимание, но и стягивала к себе значительные интеллектуальные силы, став в этом смысле системообразующим элементом военно-оборонительной политики Российской империи на Дальнем Востоке.

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. "Назло надменному соседу". 1860–1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 383 с.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть III. "Крепость трех измерений". Владивосток: Дальнаука, 2016. 518 с.
4. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015. 378 с.
5. Авилов Р.С. "Создать вторую оборонительную линию...". Организация фортификационной обороны на подступах к Хабаровску в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Малмыжская позиция) // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI вв. (выпуск III) – Хабаровск: КГБНУК "ХКМ им. Н.И. Гродекова". 2019. С. 92–115.
6. Авилов Р.С. "Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать..." История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 181 с.
7. Авилов Р.С. Введение военно-окружной системы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых (с международным участием), Владивосток, 18–22 апреля: программа и тезисы. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 117–120.
8. Авилов Р.С. Восточный Сибирский военный округ (1864–1884 гг.): страницы истории. // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 3–9.
9. Авилов Р.С. Организация крепостной обороны низовьев и устья Амура накануне Русско-японской войны 1895–1904 гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 61–74.
10. Авилов Р.С. Создание Приамурского военного округа: внешнеполитический фактор (1882–1887 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3 (15). 2011. С. 48–52.
11. Арсеньев В.К. Доклад Дальневосточному краевому комитету Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) // Желтая опасность. Владивосток: Ворон, 1996. С. 93–117.
12. Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Крепость Владивосток. Создание и развитие в 1860–1899 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток: Дальнаука, 1998. Том. 3. С. 219–236.
13. Будберг А.П. Сибирские Воспоминания. Владивосток: Общество изучения Амурского края – Приморское отделение Русского географического общества, 2017. 434 с.
14. Владивосток. Сборник исторических документов (1860–1907 гг.). Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. 220 с.
15. Воробьева В.В. Русские здесь остаются навсегда // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 71–76.
16. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
17. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток: Дальнаука, 2004. 616 с.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
19. История русской армии и флота. В 15 т. Т. 13. М.: Изд. Московского Книгоиздательского Тов-ва "Образование", 1913. 156 с.
20. Калинин В.И., Иванов Ю.В., Гаврилкин Н.В., Зайцев Ю.М., Стехов А.В. Ворошиловская батарея. Башни линкора "Полтава" в береговой обороне. Владивосток: Дальнаука, 2011. 320 с.
21. Калинин В.И., Панасенко А.Е., Иванов Ю.В., Щербаков В.Б., Гаврилкин Н.В. Младший брат Русского острова: остров Аскольд и его оборонительные сооружения. Владивосток: Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2019. 216 с.
22. Карбышев Д.М. "Линия Мажино и позиция Зигфрида" // Военная мысль. 1939. № 11. С. 126–142.
23. Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 тт. М.: Мысль. Т. 1. 1989.
24. Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Выпуск 3. Владивосток: Дальнаука, 2008. 352 с.
25. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 384 с.

26. Ленин В.И. О сепаратном мире // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Политиздат, 1973. С. 184–192.
27. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Усури, 1990. 304 с.
28. Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке // Желтая опасность. Владивосток: Ворон. 1996. С. 11–89.
29. Ненахов Ю.Ю. Войска спецназначения во второй мировой войне. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 736 с.
30. Панисьяк И.В. Сибирская флотилия – предшественница Тихоокеанского флота. // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 91–93.
31. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. Том 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 528 с.
32. Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. 263 с.
33. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. 620 с.
34. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
35. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. СПб., 1912. 428 с.
36. Федоров А. Штурм с неба // Военная история. [б. г.]. № 9. С. 6–8.
37. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: "Феникс", 1999. 512 с.
38. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 14–15. М.: Наука. 1987. 929 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' I. "Nazlo nadmennomu sosedu". 1860–1905 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 383 s.
2. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' II. Uroki Port-Artura. 1906–1917 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 408 s.
3. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' III. "Krepost' trekh izmerenij". Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 518 s.
4. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' IV. Inzhenery Vladivostokskoj kreposti: schastlivye lyudi. Vladivostok: Dal'nauka, 2015. 378 s.
5. Avilov R.S. "Sozdat' vtoruyu oboronitel'nyuyu liniyu...". Organizatsiya fortifikatsionnoj oborony na podstupakh k Khabarovsku v gody Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. (Malmyzhskaya pozitsiya) // Aktual'nye problemy izucheniya istorii stran ATR v XIX–XXI vv. (vypusk III) – Khabarovsk: KGBNUK "KHKM im. N.I. Grodekova". 2019. S. 92–115.
6. Avilov R.S. "Dlya okhraneniya granits YUzhno-Ussurijskogo kraja sformirovat'..." Istoriya sozdaniya i sluzhby regul'yarnoj kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869–1914 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 181 s.
7. Avilov R.S. Vvedenie voenno-okruzhnoj sistemy v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii // Tikhookeanskoe vremya Rossii i mira: kul'tura, istoriya, politika: XIII vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh (s mezhdunarodnym uchastiem), Vladivostok, 18–22 aprelya: programma i tezisy. Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevost. federal. unta, 2012. S. 117–120.
8. Avilov R.S. Vostochnyj Sibirskij voennyj okrug (1864–1884 gg.): stranitsy istorii. // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2013. № 12. S. 3–9.
9. Avilov R.S. Organizatsiya krepostnoj oborony nizov'ev i ust'ya Amura nakanune Russko-yaponskoj vojny 1895–1904 gg. // Rossiya i ATR. 2019. № 2. S. 61–74.
10. Avilov R.S. Sozdanie Priamurskogo voennogo okruga: vneshnepoliticheskij faktor (1882–1887 gg.) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2011. № 3 (15). 2011. S. 48–52.
11. Arsen'ev V.K. Doklad Dal'nevostochnomu kraevomu komitetu Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) // ZHeltaya opasnost'. Vladivostok: Voron, 1996. S. 93–117.
12. Ayushin N.B., Kalinin V.I. Krepost' Vladivostok. Sozdanie i razvitie v 1860-1899 gg. // Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. Tom. 3. S. 219–236.
13. Budberg A.P. Sibirskie Vospominaniya. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraja – Primorskoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva, 2017. 434 s.

14. Vladivostok. Sbornik istoricheskikh dokumentov (1860–1907 gg.). Vladivostok: Primorskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 220 s.
15. Vorob'eva V.V. Russkie zdes' ostayutsya navsegda // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2004. № 7. S. 71–76.
16. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 704 s.
17. Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh. 1899–1939. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 616 s.
18. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). M.: Nauka, 1990. 471 s.
19. Istoriya russskoj armii i flota. V 15 t. T. 13. M.: Izd. Moskovskogo Knigoizdatel'skogo Tov-va "Obrazovanie", 1913. 156 s.
20. Kalinin V.I., Ivanov YU.V., Gavrilkin N.V., Zajtsev YU.M., Stekhov A.V. Voroshilovskaya batareya. Bashni linkora "Poltava" v beregovoj oborone. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 320 s.
21. Kalinin V.I., Panasenko A.E., Ivanov YU.V., SHHerbakov V.B., Gavrilkin N.V. Mladshij brat Russkogo ostrova: ostrov Askol'd i ego oboronitel'nye sooruzheniya. Vladivostok: Obshhestvo izucheniya Amurskogo kraja – Primorskoe kraevoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshhestva, 2019. 216 s.
22. Karbyshev D.M. "Liniya Mazhino i pozitsiya Zigfrida" // Voennaya mysl'. 1939. № 11. S. 126–142.
23. Klyuchevskij V.O. Sobranie sochinenij v 9 tt. M.: Mysl'. T. 1. 1989.
24. Krepost' Rossiya: Istoriko-fortifikatsionnyj sbornik. Vypusk 3. Vladivostok: Dal'nauka, 2008. 352 s.
25. Kutakov L.N. Rossiya i YAponiya. M.: Nauka, 1988. 384 s.
26. Lenin V.I. O separatnom mire // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij. T. 30. M.: Politizdat, 1973. S. 184–192.
27. Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka. Vladivostok: Ussuri, 1990. 304 s.
28. Merkulov S.D. Russkoe delo na Dal'nem Vostoke // ZHeltaya opasnost'. Vladivostok: Voron. 1996. S. 11–89.
29. Nenakhov YU.YU. Vojska spetsnaznacheniya vo vtoroj mirovoj vojne. Mn.: KHarvest, M.: ACT, 2000. 736 s.
30. Panisyak I.V. Sibirskaya flotiliya – predshestvennitsa Tikhookeanskogo flota. // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1999. № 2. S. 91–93.
31. Rediger A.F. Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. V 2-kh t. Tom 1. M.: Kanon-press; Kuchkovo pole, 1999. 528 s.
32. Svechin A.A. Strategiya. M.: Voennyj vestnik, 1927. 263 s.
33. Svechin A.A. EHvolyutsiya voennogo iskusstva. Tom II. M-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Otdel voennoj literatury, 1928. 620 s.
34. Skhimmel'pennink van der Oje D. Navstrechu Voskhodyashhemu solntsu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s YAponiej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 421 s.
35. Unterberger P.F. Priamurskij kraj. SPb., 1912. 428 s.
36. Fedorov A. SHTurm s neba // Voennaya istoriya. [b. g.]. № 9. S. 6–8.
37. KHobsbaum EH. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: "Feniks", 1999. 512 s.
38. CHekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t. T. 14–15. M.: Nauka. 1987. 929 s.

Караман В. Н. Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.).

Статья посвящена Владивостокской крепости. Рассматривается ее роль в российской военно-оборонительной политике на Дальнем Востоке в 1880-е–1920-е гг. Автор дает краткий анализ воздействия Владивостокской крепости от возникновения идеи, строительства и до момента ее упразднения в 1923 г. на процессы, определявшие и влиявшие на военно-оборонительную политику Российской империи на Дальнем Востоке. Роль Владивостокской крепости тесно увязывается с общей колонизацией и освоением региона. Так же рассматриваются вопросы взаимодействия общеимперской динамики развития и освоения с региональной на фоне строительства крупнейшего на Дальнем Востоке фортификационного сооружения, долженствовавшего стать военной доминантой этого региона.

Ключевые слова: *Владивостокская крепость, военное дело, Дальний Восток, колониальная политика, международные отношения, фортификация*

Karaman V. N. Vladivostok Fortress in the context of Russian military-defense policy in the Far East (1879–1923).

The article is devoted to the Vladivostok Fortress. It is considered its role in the Russian military-defense policy in the Far East for the 1880s–1920s. The author gives a brief analysis of the impact of the Vladivostok Fortress from the idea of the emergence, construction and until its abolition in 1923 on the processes that determined the Russian Empire informed on the military-defensive policy in the Far East. The role of the Vladivostok Fortress is closely linked to the general colonization and development of the region. It is also considered issues of interaction between the general imperial dynamics of development with a regional one in the background with the large-scale construction of the largest object of the fortification structure, which must become military dominant in the region.

Key words: *Vladivostok fortress, military affairs, the Far East, international relations, fortification*

Для цитирования: Караман В. Н. Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 90–101. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/90-101

For citation: Karaman V. N. Vladivostok Fortress in the context of Russian military-defense policy in the Far East (1879–1923) // Oikumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 90–101. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/90-101

Об особенностях загрязнения поверхностных вод на территории Дальнего Востока России

По данным Всемирной организации здравоохранения 80% заболеваний людей на нашей планете связано с употреблением некачественной питьевой воды; сотни миллионов людей испытывают острый недостаток воды; из-за водных ресурсов фиксируются конфликты между такими странами, как Египет и Эфиопия, Узбекистан и Таджикистан. В связи с этим изучение особенностей загрязнения воды является актуальным.

Объектом научных исследований данной статьи является Дальний Восток России (ДВ).

Предметом исследований является характеристика объекта (ДВ) и особенностей его природно-антропогенных условий существования.

В географическом отношении к ДВ относят те субъекты, которые входят в "притихоокеанскую часть России" [10]. Рассматриваемый регион, который протянулся с юга на север на 4,5 тыс. км и занимает площадь 3,118 млн. кв. км, делят на две части: 1) южную, куда входят Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область, Сахалинская область, включающая Курильские острова; 2) северную, включающую Камчатский край, Магаданскую область и Чукотский автономный округ.

Цель статьи – изучение особенностей экологического состояния поверхностных вод ДВ в территориальном отношении с приоритетом в исследовании рек, озер, водохранилищ.

В изучении данной темы применялись следующие методы: статистический, гидрохимический, сравнительно-географический, картографический и другие.

Фактический материал, который использовал автор, это в основном доклады о состоянии окружающей среды за последние годы по каждому из субъектов ДВ, которые публикуются Минприроды РФ, а также публикации автора и его коллег. Следует заметить, что автор с 80-х гг. XX в. интересуется экологическим состоянием региона, вследствие чего постарался использовать сравнительный метод в широком временном диапазоне. При характеристике данной темы следует хотя бы кратко осветить те общие физико-географические условия региона, которые во многом определяют особенности загрязнения поверхностных вод: 1) его расположение в контактной зоне между самыми крупными геоструктурами Земли – континентом Евразия и Тихим океаном, что определяет наличие на значительной площади муссонного климата, в меньшей степени – морского климата, что обуславливает достаточное увлажнение; 2) это увлажнение на фоне умеренного испарения определяет развитие густой гидросети, а значит больших запасов водных ресурсов. В описании субъектов ДВ мы придерживались последовательности изложения материала с юга на север.

Приморский край [5]. Он входит в число наиболее развитых в экономическом отношении субъектов ДВ, занимая 1-ое место по численности населения (1,88 млн человек на 2020 г.), а также количеству городов – 12, уровню автомобилизации (983,5 тыс. автомобилей), развитию транспортной инфраструктуры, грузообороту и мощности топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Приморский край был выбран автором в качестве ключевого участка среди других субъектов ДВ, так как он характеризуется наибольшей степе-

Таблица 1. Основные водные ресурсы субъектов Дальнего Востока и объёмы сбрасываемых в них сточных вод (млн. кубометров)

№	Название субъекта	Количество рек	Количество озёр	Объёмы сбросов
1	Приморский край	6000	4684	479,04
2	Хабаровский край	8200	56000	324,15
3	Амурская область	29000	25400	77,82
4	Сахалинская область	65175	17219	131,5
5	Камчатский край	112000	100000	128,29
6	Магаданская область	260000	24600	47,34
7	Еврейская автономная область	5017	3000	13,58
8	Чукотский автономный округ	315425	252000	20,71

Источник: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

нию хозяйственного освоения. В связи с этим его характеристика даётся более детально.

Гидрографическая сеть края густая и включает 6000 рек длиной более 10 км, а также 4684 озера и ряд водохранилищ. Из рек самой крупной в крае является Усури, относящаяся к бассейну р. Амур, а из озёр – Ханка (самое большое на ДВ).

Значительное загрязнение поверхностных вод отмечалось Приморгидрометом ещё в 60–70-х гг. XX в. [9]. Установлено, что из рек в наибольшей степени загрязнены Усури и водотоки, впадающие в залив Петра Великого (Раздольная, Партизанская и др.). Например, р. Усури во второй половине прошлого века была загрязнена фенолами (5–10, временами до 80 ПДК – предельно допустимой концентрации), аммонийным азотом (3–4, временами до 70 ПДК), НП – нефтепродуктами (7–40, временами до 60 ПДК), а также соединениями меди (4–14 ПДК) и пестицидами (ДДТ – 0,59 мкг/л). Уже в XXI в. её притоки имели такое загрязнение [5, 13]: р. Дачная по БПК–5 (биологическому потреблению кислорода) до 38,2 ПДК, по аммонийному азоту – до 21,9 ПДК, по фосфатам – до 15,9 ПДК, в р. Спасовка по марганцу – до 49 ПДК, а по кадмию – до 4,1 ПДК.

Группа китайских и русских учёных совместно установили, что р. Усури загрязняется как со стороны Китая, так и с территории РФ [13]. Так по НП ПДК превышалась местами в 8–22 раза. Причём за период 2008–12 гг. загрязнение соединениями азота и фосфора увеличилось в 2–4 раза. Особенно неблагоприятной является экологическая ситуация в р. Дачная, которая на протяжении многих лет оценивалась как "экстремально грязная". ПДК по железу, марганцу, ртути превышалась в ней более чем в 10 раз.

О значительном трансграничном влиянии сбросов промышленных и аграрных предприятий Китая свидетельствует также и состояние р. Раздольная, впадающей в Амурский залив. Уже на границе с Китаем вода в реке оценивается как "загрязненная", а ниже г. Усурийск её санитарное состояние признаётся "катастрофическим": содержания по НП достигают 2–5 ПДК, по фенолам 30–40 ПДК, по нитритному азоту 20 ПДК. В её воде отмечают также повышенное содержание детергентов и пестицидов. Основными источниками загрязнения, кроме предприятий и ЖКХ Усурийска, являются аграрные комплексы и участки складирования пестицидов. Широкий комплекс исследований, проведённых автором [12] по рекам, впадающим в залив Находка, установил, что в некоторых водотоках количество поллютантов с превышением ПДК достигает 13–14 (Партизанская, Хмыловка, Каменка). Из них самой загрязненной представляется р. Партизанская, где уровень "высокое загрязнение" (ВЗ) зафиксирован по 7 компонентам (ВВ - взвешенные вещества): 31,9 ПДК, НП – 25 ПДК, магний – 22 ПДК, ХПК, то есть химическое потребление кислорода – 21,4 ПДК, натрий – 19,3 ПДК, цинк – 16 ПДК, свинец – 15 ПДК.

Важно заметить, что во время наводнений уровень в реках края может вырасти на 7 м, а концентрация взвешенных веществ (ВВ) в десятки раз [11]. Это приводит к нарушению водоснабжения почти всех населенных пунктов края, опасности возникновения инфекционных заболеваний.

Учтем, что годовой сброс сточных вод в гидросеть края составляет 479,04 млн. кубометров (*табл. 1*).

Из всех городов края самый крупный – Владивосток – оказывает на гидросеть города самое сильное антропогенное воздействие. На протяжении многих лет из всего объема его стоков очищалось всего лишь 6% и только после 2014 г. – 25%. Вследствие этого концентрации ртути превышали ПДК в водотоке Первая Речка в 240 раз, в р. Объяснения в 200 раз, Вторая Речка от 60 до 90 раз.

Главная особенность Владивостока – он единственный город в Приморье, который получает воду из поверхностных источников. Основные водосточники – это Пионерское, Богатинское и Артемовское водохранилища. Периодически в них отмечается загрязнение по ряду компонентов.

Около 88% населения обеспечено доброкачественной водой. В городах чистую питьевую воду получают около 92%, в сельских же поселениях эта цифра ниже – около 75%.

По сравнению с другими регионами России, в Приморье химическое загрязнение питьевой воды находится на благоприятном уровне. За последние 15 лет сброс стоков от промышленных предприятий сократился на 25-30%.

При этом низкое качество питьевой воды отмечается в одиннадцати районах Приморского края. В питьевой воде часто отмечают значительное превышение ПДК по железу. Но это связано не столько с самими водосточниками. Мягкая питьевая вода, проходя по трубам, вступает в реакцию с коррозией металла, и выщелачивает её. Происходит вторичное загрязнение воды.

Кроме того, некачественная питьевая вода обусловлена устаревшим оборудованием на водоочистных станциях или их полным отсутствием. В 2019 г. в питьевой воде Приморского края не регистрировалось превышений гигиенических нормативов по содержанию тяжелых металлов, не обнаружено патогенной и условно патогенной микрофлоры, возбудителей паразитарных инвазий, степень потенциальной эпидемической опасности питьевой воды в целом по Приморскому краю в течение 3-х лет оценивается как средняя.

В централизованных системах водоснабжения Приморского края было зафиксировано несоответствие нормативам по санитарно-химическим показателям в 31,6% взятых проб, по микробиологическим показателям – в 8,8% проб. В нецентрализованных системах водоснабжения не соответствовало нормативам качества в 40,2% проб по санитарно-химическим показателям и в 52,1% проб по микробиологическим показателям.

Хабаровский край [7]. Численность его населения составляет 1,3 млн человек. Край выделяется развитым машиностроением, горно-добывающей промышленностью и металлургией. Город Хабаровск является центром машиностроения ДВ и самым крупным в регионе по населению (618 тыс. человек). Основной вклад в сбросы (общий объем 324,15 млн. кубометров) от стационарных источников (*см. табл. 1*) вносят ТЭЖ (Хабаровская ТЭЦ-1, ТЭЦ-3, многочисленные котельные), Хабаровский нефтеперерабатывающий завод – НПЗ и предприятия машиностроения.

Поверхностные водные объекты на территории края представлены огромным количеством водотоков (более 200 тысяч) общей длиной 550 тыс. км, в том числе 142 – длиной более 100 км, 8200 – длиной более 10 км. Река Амур – главная речная артерия не только края, но и всего региона. Его длина 2 824 км, общая площадь бассейна 1 855 тыс. кв. км. Устье реки доступно для морских судов, которые могут подниматься по большой воде до г. Хабаровска. Водные объекты, расположенные на территории края, используются на нужды промышленности, сельского хозяйства и населения (водозабор и водоотведение, шахтный водоотлив), а также для судоходства, рекреации, рыбозаболевания.

Серьезной экологической проблемой является возникновение чрезвычайных ситуаций в результате наводнений.

Сложная водохозяйственная ситуация складывается на реках бассейна р. Амура, который традиционно относится к одним из наиболее паводкоопас-

ных районов в России. Периодически затоплению и загрязнению водозаборов подвергаются отдельные территории городов Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре, Бикина, 157 населенных пунктов края с населением около 80 тыс. человек, хозяйственные объекты и более 40 тыс. га сельскохозяйственных угодий.

Крупные наводнения, с высоким уровнем стояния вод, произошли в последние десятилетия – в 1976, 1984, 1989, 2004, 2009 гг., но самое катастрофическое в 2013 г.: 4 сентября уровень воды у г. Хабаровск достиг 808 см (рекордный уровень, зафиксированный в 1897 г., составлял 642 см). В результате погибло 85 человек, пропало без вести 105 человек, а 840 тысяч человек было эвакуировано. Зоны бедствия охватили в РФ Хабаровский и Приморский края, Амурскую область и Еврейскую автономную область. Только для сельского хозяйства ущерб составил более 10 млрд. рублей.

Бытовое водопотребление на душу населения в Хабаровском крае – 75,913 м³/год на человека, что выше как показателя федерального округа (66,583 м³/год на человека), так и среднероссийского показателя (56,205 м³/год на человека).

Река Амур является наиболее важным водохозяйственным объектом для городов Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Николаевск-на-Амуре, где сконцентрировано большинство промышленных предприятий. В районе сброса сточных вод этих предприятий в р. Амур наблюдаются повышенные концентрации железа общего, фенолов, алюминия, азота аммонийного, азота нитритного, меди. Промпредприятия и водоканалы выше перечисленных городов сбрасывают в поверхностные воды смесь хозяйственно-бытовых и промышленных сточных вод, которые имеют в своем составе широкий спектр загрязняющих веществ.

Ухудшение качества воды в Амуре и его крупных притоках обуславливают снижение рыбохозяйственного и рекреационного потенциалов. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе расценивается как стабильно-напряженная. Качество воды в Амуре по микробиологическим показателям постоянно ухудшается. Участились за последние годы факты выделения в пробах воды из Амура возбудителей вирусных инфекционных заболеваний. За последние 40-50 лет в связи со значительным по интенсивности хозяйственным освоением природных ресурсов, строительством новых и увеличением производственных мощностей действующих промышленных и агропромышленных предприятий, развитием городов и населенных пунктов, созданием прудов, водохранилищ, вырубкой на больших территориях лесных массивов, воздействием на геозкосистемы водосбросов возросло, и стала заметной их антропогенная деградация. Объем загрязнения сточных вод по Хабаровскому краю, сбрасываемых в поверхностные объекты, составил в отчетном году 187,68 млн. м³, загрязненных без очистки – 44,13 млн. м³. В водные источники, используемые для питьевого водоснабжения, поступают металлы, НП, детергенты, соединения азота, фосфора и др. Объем сброса недостаточно очищенных сточных вод по Хабаровскому краю составил в 2011 г. 143,54 млн. м³. В разрезе отраслей наибольшие объемы сброса сточных вод отмечаются на предприятиях ЖКХ – 50,9 % от общего объема сброса сточных вод по краю; на предприятиях промышленности, теплоэнергетики, др. отраслях – 49%, сельского хозяйства – 0,1%. Ежегодно отмечается, что в коммунальном хозяйстве теряются значительные объемы воды – 83% от общего объема потерь по краю, что связано с изношенностью водопроводных сетей, несовершенством запорной аппаратуры. Отсутствие достаточного финансирования не позволяет предприятиям ЖКХ выполнять работы по замене водопроводных сетей в требуемых объемах.

Амурская область [1]. Численность населения области составляет 782 тыс. человек. В г. Благовещенск основные источники загрязнения поверхностных вод: Благовещенская ТЭЦ, котельные, предприятия пищевой отрасли. В связи с этим объемы сточных вод достигают 77, 82 млн. кубометров (см. табл. 1).

По территории области протекает 2628 рек длиной более 10 км, в том числе 31 протяженностью более 200 км. Крупнейшие реки области длиной более 500 км: Амур, Зея, Бурей, Селемджа, Гиллой, Олекма, Нюкжа. На территории области сосредоточено 25,4 тысячи озер.

Искусственные водные объекты представлены тремя крупными водохранилищами: Зейским, Бурейским и Нижне-Бурейским. В 2019 г. сброс сточных вод, включая шахтно-рудничные и коллекторно-дренажные, составил 77,82 млн. м³, в том числе в поверхностные водные объекты Амурской области – 75,26 млн. м³, что на 3 % (2,16 млн. м³) больше чем в 2018 г.

В 2019 г. отмечается значительное увеличение сброса тяжелых металлов, за исключением свинца и цинка.

Увеличение марганца (+146,9%) и железа (+262,5%) связано с деятельностью АО "Амурский уголь".

Увеличение содержания меди (+10,1%) обусловлено также её концентрацией в карьерно-дренажных водах угольных разрезов.

Сброс хрома увеличился за счет сточных вод п. Новобурейский (МУП "Флагман") в связи с увеличением их объёма.

Сброс ВВ увеличился за счет карьерно-дренажных вод Ерковецкого угольного разреза АО "Амурский уголь".

В структуре забора воды по видам экономической деятельности большая доля потребления воды приходится на отрасли: 1) добыча полезных ископаемых – 48,5 %; 2) водоснабжение – 42,27 %; 3) теплоэлектроэнергетика – 9,24 %; 4) остальные отрасли – по 1-2 %.

Систематические наблюдения за гидрохимическим режимом р. Амур в пределах Амурской области осуществляются в 3-х пунктах: с. Игнашино, с. Черняево и г. Благовещенск.

Наибольшую долю в общую оценку степени загрязненности воды внесли соединения меди, алюминия, марганца и цинка, а также трудноокисляемые органические вещества (по ХПК).

Качество воды у села Игнашино характеризуется 3-м классом с разрядом "б" и вода, аналогично предыдущему году, классифицируется как "очень загрязненная". На уровне характерного загрязнения (100 %) присутствовали в воде аммонийный азот и соединения алюминия, их среднегодовые величины составляли 2 ПДК и 2,5 ПДК (в 2018 г. – 1 ПДК и 1,8 ПДК).

Критический уровень достигнут по содержанию алюминия.

У г. Благовещенск в р. Амур среднегодовые концентрации соединений цинка и алюминия возросли до уровней 2,4 и 2,8 ПДК соответственно, в 2018 г. – 1,8 и 1,9 ПДК. В тоже время относительно предыдущего периода наблюдений снизились максимальные и средние за год концентрации соединений железа соответственно в 4,4 и 1,4 раза, меди – в 1,5 и 1,3 раза. В 5 км ниже города загрязненность соединениями цинка возросла от 25 до 41 % по числу случаев превышения ПДК, по соединениям алюминия – от 85 до 91 %. Среднегодовые концентрации данных показателей также возросли от значений менее 1 ПДК до 1,8 ПДК и от 2,1 ПДК до 3,4 ПДК соответственно. Основным поставщиком загрязняющих веществ техногенного происхождения на рассматриваемом участке р. Амур с российской стороны является г. Благовещенск. Подавляющая часть загрязненных сточных вод поступает от АО "Амурские коммунальные системы" – 21533 тыс. м³/ 2019 г. (около 96,9 % от общего объема по городу). Сточные воды загрязнены органическими веществами, азотом аммонийным, фосфатами, нитритами.

Вода в Зейском водохранилище в целом в 2019 г. отнесена к 3 классу разряду "а" и оценена как "загрязненная". Характерными загрязняющими веществами были трудноокисляемые органические вещества, соединения железа, меди, алюминия и марганца, с нарушением норматива в 57-99 % проб воды. Отмечалась устойчивая загрязненность азотом аммонийным (32 %) со средними значениями концентрации на уровне 1 ПДК и неустойчивая со среднегодовыми концентрациями менее 1 ПДК с нарушением норматива в 7-14 % проб.

Качество воды осталось на уровне 2018 г.: "очень загрязненная" 3-й класс, разряд "б".

В 2019 г. значительно возросли среднегодовые и максимальные концентрации соединений марганца до 7,7 ПДК и 19,4 ПДК соответственно, в 2018 г. соответствовали 1,8 ПДК и 2,5 ПДК. Качество воды в р. Буря у с. Саскаль ухудшилось, разряд "а" сменился на разряд "б", но в пределах 3-го класса и вода оценивается как "очень загрязненная". В химическом составе воды есть некоторые изменения, которые проявились в увеличении среднего-

довой концентрации соединений алюминия до уровня 3,6 ПДК, максимальная величина на уровне 11,1 ПДК (уровень ВЗ – высокого загрязнения), в 2018 г. концентрации были на уровне 1,8 ПДК и 2,8 ПДК соответственно. Характерный уровень загрязненности отмечается соединениями железа, алюминия и марганца (с частотой нарушения норматива в 60-100 %), их средние за год концентрации составляли соответственно 10,5 ПДК, 3,6 ПДК и 1,9 ПДК, в 2018 г. были на уровне 8,7 ПДК, 1,5 ПДК, 1 ПДК. У города Зeya качество воды р. Зeya значительно улучшилось. Количество загрязняющих веществ на уровне 2018 г.: 8 из 17, учитываемых в комплексной оценке. Загрязнение соединениями цинка от характерного уровня (93 % повторяемости превышений ПДК) перешло к неустойчивому (14,3 %). Среднегодовая концентрация снизилась с 5,6 ПДК до значения менее 1 ПДК, максимальная – с 19,3 ПДК до 1,5 ПДК. Относительно 2018 г. средняя концентрация соединений меди уменьшилась в 8,3 раза, максимальная – в 24 раза. Характерными загрязняющими веществами (с повторяемостью 50-100 %) являлись трудноокисляемые органические вещества и азот аммонийный. Кроме того, характерная загрязненность отмечалась по соединениям железа, меди, алюминия и марганца с повторяемостью нарушения норматива в 57-100 % проб воды. Случаев ВЗ и ЭВЗ не обнаружено. Критический уровень загрязненности достигнут по соединениям алюминия в обоих створах.

У города Свободный качество воды в реке осталось на уровне 2018 г. – 3 класс, разряд "б" и характеризуется как "очень загрязненная". Характерный уровень загрязненности соединениями меди (64 %) сменился неустойчивым (36 %) загрязнением, среднегодовая концентрация уменьшилась незначительно – с 1,5 ПДК в 2018 г. до 1 ПДК в 2019 г., максимальная концентрация несколько повысилась и составила 4,1 ПДК, в 2018 г. – 3,8 ПДК.

Качество воды в р. Зeya у г. Благовещенск ухудшилось: в обоих створах разряд "а" сменился на разряд "б" ("очень загрязненная") в пределах 3-го класса. Сохранилась характерная загрязненность трудноокисляемыми органическими веществами, азотом аммонийным, соединениями железа, меди, цинка, алюминия и марганца. В створе 1 км выше города выявлено 2 случая высокого загрязнения соединениями алюминия (11 ПДК) и цинка (13 ПДК). На изучаемом участке в створе 0,5 км ниже ст. Бурья выявлен случай ЭВЗ на уровне 62,7 ПДК и случай высокого загрязнения соединениями марганца на уровне 36,3 ПДК в створе 0,2 км выше ст. Бурья. Возросли среднегодовые и максимальные концентрации марганца до 13 ПДК и 49 ПДК соответственно, в 2018 г. составляли 10 ПДК и 36 ПДК соответственно. На данном участке реки выявлены случаи ВЗ по соединениям алюминия на уровне 10,6 и 11,6 ПДК, марганца – 48,8 ПДК и цинка – 15 ПДК. Кроме того, загрязняющие вещества поступают в реки с тальми водами из отвалов угольных разрезов АО "Амурский уголь", расположенных в пойме реки. В 2019 г. значительно снизилось содержание соединений цинка. Максимальная концентрация в 2018 г. достигала уровня ВЗ и составляла 16 ПДК, в отчетном году – 8,5 ПДК. При этом среднегодовые концентрации по таким показателям, как органические вещества (по ХПК), азот аммонийный, железо общее, соединения меди, алюминия и марганца, выше, чем в 2018 г. Критический уровень загрязненности воды был достигнут по содержанию алюминия и железа, среднегодовые концентрации которых увеличились по сравнению с 2018 г. от 6 до 8 ПДК и от 8 до 9 ПДК соответственно. В то же время отмечено снижение загрязненности соединениями марганца, среднегодовая концентрация которого уменьшилась почти в 3 раза и составила 2,8 ПДК (в 2018 г. – 7,4 ПДК).

Для водных объектов области характерна загрязненность соединениями меди, марганца, железа, цинка, алюминия. Загрязненность данными показателями встречается практически в каждом водном объекте и имеет разный уровень загрязненности по кратности превышения ПДК.

Еврейская автономная область (ЕАО) [2]. Численность её населения 156 тыс. человек. Реки бассейна испытывают большую антропогенную нагрузку. Основными виновниками загрязнения поверхностных вод бассейна Амура остаются золотодобывающие предприятия, промышленные центры и угледобывающие предприятия, расположенные в верховьях Амура, а также железнодорожный транспорт, предприятия пищевой промышленности, объ-

екты коммунального хозяйства. В связи с этим объёмы сбросов сточных вод составляют 13,58 млн. кубометров (см. табл. 1).

В городе Биробиджан основной вклад в сбросы от стационарных источников вносят Биробиджанская ТЭЦ, завод силовых трансформаторов, а также предприятия ЖКХ. Кроме того, реки этого субъекта оказывают частичное трансграничное влияние на р. Сунгари. Ее водосбор целиком находится на территории Китая. Качественный состав этого притока формируется под влиянием сброса сточных вод населенных пунктов КНР и поверхностного стока с территории, активно используемой сельскохозяйственными предприятиями.

В соответствии с Программой мероприятий по осуществлению совместного российско-китайского мониторинга в 2019 г. пробы воды для оценки влияния р. Сунгари отбирались в двух створах: 1) с. Амурзет – г. Миншань (фоновый створ). По сравнению с 2018 г. качество воды р. Амур не изменилось; 2) с. Нижнеленинское – г. Тунцзян (контрольный створ). Качество воды в 2019 г. улучшилось на один класс (2-й класс "слабо загрязненная"). Как и в прошлом году, основными загрязняющими веществами являлись органические вещества, аммонийный азот, железо, медь, цинк и марганец.

Воды рек ЕАО в основном характеризовались средним уровнем загрязненности по большинству показателей. Низкий уровень наблюдался по органическим веществам (ХПК и БПК-5), соединениям азота. Основной объем сброса сточных вод в водные объекты осуществляется предприятиями ЖКХ и относится к хозяйственно-бытовым стокам. На их долю приходится более 90% всех сбросов. Основными загрязняющими веществами, поступающими в водные объекты с данных предприятий, являются следующие: БПК полное, взвешенные вещества, азот аммонийный, нитриты, нитраты, железо, жиры, детергенты, фосфаты.

Многие из существующих очистных сооружений построены более 30 лет тому назад и не отвечают современному уровню развития. Крупнейшим источником сброса загрязненных сточных вод является МУП "Водоканал" города Биробиджана, на долю которого приходится более 68% всех канализационных стоков области.

Качество питьевых подземных вод на водозаборах не вызывает особых опасений, за исключением естественных природных некондиций.

Наихудшая ситуация с загрязнением питьевой воды железом и марганцем складывается в Ленинском районе (40,4 и 50,0 % неудовлетворительных проб соответственно), Биробиджанском районе (52,5 и 11,3%), Октябрьском (38,9 и 47,1%) и Смидовичском районах (44,2 и 51,9%).

Ухудшается ситуация с микробным загрязнением питьевой воды. Доля неудовлетворительных проб в источниках централизованного водоснабжения увеличилась в 2019 г. до 9,7 %, тогда как она составляла лишь 3,7 %.

Причинами низкого качества питьевой воды являются в первую очередь факторы природного характера: 1) повышенное содержание в воде водородных горизонтов соединений железа и марганца; 2) отсутствие эффективной водоочистки в отношении растворенных вредных химических веществ (нитраты); 3) отсутствие или ненадлежащее состояние зон санитарной охраны водоисточников; 4) высокая изношенность водопроводов и разводящих сетей, приводящая к вторичному загрязнению воды.

Сахалинская область [6]. Численность населения 488 тыс. человек. Этот регион является единственным островным в РФ. Он в наибольшей степени страдает от загрязнения нефтегазодобычи. В г. Южно-Сахалинск основные источники загрязнения: ТЭК, предприятия рыбной промышленности и ЖКХ. Река Охинка (г. Оха) стала одной из самых загрязненных рек о. Сахалина. Источниками загрязнения водоема являются нефтедобывающие предприятия, которые расположены по всей длине реки. Причинами загрязнения являются отсутствие необходимых очистных сооружений, неудовлетворительная работа имеющихся, а также открытая система нефтесбора, потери нефти при транспортировке. В отчетном году среднегодовые концентрации НП снизились почти в два раза и находились на уровне 89,2 ПДК, но по-прежнему фиксируются на уровне ЭВЗ. В 2019 г. отмечено 9 случаев ЭВЗ по НП (от 55,0 ПДК до 416 ПДК) и 1 случай – медью (53,7 ПДК). Отмечено 5 случаев высокого загрязнения НП – от 32,0 ПДК до 42,8 ПДК. Установлено, что общий объём

сбросов сточных вод составил 131,5 млн. кубометров (см. табл. 1). Общая обстановка по рекам такая.

Река Бирюкан (с. Восточное). Качество воды реки осталось на прошлогоднем уровне, вода реки относится к 3-му классу, разряд Б, очень загрязненная. В 2019 г. среднее содержание железа общего снизилось до 1,5 ПДК, азота нитритного возросло до 1,3 ПДК, соединений меди – до 4,8 ПДК, марганца – до 3,3 ПДК.

Река Эрри (с. Тунгор). Коэффициент комплексности загрязненности воды снизился до 25,7%. Качество воды реки улучшилось, вода из 3-го класса, разряд Б, очень загрязненная, перешла к 3-му классу, разряд А, загрязненная. В отчетном году среднее содержание железа осталось на уровне прошлого года (3,1 ПДК), соединений меди снизилось до 5,1 ПДК, НП – до 1,0 ПДК, марганца возросло до 3,2 ПДК.

Камчатский край [3]. Его население составляет 313 тыс. человек. Здесь основным источником антропогенного загрязнения поверхностных вод является ТЭК. Объем сбросов сточных вод достигает 128,29 см. кубометров (см. табл. 1). Речная сеть Камчатского края хорошо развита и принадлежит к бассейнам Тихого океана, Охотского и Берингова морей. Наиболее крупными и значимыми реками полуострова являются река Камчатка (длина 758 км) и река Пенжина (длина 713 км). На территории края насчитывается более 112 тыс. озер. Самым крупным озером является озеро Нерпичье. К загрязняющим веществам для всех водоемов полуострова, как и в 2017 г., отнесены НП, фенолы и соединения меди.

Среднегодовое содержание НП для 72% обследованных рек снизилось в 2,0-7,5 раз и только в р. 1-я Мутная увеличилось в 3 раза (до 5 ПДК). Наибольшее количество НП было выявлено в главном водотоке бассейна р. Озерная и в ее притоке (замыкающий створ р. Паужетка) – в среднем 12,5 и 13,0 ПДК.

В отчетном году в дождевой паводок было зафиксировано всего два случая высокого загрязнения НП: в р. Озерная – 48,8 ПДК и в замыкающем створе р. Паужетка – 46,4 ПДК.

Фенолы являлись характерным загрязняющим веществом. Их средние за год величины, рассчитанные для 73% рек, увеличились в 1,5–4,5 раза, а для р. 1-я Мутная – в 7 раз.

В 41% обследованных водотоков содержание соединений меди снизилось в 1,5-3 раза, в остальных – не изменилось.

Цинк, как и в прошлом году, был загрязняющим веществом почти для всех исследуемых рек. Средняя за год концентрация данного металла для всех водотоков не превышала 2,3 ПДК.

Как и в 2017 г., органические вещества по БПК-5 и ХПК содержались в воде рек полуострова практически в одинаковой степени, их концентрации выше допустимой были не более 2,5 и 1,8 ПДК соответственно. Кислородный режим рек в течение года был хорошим. Только в семи пробах воды, отобранных в различные гидрологические сезоны в реках, дефицит насыщения воды кислородом составил 4-11%.

В 2018 г. вода рек Камчатка (п. Козыревск) и Паужетка (выше и ниже п. Паужетка) стала чище и перешла в категорию "загрязненных". Также изменилась вода притоков реки Камчатка (реки Берш, Уксичан и Анавгай) – из категории "загрязненных" перешла в "слабо загрязненные". Ввиду роста основных показателей степени загрязненности вода рек Авача ниже г. Елизово и Красная перешла в категорию "очень загрязненных". В текущем году ухудшилось качество воды на участках рек Корякская и Ключевка. Таким образом, вода этих рек из категории "слабо загрязненных" перешла в "загрязненные". Доля населения, обеспеченного доброкачественной питьевой водой в крае, составила 99,69%.

Магаданская область [4]. Численность ее населения составляет 139 тыс. человек. Основные источники сбросов общим объемом 47,34 млн. кубометров (см. табл. 1) представлены многочисленными предприятиями горнодобывающей промышленности и ЖКХ. Густая речная сеть области принадлежит бассейнам Северного Ледовитого и Тихого океанов. Самая многоводная – Колыма, длина реки 2129 км. На территории области насчитывается 6 водохранилищ, наиболее крупное из них – Колымское водохранилище. В 2019 г., уровень загрязненности поверхностных вод бассейна р. Колыма и материковой

части побережья Охотского моря, по сравнению с 2018 г., существенно не изменился. По-прежнему к характерным загрязняющим веществам относились соединения железа, марганца, меди, нефтепродуктов и аммонийного азота. В единичных створах некоторых водных объектов увеличилось количество случаев высокого загрязнения воды соединениями меди, марганца, свинца и взвешенными веществами.

По другим рекам экологическая ситуация такова: "грязная" вода (4-й класс качества, разряд "а" и "б"): р. Берелех, р. Талок, р. Тенке, р. Омчак, р. Детрин, р. Дебин, р. Средникан, р. Тауй, водохранилище р. Колымское, р. Оротукан; "загрязненная" и "очень загрязненная" (3-й класс качества, разряды "а" и "б"): р. Кулу, р. Сугой, р. Омчикчан, р. Ола, р. Дукча, р. Магадана, р. Каменушка, водохранилище р. Каменушка, р. Армань, р. Хасын.

Первое место в водопотреблении занимают предприятия, осуществляющие добычу драгоценных металлов – 35,72 %; на втором месте – ТЭК – 29,69 %; на третьем – предприятия, занимающиеся рыбоводством и воспроизведением биоресурсов – 6,22 %; на четвертом – предприятия ЖКХ – 5,9%; прочие – 1,13%.

Чукотский автономный округ (ЧАО) [8]. Этот субъект является самым малонаселенным (49,5 тыс. человек) и наименее освоенным в хозяйственном отношении на ДВ. Анализ *таблицы 1* показывает, что в связи с этим из всех субъектов Чукотка характеризуется наименьшим объемом сбросов сточных вод с учетом площади субъекта. Забор пресной воды в 2017 г. составил 17,82 млн. м³, что на 4,8% больше, чем в 2016. все водные объекты относятся к бассейнам Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей, к бассейну Охотского моря относится лишь небольшой отрезок р. Миритвеем. Крупнейшими реками Чукотки в бассейне Северного Ледовитого океана являются реки бассейна Колымы – Большой Анюй и Малый Анюй, Омолон. В бассейне Тихого океана это р. Анадырь с притоками. Крупнейшими озёрами Чукотки являются Красное и Пекульнейское. Жемчужиной Чукотки называют уникальное озеро Эльгыгытгын, представляющее собой затопленный метеоритный кратер. Число искусственных водоёмов незначительно, крупнейшими из них являются Билибинское водохранилище. Обеспеченность населения Чукотского автономного округа ресурсами речного стока – 3818,011 тыс. м³/год на человека, что значительно выше как среднероссийского показателя (31,717 тыс. м³/год на человека), так и показателя ДВФО (310,704 тыс. м³/год на человека). По этому показателю Чукотский АО занимает первое место среди регионов федерального округа.

Ниже представлена динамика водопотребления в регионе в 2010-2015 гг. Сброс сточных вод в водные объекты Чукотки – 20,74 млн. м³, из них 80,38% – условно-чистые и нормативно-очищенные сточные воды и 19,62% – загрязнённые и недостаточно-очищенные. В централизованных системах водоснабжения Чукотского АО было зафиксировано несоответствие нормативам по санитарно-химическим показателям в 51,2% взятых проб, по микробиологическим показателям – в 0,8% проб. В нецентрализованных системах водоснабжения не соответствовало нормативам качество в 36,2% проб по санитарно-химическим показателям.

Основная доля проб воды питьевой с превышением гигиенических нормативов по содержанию железа приходится на концентрации железа 1-2 ПДК-17,9%, 12,6% проб с концентрацией железа 2,1-5 ПДК, 5,2% проб с концентрацией железа более 5 ПДК.

Концентрации железа, превышающие более 5 ПДК, обнаружены в питьевой воде в г. Певек.

Всего за 2018 г. исследованы 159 проб по микробиологическим показателям, не соответствующих гигиеническим нормативам 0,62%; по санитарно-химическим показателям исследованы 71 проб, с превышением гигиенических нормативов 64,7% (2017 г. – 79,1%, 2016 г. – 81,2%), темп прироста к 2017 г. отрицательный (-22,25%).

Заключение

Статистика охарактеризованных выше государственных докладов показывает, что ДВ обладает огромными запасами водных ресурсов.

В результате анализа и обобщения собранных нами материалов установлены следующие особенности состояния поверхностных вод ДВ:

- 1) На 1-м месте по загрязнению этих вод стоит Приморский край.
- 2) Трансграничному загрязнению преимущественно со стороны Китая подвержена южная часть региона (Приморский и Хабаровский края, Амурская область).
- 3) Среди городских вод максимальное загрязнение характерно для Владивостока, как крупного промышленного центра ДВ.
- 4) Из всех поллютантов наиболее распространенными являются взвешенные вещества, детергенты, нефтепродукты, соединения железа, меди, цинка, алюминия, свинца, ртути, марганца, фосфора и азота, но, в зависимости от их происхождения (от сгорания топлива, переноса ветром с угольных терминалов или от цементных заводов), они по-разному воздействуют на организм человека.
- 5) Особо опасным является поступление загрязняющих веществ (металлов, нефтепродуктов, детергентов, соединения азота, фосфора и др.) в питьевые источники.
- 6) Среди стационарных источников загрязнения на первом месте по сбросам лидируют ЖКХ и горнодобывающие предприятия, вот почему их модернизация, которая с разным темпом происходит во всех субъектах региона, является весьма актуальной.
- 7) Вызывает тревогу, что во всех субъектах отмечается изношенность канализационной и водопроводной сетей, а также очистных сооружений.

Литература

1. Доклад о состоянии окружающей среды в Амурской области в 2019 году. Благовещенск: Министерство природных ресурсов и экологии Амурской области, 2020. 136 с.
2. Доклад о состоянии окружающей среды в Еврейской автономной области в 2017 году. Биробиджан: Министерство природных ресурсов и экологии Еврейской автономной области, 2020. 142 с.
3. Доклад о состоянии окружающей среды в Камчатском крае в 2018 году. Петропавловск-Камчатский: Министерство природных ресурсов и экологии Камчатского края, 2019. 370 с.
4. Доклад о состоянии окружающей среды в Магаданской области в 2015 году. Магадан: Министерство природных ресурсов и экологии Магаданской области, 2020. 187 с.
5. Доклад о состоянии окружающей среды в Приморском крае в 2019 году. Владивосток: Департамент природных ресурсов и экологии Приморского края, 2020. 221 с.
6. Доклад о состоянии окружающей среды в Сахалинской области в 2019 году. Южно-Сахалинск: Министерство природных ресурсов и экологии Сахалинской области, 2020. 170 с.
7. Доклад о состоянии окружающей среды в Хабаровском крае в 2019 году. Хабаровск: Министерство природных ресурсов и экологии Хабаровского края, 2020. 208 с.
8. Доклад о состоянии окружающей среды в Чукотском автономном округе в 2017 году. Анадырь: Министерство природных ресурсов и экологии Чукотского автономного округа, 2018. 117 с.
9. Долговременная программа охраны природы и рационального использования природных ресурсов Приморского края до 2005 года. Экологическая программа. – Часть 2. Владивосток: Дальнаука, 1993. 301 с.
10. Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 324 с.
11. Куликова В.В. Стихийные и катастрофические и их экологические последствия (на примере юга Дальнего Востока). Находка: Изд-во ИТИБ, 2006. 136 с.
12. Наумов Ю.А. Антропогенез и экологическое состояние геосистемы прибрежно-шельфовой зоны залива Петра Великого Японского моря. Владивосток: Дальнаука, 2006. 300 с.
13. Шестёркин В.П., Шестёркина Н.М. Гидрохимическая характеристика реки Усури // Вопросы гидрологии и гидроэкологии Урала: сб. науч. тр., Пермь, 2009. С. 73–77.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Amurskoj oblasti v 2019 godu. Blagoveshensk: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii Amurskoj oblasti, 2020. 136 s.
2. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Evrejskoj avtonomnoj oblasti v 2017 godu. Birobidzhan: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii Evrejskoj avtonomnoj oblasti, 2020. 142 s.
3. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Kamchatskom krae v 2018 godu. Petropavlovks-Kamchatskij: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii Kamchatskogo kraja, 2019. 370 s.
4. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Magadanskoj oblasti v 2015 godu. Magadan: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii Magadanskoj oblasti, 2020. 187 s.
5. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Primorskom krae v 2019 godu. Vladivostok: Departament prirodnykh resursov i ehkologii Primorskogo kraja, 2020. 221 s.
6. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v Sakhalinskoj oblasti v 2019 godu. YUzhno-Sakhalinsk: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii Sakhalinskoj oblasti, 2020. 170 s.
7. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v KХabarovskom krae v 2019 godu. KХabarovsk: Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii KХabarovskogo kraja, 2020. 208 s.
8. Doklad o sostoyanii okruzhayushhej sredy v CHukotskom avtonomnom okruge v 2017 godu. Anadyr': Ministerstvo prirodnykh resursov i ehkologii CHukotskogo avtonomnogo okruga, 2018. 117 s.
9. Dolgovremennaya programma okhrany prirody i ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnykh resursov Primorskogo kraja do 2005 goda. EHkologicheskaya programma. – CHast' 2. Vladivostok: Dal'nauka, 1993. 301 s.
10. Ivashinnikov YU.K. Fizicheskaya geografiya Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 324 s.
11. Kulikova V.V. Stikhiynye i katastroficheskie i ikh ehkologicheskie posledstviya (na primere yuga Dal'nego Vostoka). Nakhodka: Izd-vo ITIB, 2006. 136 s.
12. Naumov YU.A. Antropogenez i ehkologicheskoe sostoyanie geosistemy pribrezhno-shel'fovoj zony zaliva Petra Velikogo YАonskogo morya. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 300 s.
13. SHestyorkin V.P., SHestyorkina N.M. Gidrokhimicheskaya kharakteristika reki Ussuri // Voprosy gidrologii i gidroehkologii Urala: sb. nauch. tr., Perm', 2009. S. 73–77.

Наумов Ю. А. Об особенностях загрязнения поверхностных вод на территории Дальнего Востока России.

Статья посвящена изучению особенностей загрязнения поверхностных вод в каждом субъекте Дальнего Востока России. Автор акцентирует внимание на экологическом состоянии рек, озер, водохранилищ, увеличении степени загрязнения региона от всё возрастающей химизации со стороны бурно развивающегося Китая.

Ключевые слова: *загрязнение поверхностных вод, антропогенное воздействие, поллютанты, экологическая обстановка*

Naumov Yu. A. On the features of surface water pollution in the Russian Far East.

The article is devoted to the study of the features of surface water pollution in each subject of the Russian Far East. The author focuses on the ecological state of rivers, lakes, reservoirs, an increase in the degree of pollution of the region from the ever-increasing chemicalization, from the rapidly developing China.

Key words: *pollution of surface waters, anthropogenic impact, pollutants, ecological situation*

Для цитирования: Наумов Ю. А. Об особенностях загрязнения поверхностных вод на территории Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 102–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/102-112

For citation: Naumov Yu. A. On the features of surface water pollution in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 102–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/102-112

Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы

Миграция сельского населения в города является общемировой тенденцией, и коренные народы Южной Сибири в этом смысле не исключение. Конечно, процесс адаптации народов, традиционно проживающих в сельской местности, проходит непросто из-за разности городского и сельского образа жизни. Ещё Г. Зиммель отмечал глубокий контраст между жизнью большого города и деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни [12, с. 2]. Сельское сообщество отличается небольшими размерами, относительно однородным составом, высоким уровнем коллективной сплочённости [33, р. 297], в городе, несмотря на тесно соприкасающиеся друг с другом дома, отсутствует специфическое для общества соседней личное знакомство [6, с. 9]. Город часто рассматривается с позиции публичных отношений, соответствующих избирательной воле (Gesellschaft), а село – сквозь призму близких и доверительных отношений, которые соответствуют сущностной воле (Gemeinschaft) [25, с. 9–10]. Конечно, в нынешних условиях границы между городским и сельским не столь контрастны, но все же сказываются на адаптивных возможностях сельчан.

В широком смысле адаптация рассматривается и как процесс, и как результат взаимодействия индивида (группы) с кардинально изменяющейся социальной средой [28, с. 82]. Безусловно, вовлечение сельского населения в урбанизационные процессы приводит к трансформации не только социального пространства города, но и физического. Ещё представители Чикагской школы в своих исследованиях наглядно показали, как меняется структура города под влиянием социальных факторов [32, р. 51]. Возможно несколько "сценариев" развития: создание особой среды, сочетающей и городские, и сельские характеристики [16, с. 6], формирование диаспоральных сообществ внутри городской среды [10, с. 264], стратегия изоляционного проживания сельских мигрантов [8, с. 34] и др. По мнению исследователей, российская сельская местность имеет своё продолжение в городах, подавляющая часть жителей которых – горожане в первом или втором поколении, для которых сельские ценности по-прежнему играют очень большую роль [1, с. 66]. Можно сказать, что некоторые элементы сельской жизни "мигрируют" вместе с их носителями, меняя городское пространство.

Стратегия адаптивного поведения сельских мигрантов может выстраиваться по-разному. Например, К.И. Казенин полагает, что в процессе адаптации мигрант может ориентироваться на разные социальные институты: на широкий круг родственников, на друзей, приятелей, знакомых или на самого себя и собственную семью [16, с. 13]. Ещё У. Томас и Ф. Знанецкий подчеркивали роль первичной группы в процессе адаптации мигранта, которая, с одной стороны, формирует у него чувство ответственности, а с другой – создает ему ощущение безопасности [37, р. 344]. По данным зарубежных исследований, 74 % сельских мигрантов находят работу именно через личные связи (родственников, друзей, земляков-односельчан) [36, р. 11]. В процессе адаптации мигранты могут ориентироваться на стратегию "максимизации доходов", предполагающую поиск дополнительных источников заработка или на стратегию "минимизации расходов", связанную с сокращением расходов [29, р. 27]. Конечно, экономические критерии успешности адаптации важны, однако их нельзя считать достаточным основанием для оценки адаптированно-

сти. Например, некоторые исследователи считают, что даже те, кто обладает достаточными финансовыми ресурсами, могут по-прежнему чувствовать себя сельскими жителями [30, p. 559]. И наоборот, иногда менее адаптированные мигранты всячески стараются репрезентировать себя как местных, по возможности скрывая или хотя бы не афишируя своё сельское происхождение [8, с. 44].

Одни исследования доказывают, что более высокий профессионально-образовательный уровень благоприятствует более успешной адаптации [34, p. 10], согласно другим – "знание и опыт" занимает последнее место в иерархии факторов, определяющих успех адаптации [9, с. 29]. Вполне вероятно, что на первоначальном этапе своего пребывания мигранты "соглашаются" на любую работу, в том числе не соответствующую их профессионально-квалификационному уровню. Однако В.И. Мукомель считает, что по мере адаптации части мигрантов удаётся вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки [19, с. 77]. Вообще исследователи полагают, что в процессе адаптации значение имеет собственная целеустремлённость и активность, среди них – адаптированных более чем в 2 раза больше, чем среди уповающих главным образом на положение дел в обществе [22, с. 91].

Цель статьи связана с анализом адаптационных процессов алтайцев, тувинцев и хакасов при переселении из сельской местности в городскую. Основной теоретической посылкой является исследование адаптации с точки зрения подхода, представленного в работах У. Томаса и Ф. Знанецкого. В соответствии с ним процесс адаптации предполагает организацию и устройство личной жизни индивида (в т.ч. работы, быта, отдыха), усвоение норм и требований общества, взаимодействие с ближайшим окружением [36, p. 937]. Поэтому основной фокус исследования направлен на изучение практик городской жизни, на формирование городской идентичности (или сохранение исходной – сельской), взаимодействие приезжих из села с акторами городской среды, включенность в социально-культурную жизнь города. Не менее важным является изучение трансформации этнической идентичности в качестве оценки влияния урбанизации на сохранение коренных народов (благоприятствующего или усугубляющего).

Алтайцы, тувинцы, хакасы: коренные народы Южной Сибири

К коренным народам Южной Сибири относят алтайцев, тувинцев и хакасов. Традиционно эти этносы проживают в сельской местности, однако с индустриальным развитием представители коренных народов стали активно включаться в урбанизационные процессы, причём у каждого из этносов процесс освоения города происходил по-своему.

Алтайцы – небольшой этнос, по данным последней переписи населения, их насчитывалось 68,8 тыс. чел. (проживающих на территории республики Алтай) (табл. 1). Однако от общей численности населения они составляют треть, поскольку всего в регионе проживает 206,2 тыс. чел. В республике всего одно городское поселение – столица региона г. Горно-Алтайск, где проживает меньше 27,6% всего населения республики. Большая часть алтайцев проживает в сельских поселениях, причём наиболее компактно они проживают на территории трёх районов, в остальных районах проживают преимущественно русские. Больше русских и в столице республики, алтайцы в общей структуре городского населения составляют всего 22,3%.

Конечно сельская местность – более привычная среда для алтайцев, поскольку традиционные виды деятельности связаны с проживанием в селе: животноводство, охота, собирательство [11, с. 436]. Однако социально-экономические процессы вынуждают алтайцев приспособляться жить и в городских условиях. По данным С.П. Тюхтеневой, процесс массовой миграции алтайцев в город начался ещё в 1990-е гг. в связи с ликвидацией малокомплектных школ, причём распространённой была ситуация переезда только матери с детьми школьного возраста, а отец оставался в селе, чтобы сохранить хозяйство [26, с. 77]. Сегодня обучение детей по-прежнему остается основной целью переселения [23, с. 92], однако в нынешних условиях актуальны и другие причины переезда. Исследователи отмечают сложное социально-экономическое положение алтайцев, связанное с проживанием в местностях с

Таблица 1. Структура населения республик Алтай, Тыва, Хакасия

	Алтай	Тыва	Хакасия
Численность населения республики, тыс. чел.	206,2	307,9	534,3
Удельный вес городского населения, %	27,6	53,1	67,3
Численность коренного этноса, тыс. чел.	68,8	249,3	63,6
Удельный вес коренного этноса, проживающего в городских поселениях, %	18,4	46,8	38,3
Удельный вес коренного этноса среди городского населения, %	22,3	71,4	6,8

Источник: составлено по: [13, с. 11; 14, с. 566, 573, 575].

суровым климатом и экстремальными условиями, а также с высоким уровнем безработицы, распространением пьянства, алкоголизма и других заболеваний [11, с. 436]. С одной стороны, у алтайцев сильны традиции многодетности (на 1000 алтайских женщин в среднем приходится 2080 рождённых детей [15, с. 1221]), поэтому их численность пока сохраняется, но с другой стороны, проживание в городской, преимущественно русскоговорящей среде, и межнациональные браки размывают этническую идентичность современных алтайцев.

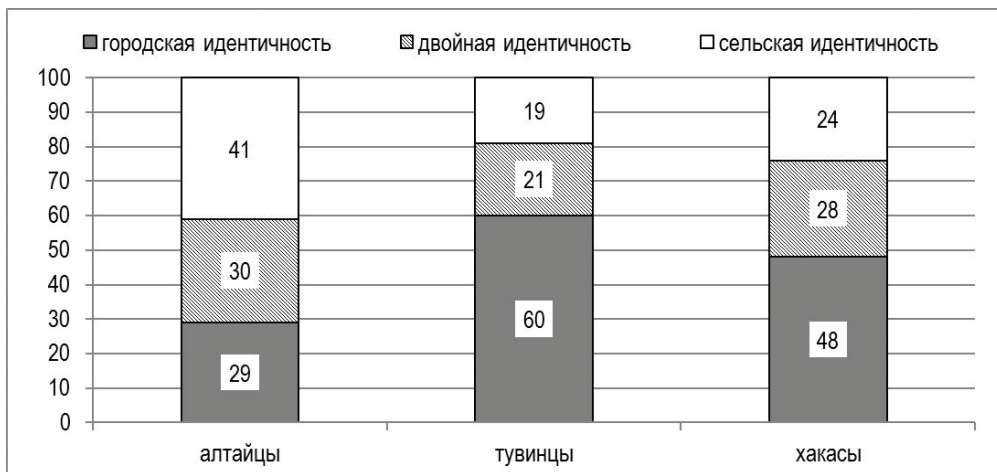
Тувинцы – один из многочисленных этносов Сибири, в республике Тыва их насчитывается 249,3 тыс. чел. (табл. 1). Численность тувинцев увеличивается благодаря высокому естественному приросту населения: среднее число рождённых детей на 1000 тувинских женщин составляет 2028 [15, с. 1231]. Кроме того, в регионе они составляют абсолютное большинство (80,9%). Интенсивная внутриреспубликанская миграция тувинцев (преимущественно из села в город) привела к увеличению среди них городских жителей, в структуре городского населения они составляют 71,3%.

Согласно данным исследований, освоение городского образа жизни для тувинцев было сложным. Включение в городскую среду осложнялось отсутствием опыта к индустриальному труду, прочными связями с ведением кочевого образа жизни и неграмотностью населения [18, с. 69]. В настоящее время причины отъезда сельских жителей преимущественно сводятся к улучшению условий жизни: чаще всего к выезду побуждает отсутствие работы (63,8%), учеба (40,5%), экономические проблемы (26,6%), коррупция (23,4%), преступность, распространённость пьянства и наркомании (23%) [17, с. 59]. Вместе с тем исследователи отмечают наличие у тувинцев некоторых черт национального характера, которые снижают их адаптационные возможности: например, непунктуальность, флегматизм, сильная зависимость от родственных отношений [24, с. 160], иждивенческая психология, отсутствие трудового воспитания в семье и школе [2, с. 116].

Хакасы составляют 12,0% от общей численности населения республики, всего их насчитывается 63,6 тыс. чел., при этом большая часть хакасов – преимущественно сельское население (61,6%) (табл. 1). Наиболее компактно хакасы проживают на территории двух районов. По сравнению с другими республиками Хакасия считается наиболее урбанизированной: в городах проживает 69,8% всего населения, однако хакасы в общей структуре горожан составляют всего 6,8%.

Хакасы по сравнению с другими этносами, проживающими на территории региона, отличаются более низкой миграционной активностью [27, с. 58], преимущественно мигрируют в направлении "село – крупное село" [4, с. 150], а также более склонны к "возвратной" миграции – обратно в село [20, с. 16]. Данные этносоциологических исследований 2000-х гг. доказывают, что хакасы испытывали трудности адаптации. Согласно результатам, русские в тот период сосредоточивались преимущественно в отраслях тяжёлой промышленности с хорошими заработками и богатой социальной базой, а хакасы в основном работали на мелких предприятиях лёгкой и пищевой промышленности с невысокой заработной платой, и в целом считали, что у них меньше

Рис. 1. Соотношение идентичностей среди алтайцев, тувинцев и хакасов, в % от опрошенных

Источник: составлено автором

возможностей карьерного роста [21, с. 3]. Поэтому, с одной стороны, высокий уровень урбанизации благоприятствует миграции хакасов в городскую местность, но с другой стороны, процесс адаптации для них иногда оказывается сложным.

Эмпирическая база

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса, который проводился в городских поселениях республик Алтай, Тыва и Хакасия в августе-сентябре 2019 г.

Генеральная совокупность – бывшие сельские жители титульных этносов Южной Сибири (алтайцы, тувинцы, хакасы), проживающие в городах и поселках городского типа каждой из титульных республик. При формировании выборочной совокупности использовались данные о половозрастной структуре городского населения каждой из республик, поскольку значительная часть городского населения в этих регионах – некоренные горожане (проживают не с рождения). Квоты (по полу и возрасту) также были введены во избежание формирования однородной выборочной совокупности. Опрос проводился методом формализованного интервью.

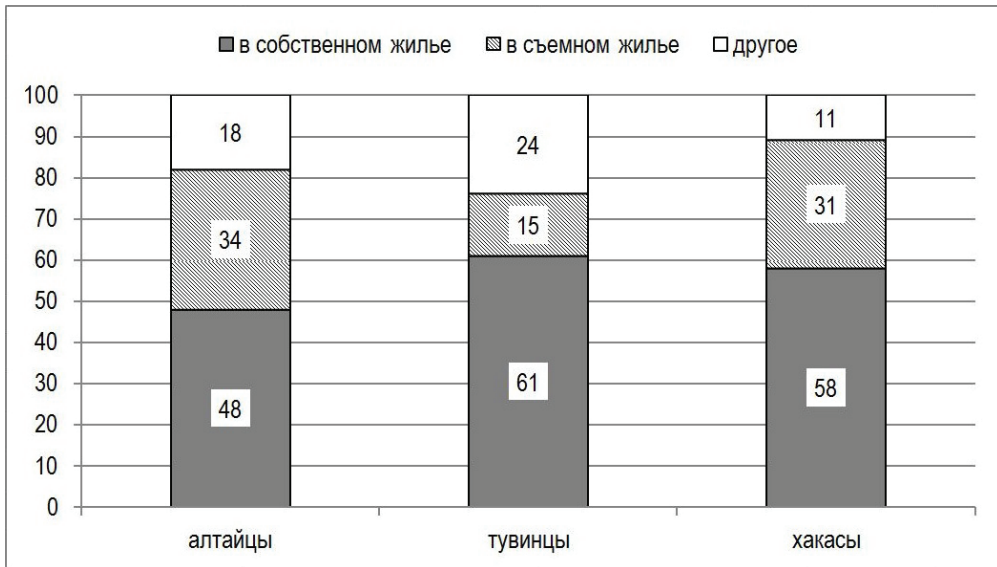
Опрос проводился в микрорайонах наиболее компактного проживания представителей титульных этносов. Также отбор респондентов осуществлялся в предполагаемых местах наибольшей концентрации приезжих из села: в общежитиях, в гостинках и т.д. Проводился уличный опрос, также для поиска респондентов использовался метод "снежного кома". Всего было опрошено 1184 чел.: в республике Алтай 327 чел., в Тыве – 357 чел., в Хакасии – 500 чел. В результате выборки некачественно заполненных опросных листов и ремонта выборки анализировались данные 960 анкет. Обработка данных производилась с использованием прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19.

Освоение городского образа жизни

Освоение городского образа жизни у алтайцев, тувинцев и хакасов происходит по-разному, что связано с особенностями исторического, политического, этнокультурного развития этих этносов.

У **алтайцев**, например, более выражены образовательные причины миграции в городскую местность, что подтверждается другими исследованиями [26, с. 77; 23, с. 92]. То есть основной причиной переезда для современных алтайцев является желание либо самим повысить свой образовательный

Рис. 2. Жилищные условия алтайцев, тувинцев и хакасов, в % от опрошенных

Источник: составлено автором

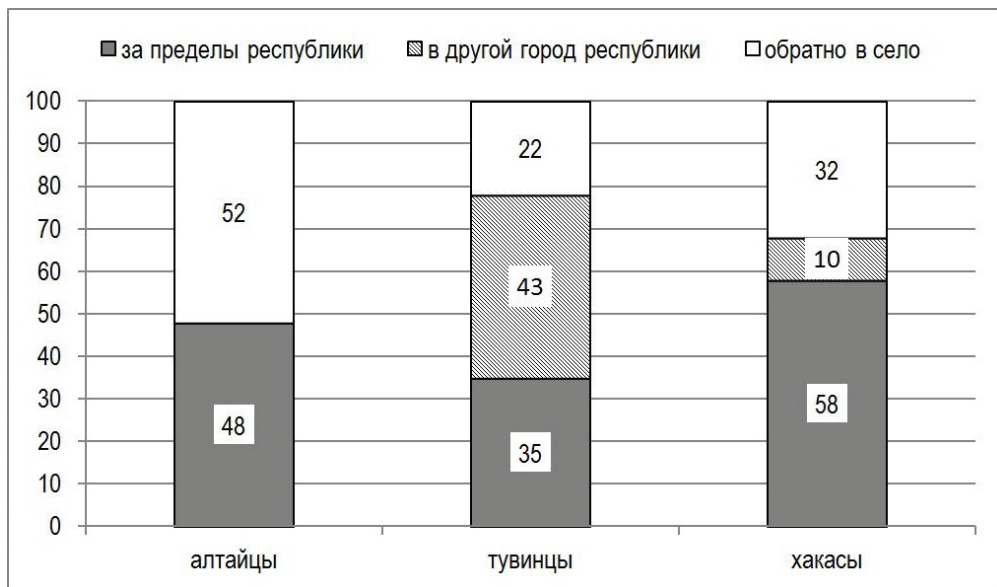
уровень, либо обеспечить условия для получения образования своим детям. Вероятно, поэтому больше половины (59 %) приезжих алтайцев допускают для себя возможность вернуться обратно в родное село. Стратегия "временной" миграции (например, для получения образования) является довольно распространённой [32, р. 142].

Большая часть алтайцев сохраняет тесные связи с родной деревней: три четверти (74 %) опрошенных ответили, что часто ездят в ту деревню, откуда приехали. Возможно, поэтому алтайцам сложно дается принятие новой роли – в качестве горожанина: только 29 % из них ассоциируют себя с городскими жителями – могут уверенно назвать себя горожанами, либо только становятся ими (рис. 1). Почти треть (30 %) опрошенных алтайцев ощущают себя двояко: и в качестве городского жителя, и в качестве сельского. Ещё 41 % ответили, что, несмотря на проживание в городе, в душе они всегда останутся сельскими жителями, либо вообще никогда не станут горожанами.

Возможно, сложности принятия новой роли связаны с трудностями взаимодействия с акторами городской среды. Две трети (62 %) опрошенных в исследовании алтайцев ответили, что не поддерживают дружеских отношений со своими соседями: треть из них (39 %) ограничивается формальным общением ("только здороваемся") и ещё четверть (23 %) не знакомы со своими соседями или вообще отмечают с их стороны неприязненное к себе отношение. Можно предположить, что сложности взаимодействия алтайцев с горожанами связаны с численным дисбалансом титульного этноса и этнического большинства (русскими). Некоторые исследователи отмечают сложный характер взаимоотношений алтайцев и русских, которые исторически сложились на территории республики. Например, Н.А. Тадина отмечает сформировавшийся ещё в советское время стереотип русского этноса как "носителя социального прогресса" наряду с прочно укоренившимся стереотипом об "этнической второсортности" алтайцев, связанном с убежденностью в невысоких деловых качествах и низком культурном уровне алтайцев, как и других сибирских народов [23, с. 91]. Возможно, поэтому большинство приезжих особо остро ощущает в городе нехватку поддержки родных и близких (44 %), которые, по всей видимости, прежде всего ассоциируются с представителями своей национальности.

Безусловно, главной "экономической" проблемой для переехавших из села алтайцев является "жилищный вопрос" (45 %), треть (34 %) опрошенных проживает в съёмном жилье (рис. 2). Кроме того, именно отсутствие собствен-

Рис. 3. Направления предполагаемой миграции алтайцев, тувинцев и хакасов, в % от опрошенных

Источник: составлено автором

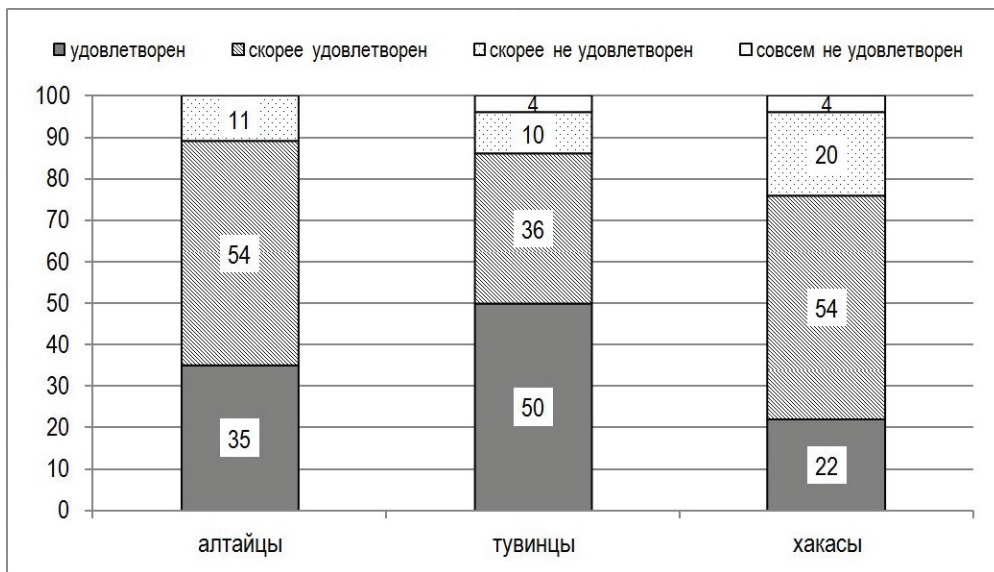
ного жилья для большинства алтайцев (44 %) является главной потенциальной причиной возвращения в родное село.

Вообще село в представлении алтайцев ассоциируется с домом, родными людьми, безопасностью. Дом является средоточием и телом родства, поскольку общность крови [Blut] развивается и обособляется в общность места [Ort], а последняя – в общность духа [Geist] [25, с. 25]. Согласно полученным данным, треть опрошенных алтайцев (37 %) отметили, что одной из трудностей для них в городе стала необходимость соблюдать правила безопасности, особенно в вечернее время. Трудно дается бывшим сельским жителям привыкание к особенностям урбанизированной среды, связанной с загрязнённым воздухом, водой и т.д. Достаточно медленно алтайцы включаются в культурно-досуговую жизнь города: основные виды досуга опрошенных связаны с прогулками (31 %) и "ничего неделанием" (32 %).

С одной стороны, можно предположить, что смена места жительства для алтайцев, скорее, связана с положительными изменениями: больше трети (35 %) опрошенных полностью удовлетворены своей жизнью, и ещё половина (54 %) скорее удовлетворена. Но с другой стороны, треть (34 %) опрошенных алтайцев не видят особых изменений в своей жизни после переезда в город, полагая, что их жизнь осталась прежней. Вместе с тем отношение к жизни у алтайцев достаточно оптимистичное: среди них меньше всего пессимистично настроенных приезжих.

У **тувинцев** более выпуклыми являются мотивы переезда, связанные со стремлением к лучшей жизни из-за низкого уровня жизни в сельской местности, из-за безработицы. Согласно полученным результатам, тувинцы по сравнению с алтайцами в меньшей степени склонны мигрировать в город для получения образования (образовательные мотивы находятся на последнем месте). Однако тувинцы легко принимают новую роль горожанина (60 %) (рис. 1), хотя и продолжают сохранять тесные связи с селом. У тувинцев по сравнению с другими этносами, участвующими в опросе, больше развиты нормы взаимопомощи: они чаще других обращаются за помощью, например, берут деньги займы. Возможно, более легкое включение в городскую среду объясняется большинством тувинцев в городской местности, поэтому адаптация у них проходит легче. При этом почти половина опрошенных допускает для

Рис. 4. Степень удовлетворенности алтайцев, тувинцев и хакасов своей жизнью, в % от ответивших

Источник: составлено автором

себя возможность смены места жительства, однако более выраженной среди них является внутрорегиональная миграция: две трети (65 %) респондентов в случае предполагаемого отъезда планируют мигрировать внутри региона, причём 43 % в другой город республики и ещё 22 % допускают вероятность возвращения в родное село (рис. 3).

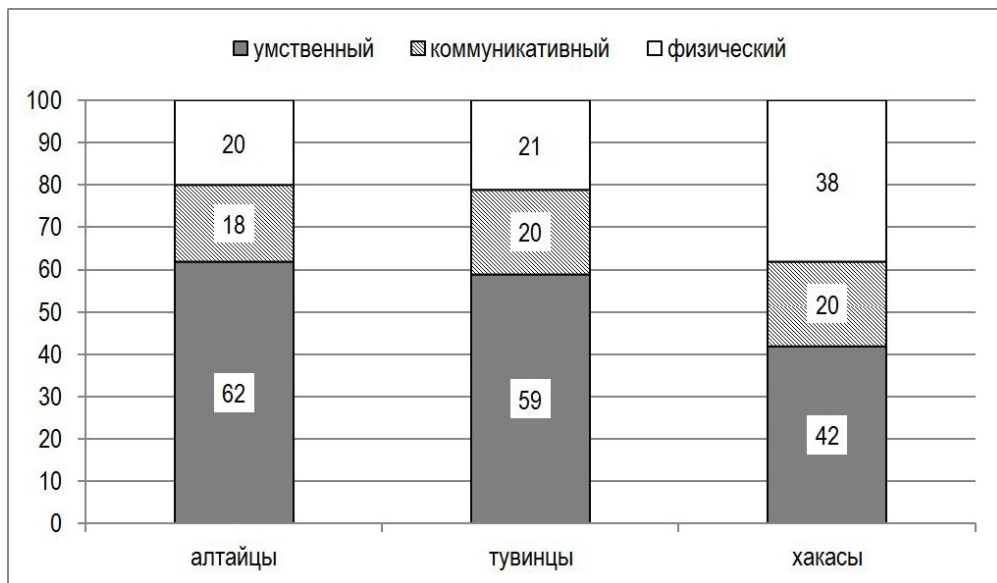
Поскольку основные мотивы миграции тувинцев связаны с экономическими факторами, поэтому и основные трудности, с которыми сталкиваются бывшие сельчане, тоже носят экономический характер (отсутствие жилья, высокие цены). Хотя адаптация к новым экологическим условиям дается тоже нелегко: приезжие отмечают бесконечный шум на улицах, грязный воздух, общественный транспорт и т.д. В целом включение в городскую среду у тувинцев не связано с кардинальными изменениями своего образа жизни: большинство опрошенных предпочитает незатратные виды отдыха: прогулки (34 %), занятия спортом (22 %), "ничегонеделание" (22 %).

Адаптация к новым видам трудовой деятельности проходит достаточно легко, что объясняется тем, что в нынешних условиях границы между городом и селом не такие рельефные, и элементы некоторых "городских" профессий распространены и в сельской местности (компьютер, Интернет). Вообще согласно исследованиям, менее привлекательными для тувинцев являются профессии, характеризующиеся жёстким режимом работы (промышленность), и более привлекательными — работы с относительно свободным графиком работы (научная, педагогическая деятельность, медицина) [7, с. 138].

В целом можно сказать, что для тувинцев переезд в город, скорее, рассматривается позитивно: большая часть опрошенных положительно оценивает изменения своей жизни после переезда в город и демонстрирует высокую удовлетворенность своей жизнью (рис. 4).

Хакасы по сравнению с алтайцами и тувинцами менее всего нацелены на возвратную миграцию: 73 % ответили, что не планируют менять место жительства, а из тех, кто допускает такую возможность, больше половины (58 %) ориентируется на переезд за пределы республики (рис. 3). Поэтому можно сказать, что для хакасов переезд из села рассматривается, скорее, как окончательный, поскольку в большей степени является вынужденным — связан с безработицей, низким уровнем жизни и в целом с отсутствием перспектив, хотя образовательные мотивы у хакасов тоже присутствуют. Может быть, по-

Рис. 5. Соотношение алтайцев, тувинцев и хакасов, работающих в сферах занятости с разным характером труда, в % от работающих респондентов

Источник: составлено автором

тому они легче разрывают связи с селом и принимают новую роль в качестве горожанина: почти половина (48 %) ощущают себя городскими жителями и ещё 28 % позиционируют себя двояко (рис. 1). Взаимодействие с акторами городской среды дается хакасам сравнительно легко: больше половины из них поддерживают дружеские отношения со своими соседями. Хакасы не испытывают в городе сложностей взаимодействия с русскими (как, например, алтайцы), поскольку в сельской местности Хакасии русские тоже составляют большинство, и в этом смысле переезд в город не связан с кардинальным изменением этнической и языковой среды.

По сравнению с алтайцами и тувинцами хакасы меньше испытывают трудности освоения городского образа жизни. С одной стороны, они тоже больше склонны к незатратному времяпровождению (прогулки 48 %), но с другой стороны, осваивают и городские виды досуга (например, посещают кинотеатры). Однако по сравнению с представителями других этносов, участвовавшими в опросе, среди хакасов оказалось больше занятых в сферах физического труда (рис. 5).

Оказалось, что среди опрошенных хакасов 38 % работают в сферах физического труда и ещё 20 % в сферах, связанных преимущественно с общением с людьми.

Сохранение этнической идентичности

Вовлечение коренных народов в урбанизационные процессы грозит размыванием или даже потерей этнической идентичности, особенно если в городской среде преобладает иноэтническое большинство. Оказалось, что наиболее сохранна этническая идентичность у тувинцев (50 %), причём в общей структуре идентичностей она находится на втором месте после региональной ("житель своей республики"). У алтайцев этническая идентичность находится на третьем месте в общей структуре идентичностей (46 %). Примечательно, что региональная идентичность у алтайцев находится на последнем месте в общей структуре идентичностей: только 6 % респондентов позиционируют себя жителями своей республики, более выраженной у них является общероссийская идентичность ("житель России"). У хакасов этническая идентичность тоже находится на третьем месте, однако она менее выражена, чем у других

Таблица 2. Владение родным языком среди алтайцев, тувинцев и хакасов

	алтайцы	тувинцы	хакасы
Численность титульного этноса, владеющего родным языком	48583,0	241092,0	39735,0
Удельный вес титульного этноса, владеющего родным языком	70,6	96,7	62,4

Составлено по: [14, с. 210, 212, 213].

этносов: всего треть (36 %) хакасов ощущают себя представителями своей национальности.

Вообще у хакасов более выраженным основанием этнической идентичности является культура и традиции (60 %), тогда как тувинцев и алтайцев в большей степени роднит язык (62 % и 66 % соответственно). Возможно, это связано с тем, что хакасы по сравнению с тувинцами и алтайцами хуже знают свой родной язык (табл. 2).

Данные нашего исследования тоже показали, что только 39 % опрошенных хакасов свободно владеют родным языком, среди алтайцев и тувинцев таковых 84 % и 88 % соответственно. Реже хакасы разговаривают на родном языке и в повседневной жизни (19 %) в отличие от алтайцев и тувинцев (45 % и 59 % соответственно).

Безусловно, численное большинство титульного этноса на территории региона способствует сохранению родного языка, поэтому тувинцы в большей степени сохранили свой язык. Хакасы, находясь в условиях этнического меньшинства, хуже знают родной язык, поскольку в повседневной жизни чаще пользуются русским языком. Казалось бы, алтайцы тоже находятся в подобной ситуации, но в отличие от хакасов число владеющих алтайским языком среди них больше. Возможно, это связано со сложными взаимоотношениями алтайцев с русскими на территории республики, которые сдерживали процессы ассимиляции титульного этноса с русскоговорящим населением и тем самым позволили сохранить родной язык.

Выводы

Урбанизация алтайцев, тувинцев и хакасов протекала в разных исторических, географических, политических, социокультурных условиях, которые повлияли на характер и направленность процессов адаптации. В целом можно сделать вывод о том, что для каждого из этносов характерен свой тип урбанизации. Основные причины миграции *алтайцев* связаны с образовательными мотивами миграции, поскольку в республике всего одно городское поселение, а переезд в город чаще рассматривается как временный. Из-за численного меньшинства, а также по причине сложных исторически сложившихся отношений с русским населением на территории региона, алтайцы, скорее, *сегрегируются*, нежели интегрируются в городскую среду. Хотя такая стратегия сдерживает процесс ассимиляции с этническим большинством и тем самым способствует сохранению родного языка, но в целом препятствует включению этноса в урбанизационные процессы. *Тувинцы* сравнительно недавно начали интенсивно мигрировать в города, поэтому можно сказать, что городская среда в регионе только *начинает формироваться*, причём преимущественно титульным этносом. В представлении М. Ларуэла, такие города могут играть "деколонизирующую" роль в смысле постепенного стирания чисто европейского аспекта города и превращения его как в более местный и укорененный [32, р. 149]. *Хакасы* на территории республики находятся в условиях абсолютного меньшинства (как в городской, так и в сельской местности), поэтому переезд в город в целом не связан с кардинальным изменением этноязыковой среды. В данном случае целесообразнее говорить не столько об адаптации, сколько об *ассимиляции*. Поэтому в отношении хакасского этноса более вероятен неблагоприятный прогноз, связанный с сокращением численности этноса и исчезновением родного языка.

Проводя параллели с типами адаптации, выделенными У. Томасом и Ф. Знанецким [37, р. 935], можно заключить, что для алтайцев, скорее ха-

рактерен *мецанский* механизм адаптации, связанный с конформизмом и ориентацией на традиционные, устоявшиеся модели поведения, которые препятствуют активному вовлечению в урбанизационные процессы. Адаптация тувинцев имеет общие черты с *богемным* типом, заключающем в себе и высокую степень адаптивности, и некоторую непоследовательность процесса адаптации. Несмотря на активную миграцию из села для улучшения своей жизни, тувинцы, по мнению исследователей, отличаются пассивной жизненной позицией, связанной с ожиданием помощи со стороны государства [3, с. 74]. Хакасы относительно легко и быстро адаптируются к условиям городской жизни, поэтому процесс их адаптации в некотором смысле можно отнести к *креативному* типу (хоть и частично). Этот тип адаптивного поведения отличается наиболее высокой степенью адаптивности.

Казалось бы, урбанизация происходит путем "бегства коренных народов" из традиционных сельских поселений в городские районы [35, р. 54], и, конечно, это грозит утратой этнической идентичности и "забыванием" языка. Но, учитывая сложное социально-экономическое положение в сельской местности (где проживает большая часть титульных этносов), возможно, переезд из села в город для них является более оптимальной стратегией "выживания". Другими словами, на первый план выступает стратегия не "куда", а "откуда" уехать [5, с. 11].

Литература

1. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Московского университета. 2015. Серия 5. География. № 2. С. 66–76.
2. Анайбан З.В. Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 112–131. DOI: 10.25178/nit.2018.2.6
3. Балакина Г.Ф., Кылгыдай Ай.К.Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 73–89.
4. Белошапкина В.Н. Роль миграции в освоении хакасами нетрадиционных профессий // Торжество ленинской национальной политики. Абакан: Советская Хакасия. 1973. С. 143–154.
5. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Шарихван Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4 (55). С. 7–15. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/7-15
6. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
7. Дабиев Д.Ф. Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 132–148. DOI: 10.25178/nit.2018.2.7
8. Диланян А. Статья горожанином: сельские мигранты в современном Ереване // Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе. Сборник статей. Тбилиси: Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля, 2011. С. 26–44.
9. Дискин И.С., Аврамова Е.М. Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33.
10. Дятлов В.И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока поздней имперской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 262–269.
11. Екеев Н.В. Алтай: История и культура (Избранные труды) / БНУ РА "Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова". Горно-Алтайск: ООО "Горно-Алтайская типография", 2015. 472 с.
12. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Т. 3. № 34. С. 1–12.
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ "Статистика России", 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. 1071 с.
14. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ "Статистика России", 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. 847 с.
15. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ "Статистика России", 2013. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. 920 с.

16. Казенин К.И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016. 48 с.
17. Кан В.С. Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72.
18. Монгуш С.О.О. Межэтническое взаимодействие и формирование русского населения в Туве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 6. С. 65–70. DOI 10.37882/2500-3682.2020.06.12
19. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
20. Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Статистический сборник // Росстат. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. Абакан, 2012. 31 с.
21. Остапенко Л.В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии). М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. 26 с.
22. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 90–95.
23. Тадина Н.А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 88–97. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.28.88
24. Тарбастаева И.С. Ценностно-экономические ориентации тувинцев в современной социокультурной динамике // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 154–162. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-154-162
25. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Изд-во "Владимир Даль", 2002. 452 с.
26. Тяхтенева С.П. Скотоводство у алтайцев в начале XXI века // Полевые исследования. 2016. № 3. С. 65–81.
27. Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск: Изд-во "Наука", 1979. 120 с.
28. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 81–88.
29. Dedeoglu S. Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul // Migration Letters. 2011. Vol. 8. No 1. Pp. 26–33.
30. Erman T. Becoming "Urban" or Remaining "Rural": The Views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the "Integration" Question // International Journal of Middle East Studies. 1998. Vol. 30. No 4. Pp. 541–561.
31. Laruelle, M. Postcolonial polar cities? New indigenous and cosmopolitan urbanness in the Arctic // Acta Borealia. 2019. Vol. 36. Issue 2. Pp. 149–165. DOI: 10.1080/08003831.2019.1681657
32. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City: Suggestions for the Investigation of Human Nature in the Urban Environment, Chicago: The University of Chicago Press, 1925. 240 p.
33. Redfield R. The Folk Society // American Journal of Sociology. 1947. Vol. 52. No 4. Pp. 293–308.
34. Rokib A., Islam R. Effect of Some Selected Sociodemographic Variables on Male Migrants on Bangladesh // Current Research Journal of Economic Theory. 2009. Vol. 1. No 1. Pp. 10–14.
35. Rozanova, M. Indigenous Urbanization in Russia's Arctic The Case of Nenets Autonomous Region // Sibirica-interdisciplinary Journal Of Siberian Studies. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 54–91. DOI: 10.3167/sib.2019.180304
36. Shi Li. Rural Migrant Workers in China: Scenario, Challenges and Public Policy, Geneva: International Labour Office, 2008. 34 p.
37. Thomas W.I., Znaniacki F. The Polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group. V. 5. Organization and disorganization in America, Boston: The Gorham Press. 1920. 345 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Alekseev A.I., Safronov S.G. Izmenenie sel'skogo rasseleniya v Rossii v kontse XX – nachale XXI v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2015. Seriya 5. Geografiya. № 2. S. 66–76.
2. Anajban Z.V. Trudovaya zanyatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoj Tuvy // Novye issledovaniya Tuvy. 2018. № 2. S. 112–131. DOI: 10.25178/nit.2018.2.6

3. Balakina G.F., Kylgydaj Aj.K.CH. Osobnosti adaptatsii ehntnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoj ehkonomie // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2016. № 2. S. 73–89.
4. Beloshapkina V.N. Rol' migratsii v osvoenii khakasami netraditsionnykh professij // *Torzhestvo leninskoj natsional'noj politiki*. Abakan: Sovetskaya KHakasiya. 1973. S. 143–154.
5. Vinokurova A.V., Ardalyanova A.YU., SHarikhvan ZH. Uekhat' "kuda" ili "otkuda": usloviya zhizni i migratsionnye strategii zhitelej dal'nevostochnogo rossijsko-kitajskogo prigranich'ya // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2020. № 4 (55). S. 7–15. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/7-15
6. Veber M. Gorod. M.: Strelka Press, 2017. 252 s.
7. Dabiev D.F. Professional'nye predpochteniya naseleniya Tuvy v kontekste ehkonomiechskoj kul'tury // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2018. № 2. S. 132–148. DOI: 10.25178/nit.2018.2.7
8. Dilanyan A. Stat' gorozhaninom: sel'skie migranty v sovremennom Erevane // *Nablyudaya za izmeneniyami: strategii adaptatsii na YUzhnom Kavkaze*. Sbornik statej. Tbilisi: YUzhno-Kavkazskoe regional'noe byuro Fonda im. Genrikha Bellya, 2011. S. 26–44.
9. Diskin I.S., Avraamova E.M. Adaptatsiya naseleniya i ehlit (Institutsional'nye predposylki) // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1997. № 1. S. 24–33.
10. Dyatlov V.I. Mekhanizmy adaptatsii predstavitelej migrantskikh men'shinstv v pereselencheskom obshhestve vostoka pozdneimperskoj Rossii // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. 2012. № 2-1. S. 262–269.
11. Ekeev N.V. Altaj: Istoriya i kul'tura (Izbrannye trudy) / BNU RA "Nauchno-issledovatel'skij institut altaistiki im. S.S. Surazakova". Gorno-Altajsk: OOO "Gorno-Altajskaya tipografiya", 2015. 472 s.
12. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' // *Logos*. 2002. T. 3. № 34. S. 1–12.
13. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda: V 11 t. / Feder. sluzhba gos. statistiki. M.: IITS "Statistika Rossii", 2012. T. 1: CHislennost' i razmeshhenie naseleniya. 1071 s.
14. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda: V 11 t. / Feder. sluzhba gos. statistiki. M.: IITS "Statistika Rossii", 2012. T. 4: Natsional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Kn. 1. 847 s.
15. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda: V 11 t. / Feder. sluzhba gos. statistiki. M.: IITS "Statistika Rossii", 2013. T. 10. Rozhdaemost'. Kn. 2. 920 s.
16. Kazenin K.I. Adaptatsiya sel'skikh migrantov v gorodakh intensivnoj urbanizatsii: case Makhachkala. M.: Rossijskaya akademiya narodnogo khozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federatsii, 2016. 48 s.
17. Kan V.S. EHtnosotsial'nyj profil' tuvintsev // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2016. № 2. S. 52–72.
18. Mongush S.O.O. Mezhehtnicheskoe vzaimodejstvie i formirovanie russkogo naseleniya v Tuve // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Poznanie. 2020. № 6. S. 65–70. DOI 10.37882/2500-3682.2020.06.12
19. Mukomel' V.I. Migranty na rossijskom rynke truda: zanyatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda // *Statistika i ehkonomika*. 2017. № 6. S. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
20. Naselenie Respubliki KHakasiya za 2001–2011 gody. Statisticheskij sbornik // *Rosstat. Territorial'nyj organ federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike KHakasiya*. Abakan, 2012. 31 s.
21. Ostapenko L.V. Sotsial'no-ehkonomiechskie aspekty adaptatsii russkikh i khakasov k usloviyam transformiruyushhegosya obshhestva (po materialam ehtnosotsiologicheskogo issledovaniya v KHakasii). M.: Institut ehnologii i antropologii RAN. TSentr po izucheniyu mezhnatsional'nykh otnoshenij, 2003. 26 s.
22. Sviridov N.A. Adaptatsionnye protsessy v srede molodezhi (Dal'nevostochnaya situatsiya) // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. № 1. S. 90–95.
23. Tadina N.A. O trekh ehtahapkh modernizatsii rodovogo obshhestva altajtsev // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Geoarkheologiya. EHtnologiya. Antropologiya. 2019. T. 28. S. 88–97. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.28.88
24. Tarbastaeva I.S. TSennostno-ehkonomiechskie orientatsii tuvintsev v sovremennoj sotsiokul'turnoj dinamike // *Sibirskij filosofskij zhurnal*. 2017. T. 15. № 4. S. 154–162. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-154-162
25. Tennis F. Obshhnost' i obshhestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sotsiologii. SPb.: Izd-vo "Vladimir Dal'", 2002. 452 s.
26. Tyukhteneva S.P. Skotovodstvo u altajtsev v nachale XXI veka // *Polevye issledovaniya*. 2016. № 3. S. 65–81.
27. CHudnova V.I., Kozhukhovskaya N.F. Naselenie Sayanskogo TPK (formirovanie i rasselenie). Novosibirsk: Izd-vo "Nauka", 1979. 120 s.
28. SHabanova M.A. Sotsial'naya adaptatsiya v kontekste svobody // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995. № 9. S. 81–88.

29. Dedeoglu S. Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul // *Migration Letters*. 2011. Vol. 8. No 1. Pp. 26–33.

30. Erman T. Becoming "Urban" or Remaining "Rural": The Views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the "Integration" Question // *International Journal of Middle East Studies*. 1998. Vol. 30. No 4. Pp. 541–561.

31. Laruelle, M. Postcolonial polar cities? New indigenous and cosmopolitan urbanness in the Arctic // *Acta Borealia*. 2019. Vol. 36. Issue 2. Pp. 149–165. DOI: 10.1080/08003831.2019.1681657

32. Park R., Burgess E., McKenzie R. *The City: Suggestions for the Investigation of Human Nature in the Urban Environment*, Chicago: The University of Chicago Press, 1925. 240 p.

33. Redfield R. The Folk Society // *American Journal of Sociology*. 1947. Vol. 52. No 4. Pp. 293–308.

34. Rokib A., Islam R. Effect of Some Selected Sociodemographic Variables on Male Migrants on Bangladesh // *Current Research Journal of Economic Theory*. 2009. Vol. 1. No 1. Pp. 10–14.

35. Rozanova, M. Indigenous Urbanization in Russia's Arctic The Case of Nenets Autonomous Region // *Sibirica-interdisciplinary Journal Of Siberian Studies*. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 54–91. DOI: 10.3167/sib.2019.180304

36. Shi Li. *Rural Migrant Workers in China: Scenario, Challenges and Public Policy*, Geneva: International Labour Office, 2008. 34 p.

37. Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group. V. 5. Organization and disorganization in America*, Boston: The Gorham Press. 1920. 345 p.

Лушникова О. Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы.

Фокус статьи направлен на анализ адаптационных процессов алтайцев, тувинцев и хакасов при переселении из села в город. Статья построена на данных опроса титульных этносов республик Алтай, Тыва и Хакасия (n=960). Причины миграции алтайцев связаны с образовательными мотивами, и переезд в город чаще рассматривается как временный, поэтому алтайцы, скорее, сегрегируются, нежели интегрируются в городское сообщество. В Тыве городская среда только начинает формироваться, причём преимущественно титульным этносом. Хакасы на территории региона находятся в условиях абсолютного меньшинства, поэтому в данном случае целесообразнее говорить об ассимиляции титульного этноса.

Ключевые слова: миграция, адаптация, город, алтайцы, тувинцы, хакасы, этническая идентичность

Lushnikova O. L. Altay people, Tuvans, Khakass people: involvement in urban processes.

The purpose of this article is analysis of adaptation processes of Altay people, Tuvans and Khakass people in case of moving from countryside to urban areas. The empirical base is the data of sociological survey of rural migrants by ethnic groups of the republics of Altay, Tuva and Khakassia (n=960). The main migration reasons of Altay peoples are educational motivation, that's why moving to the urban territory is temporary. Altay people are segregated rather than adapted in urban area. The urban environment is just beginning to form, and mainly by titular ethnic group. Khakass people are tending to assimilation (not adaptation) because of an absolute minority on the territory of the republic.

Key words: migration, adaptation, urban, Altay people, Tuvans, Khakass people, ethnic identity

Для цитирования: Лушникова О. Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 113–125. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/113-125

For citation: Lushnikova O. L. Altay people, Tuvans, Khakass people: involvement in urban processes // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 113–125. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/113-125

Институциональный параметр "силы" региональных отделений всероссийских партий в Дальневосточном федеральном округе

Несмотря на тот факт, что партии в регионах России получили свою прописку относительно давно, их роль в политическом процессе далеко не везде однозначна. Это объясняется не только социально-экономическими факторами, но и особенностями конфигурации региональных органов власти. Несмотря на факт существования целого ряда рамочных законов, регулирующих механизм формирования органов власти сам формат от случая к случаю значительно, отличается.

Цель данной работы заключается в сборе и сравнении данных показателей "силы" региональных отделений всероссийских партий Дальневосточного Федерального Округа (ДФО). На основе полученных данных мы предполагаем, что сможем определить, в каком из регионов ДФО будет протекать самая острая идеологическая борьба за мандаты депутатов Госдумы нынешней осенью. При этом на данный момент мы будем исходить из формальных критериев, фиксируя номинальную "силу партий" в субъектах федерации ДФО.

Партии, явившиеся инструментом, сглаживающим острые углы в отношениях центра и регионов, при этом порождают совершенно разные принципы лоббирования интересов в обе стороны. В каждом регионе они свои, именно поэтому наш индекс "силы партии", как мы считаем, позволит хотя бы номинально определить насколько важно для того или иного региона ДФО идеологическое распределение мест в региональной системе власти. Таким образом "сила партии" определяется нами как номинальная оценочная совокупность полномочий, которые получает та или иная партия в том или ином регионе России, исходя из текущей расстановки политических сил, которую можно отследить.

За основу нами берутся данные не только расстановки сил в региональном парламенте, но и учитывается партийная принадлежность главы региона, депутатов федерального собрания, назначенных и избранных от субъекта федерации.

Количественные исследования политических партий являются довольно широко охваченной темой исследований в России [8, с. 29–51; 9, с. 27–49; 22, с. 134–142]. Наш подход к анализу во многом еще более прост и вписывается в классические принципы институционального анализа. Важным достоинством параметра "силы партии" является учет всех возможных постов как исполнительных, так и в законодательных органах власти как в самом регионе, так и его представителей на уровне федерального центра.

Методика проведения исследования

В качестве методики исследования "силы" политических партий мы за основу используем широко известный подход М.С. Шугарта и Дж. Кэри. Данная методика предполагает использование простого интервального метода. Разделив полномочия президента на законодательные и незаконодательные, Шугарт и Кэри оценивают каждое из них по 5-балльной системе (4 – 3 – 2 – 1 – 0), а затем суммируют полученные числовые значения [23, с. 148–166]. Выделение "не целых" чисел обуславливается тем обстоятельством, что часть полномочий последних условно можно назвать "половинчатыми" [6, с. 9].

Таблица 1. Распределение должностных позиций в регионе согласно рейтингу "силы"

	Название органа власти (должности)	Рейтинг в баллах
1	Зам. пред. комитета в региональном законодательном собрании	0,5
2	Председатель комитета в региональном законодательном собрании	1,0
3	Зам. пред. регионального законодательного собрания	1,5
4	Председатель регионального законодательного собрания	3,0
5	Депутат Совета Федерации от региона	1,5
6	Депутат Государственной Думы от региона	2,0
7	Глава субъекта федерации	4,5

Источник: составлено автором.

Мы в данном случае будем распределять наиболее важные с точки зрения партийной принадлежности выборные и назначаемые должности в региональном политическом пространстве. Вопрос расстановки баллов "силы" партийных игроков в региональном политическом пространстве нами определяется согласно *таблице 1*.

Ключевыми отправными точками для определения "силы" партийных игроков в региональном пространстве, безусловно, стали фигуры главы региона и спикера регионального парламента. Априори в большинстве сегодняшних регионов глава субъекта "сильнее" спикера, что обуславливается его прямой формой ответственности перед населением, в то время как спикер отвечает, в-первую очередь, перед парламентом, затем перед жителями территории, от которой он избран (либо партии, если избран по пропорциональной части) [7, с. 146–164].

Соответственно для определения "силы" главы субъекта правильное станет процесс разложения должностных полномочий в рамках парламента. В результате за одну единицу "силы" будет взят статус главы комитета в региональном законодательном собрании. Исходя из сложившейся ситуации, распределение stanovится, по нашему мнению, вполне объективным.

Совет Федерации сегодня по целому ряду параметров является органом власти в рамках которого партийная принадлежность уходит на второй план. Именно поэтому его оценка партийной составляющей чуть меньше, чем депутатов Госдумы. Ввиду чрезвычайной удаленности Москвы параметры оценки влияния депутатов Госдумы в регионе также низки [21, с. 162–180] и составляют 2 балла.

Безусловно, сам вопрос расстановки баллов во многом обсуждаемый, но учитывая реальную характеристику органов власти, данные в таблице №1 мы считаем реально объективными.

Не менее важными для учета качества партийного соревнования на местах мы считаем характеристики повышающего коэффициента, обусловленные параметрами инкубентства [3, с. 14]. Но в данном случае их необходимо разделить. В случае с главой субъекта федерации, депутатов федерального собрания, максимально повышающий коэффициент мы будем определять из расчета: сохранения статуса депутата - это умножение их возможностей в 1,5 раза, в случае если действующий представитель региона занимает это пост в первый раз, повышающий коэффициент будет равен – 1. Расчет повышающих коэффициентов в процессе учета силы партий в рамках регионального парламента будет учитываться исходя из общей доли инкубентов и расчета величины фракции в региональном парламенте.

Суммируя, таким образом, полученные результаты, мы получим количественный показатель силы каждой из партий. Исходя уже из полученных данных, мы сможем определить, каков процент влияния каждой из партий в процессе принятия политических решений в регионе.

	Регионы	Глава субъекта РФ	Депутат ГД от региона	Депутат СФ от региона	Козф. инкубентов (через точку запятую для каждой должности)	Спикер регион. зак. собрания	Вице спикер регион. зак. собрания	Председатель комитета регион. зак. собрания	Зам. пред. комитета регион. зак. собрания
1	Амурская область	ЕР	1) ЛДПР 2) СР	1) ЕР 2) ЛДПР	1; 1; 1; 1,5; 1	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1) 5 ЕР	1) КПРФ 2) ЕР 3) СР 4) ЛДПР 5) -
2	Хабаровский край	ЛДПР	1) ЛДПР 2) ЕР	1) ЛДПР 2) ЛДПР	1; 1; 1; 1.	ЛДПР	1) ЛДПР 2) ЕР	1) 5 ЛДПР	5 ЛДПР
3	Приморский край	ЕР	1) ЛДПР 2) КПРФ 3) ЕР 4) ЕР 5) ЕР 6) ЕР	1) ЕР 2) СР	1; 1; 1,5; 1; 1; 1; 1,5; 1; 1,5	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1) 5 ЕР (1 совмест) 2) 1 ЛДПР	1) 12 ЕР 2) 4 КПРФ 3) 1 ЛДПР 4) 1 СР
4	Сахалинская область	ЕР	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1;1,5; 1;1;	ЕР	ЕР	1) 6 ЕР	1) 8 ЕР 2) 3 КПРФ 3) 1 ЛДПР
5	Еврейская автономная область	ЕР	ЕР	1) Б/п (Валяев Ю.К.) 2) ЕР	1;1;1;1,5	ЕР	ЕР	1) 5 ЕР (1 совмест)	1) 5 ЕР 2) 1 ЛДПР 3) КПРФ 4) СР
6	Магаданская область	ЕР	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1;1;1,5;1,5	ЕР	5 ЕР	3 ЕР (2 совмест)	3 ЕР
7	Камчатский край	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1; 1,5; 1,5;1	ЕР	2 ЕР	4 ЕР (1 совмест)	1) 8 ЕР 2) 1 ЛДПР 3) 1 КПРФ
8	Чукотский автономный округ	ЕР	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1,5; 1; 1,5; 1,5	ЕР	2 ЕР	4 ЕР (2 совмест)	1) 3 ЕР 2) 1 СР
9	Республика Бурятия	ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1;1;1;1;1,5	ЕР	2 ЕР	1) 5 ЕР 2) 1 КПРФ	1) 3 ЕР 2) 1 КПРФ 3) 1 ЛДПР 4) 1 СР
10	Забайкальский край	ЕР	1) КПРФ 2) ЛДПР 3) ЕР	1) ЕР 2) ЕР	1; 1,5;1,5; 1,5; 1; 1,5	ЕР	3 ЕР	1) 5 ЕР (3 совмест) 2) 1 ЛДПР	1) 1 ЕР 2) 1 КПРФ 3) 1 СР 4) 1 ЛДПР 5) 1 Партия пенсионеров 6) 1 Партия дела
11	Республика Саха Якутия	ЕР	1) ЕР 2) СР	1) ЕР 2) ЕР	1;1;1,5;1;1,5	ЕР	1) 2 ЕР 2) 1 КПРФ	1) 11 ЕР 2) 1 ЛДПР 3) 1 СР	1) 17 ЕР (2 совмест) 2) 2 ЛДПР 3) 2 КПРФ 4) 1 СР

Источник: составлено автором на основе: [1, с. 83–96; 2, с. 48–59; 4; 5; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

**Таблица 2. "Сила" политических партий в субъектах
Дальневосточного федерального округа**

Козфф. инкубентов (для всего парламента)	Козфф. величина фракции (для всего парламента)	Сила партии в регионе Первый столбец – сила политической партии. Второй столбец – доля влияния партий на процесс принятия политического решения в регионе								
		ЕР		ЛДПР		КПРФ		СР		Общ
1,14	ЕР-1,7 СР – 1,03 КПРФ – 1,08 ЛДПР -1,19	29,037	79,81%	4,1156	11,31%	0,6156	1,69%	2,6156	7,18%	36,38
1	ЛДПР -1,78 ЕР – 1,083 КПРФ – 1,055	4,166	11,61%	30,86	86,05%					35,86
1,375	ЕР - 1,6; КПРФ – 1,2; ЛДПР – 1,125 СР – 1,025	52,4	79,42%	4,32	6,54%	6,3	9,54%	2,9546	4,47%	65,97
1,32	ЕР-1,71 КПРФ-1,1 ЛДПР – 1,07	43,224	93,74%	0,7062	1,53%	2,178	4,72%			46,08
1,42	ЕР-1,68 КПРФ-1,11 ЛДПР-1,16 СР-1,05	32,606	93,27	0,8236	2,35%	0,7881	2,25%	0,7455	2,13%	34,95
1,5714	ЕР -1,81 ЛДПР-1,09 СР – 1,04 КПРФ 1,04-	53,66	100%							53,6
1,39	ЕР 1,75 ЛДПР-1,11 КПРФ- 1,07	47,055	96,88%	0,77145	1,58%	0,74365	1,53%			48,57
1,2	ЕР – 1,67 КПРФ-1,13 ЛДПР-1,13 СР-1,07	36,296	98,26%					0,642	1,74%	36,93
1,45	ЕР-1,6 КПРФ – 1,15 СР-1,08 ЛДПР- 1,06	41,25	91,05%	0,7685	1,69%	2,5	5,51%	0,783	1,72%	45,30
1,3	ЕР – 1,42 КПРФ – 1,28 ЛДПР – 1,2 СР – 1,06 ППР-1,02 ПД-1,02	33,998	75,24%	5,34	11,81%	3,832	8,4%	0,689	1,524%	45,04
1,4	ЕР-1,67 КПРФ-1,14 СР – 1,12 ЛДПР-1,057	47,123	79,38%	2,9596	4,98%	3,92	6,60%	5,352	9,01%	59,36

Полученные результаты параметров "силы партий", по-нашему мнению, должны отражать остроту идеологической борьбы, которая будет осуществляться в региональном политическом пространстве. Поскольку любой член партии, занимающий тот или иной пост, вынужден в той или иной мере демонстрировать свою приверженность к идеалам той силы, что он воплощает.

Результаты сбора данных предложены в *таблице 2*.

В качестве примера возьмем пример расчета параметров силы партии в Амурской области. Расчет "силы партии" ЕР: 4,5 (глава региона, член ЕР) + 1,5 (депутат СФ, член ЕР) \times 1,5 (поскольку занимает второй срок подряд) + (3 (спикер, член ЕР) + 1,5 \times 2 (2 вице спикера члены ЕР) + 5 (председатели комитетов, члены ЕР) + 0,5 (зам.пред комитета, член ЕР)) \times 1,14 (доля инкубентов в региональном законодательном собрании, составляет 14%) \times 1,7 (величина фракции ЕР составляет 70%) = 29,037. При расчете силы всех партий в регионе, мы определяем долю партии ЕР, которая составляет – 79,81%. Такова доля влияния партийных функционеров, избранных на ключевые позиции в региональной системе органов государственной власти.

Полученные данные позволяют отметить, что наибольшими показателями "силы" партии в ДФО выделяются отделение ЕР в Магаданской области – 53,6, что обусловлено тем, что все мандаты от региона на уровне федерации, как и пост главы субъекта заняли представители партии власти. В региональном парламенте целых пять вице-спикеров! Не маловажным стало и то, что самая большая фракция и самый большой показатель доли инкубентов также характерен для партии "Единая Россия" в этом регионе.

На втором месте следует выделить отделение "партии власти" в Приморском крае – 52,4 – ЕР, что можно объяснить тем, что у края 6 депутатов Госдумы, а в региональном законодательном собрании целых 3 заместителя в постоянных комитетах регионального законодательного собрания.

Среди низких показателей "силы партии" следует отметить Амурскую область (29,037 – ЕР) и Хабаровский край (30,86 – ЛДПР). И если в Амурской области относительная слабость ЕР объясняется тем, что места в Федеральном Собрании получили депутаты оппозиционных партий, то в случае Хабаровского края с доминирующей ЛДПР понижающим фактором является отсутствие инкубентов.

Суммируя таким образом данные "силы" партий в регионе, мы можем определить, в каком из субъектов ДФО "идеологический" формат борьбы должен быть наиболее острым. Полученные данные позволяют распределить регионы в следующей последовательности: Приморский край (65,9), Республика Саха Якутия (59,3), Магаданская область (53,6), Камчатский край (48,5), Сахалинская область (46,08), Республика Бурятия (45,3), Забайкальский край (45,04).

Кроме номинальных показателей "силы партии", безусловно, необходимо учитывать и долю влияния той или иной силы на процесс принятия политических решений. В тех регионах, где доля доминирующей партии будет наименее значимой, логично следует предположить: будет усиливаться межпартийное соревнование, и как следствие идеологическая борьба. В результате последовательность регионов ДФО значительно изменится. На первом месте в этом случае выходят: Забайкальский край (75,24% – ЕР), Республика Саха (Якутия) (79,38% – ЕР), Амурская область (79,81% – ЕР), Приморский край (79,42%), Хабаровский край (86,05% – ЛДПР).

Учитывая абсолютную форму доминирования "партии власти" в Магаданской и Сахалинской областях и Камчатском крае, следует предположить, что в этих регионах острой идеологической борьбы не будет.

Полученные данные позволяют предположить, что, исходя из институциональных параметров, наиболее острая идеологическая борьба, на предстоящих думских выборах осенью 2021 г., будет реализована в Приморском крае, Республике Саха Якутия, Забайкальском крае, Амурской области и Хабаровском крае.

Проведенное сравнительное исследование вскрывает целый ряд формальных принципов развития региональных парламентов, которые нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку посредством их либо усиливается, либо ослабляются институциональные качества региональных отделений

всероссийских политических партий. И если до событий 2011 г. эти правила усиливали позиции "партии власти", то сейчас однозначного ответа на этот вопрос нет.

Так сегодня часть регионов уже перешла к новой схеме выборов парламентариев или готовится к ней перейти¹, в рамках которой сокращается доля парламентариев избираемых по пропорциональной системе. Это, с одной стороны, ослабит партии на местах, с другой стороны, в условиях кризиса "партии власти" сможет усилить последнюю. Практически повсеместно в регионах России последние два электоральных цикла если победу одерживает "партия власти", то этого удается добиться исключительно за счет "мажоритарных округов".

Среди особых случаев ДФО, позволяющих нивелировать значение миноритарных фракций в регионах, следует, например, выделить 3 заместителя в комитетах законодательного собрания Приморского края. Но при этом есть обратные примеры, когда статус "партии власти" можно поднять за счет усиления позиций вице-спикеров, как это сделали в Магадане.

Выбивается из этой череды случай Саха Якутии с ее 15 постоянно действующими комитетами. При подсчете "силы" партий выявилось, что в ряде регионов часть депутатов имеют возможность работать в нескольких комитетах, но еще большее удивление вызывают случаи совмещения нескольких должностей одновременно. Так депутат Ил Тумэна (законодательного собрания Республики Саха (Якутии)) Михаил Дмитриевич Гуляев является председателем комитета по делам молодежи, физической культуре и спорту; заместителем председателя комитета по вопросам местного самоуправления и заместителем председателя комитета по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций.

Не менее важным является учет того факта, что регламенты парламентов субъектов федерации ДФО предполагают разные возможности занятия должностей. Так в случае с Забайкальским краем, регламент Законодательного собрания предполагает возможность получения должностей миноритарными фракциями, как минимум это должности зам. председателя комитета. Именно благодаря этому обстоятельству парламентарии от партий "Пенсионеров", "Справедливой России" и "Партии дела" при численности даже в один депутат, получили пост зампреда комитета.

В заключении следовало отметить, что в исследуемых случаях подтверждаются данные, свидетельствующие о том, что наиболее конкурентной в идеологическом плане борьба становится в крупных по численности субъектах. Вместе с тем, как показывает исследование, стабильности можно достичь и путем институционального экспериментирования.

Литература

1. Будаев Б.С. Бадмацыренов Т.Б. Политические партии "новых" субъектов Дальневосточного Федерального округа в преддверии начала нового электорального цикла // Вестник ЗабГУ. 2021. Том 27. № 2. С. 83–96.

2. Будаев Б.С. Бадмацыренов Т.Б. Политические партии и "длинный электоральный цикл" в Республике Бурятия 2016–2019 // Вестник ЗабГУ. 2020. Том 26. № 4. С. 48–59.

3. Григорьева М.В. Участие региональных и муниципальных депутатов в выборах законодательных собраний субъектов РФ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. №3. С 13–28.

4. Депутаты Государственной Думы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (дата обращения: 03.04.2021).

5. Депутаты Совета Федерации РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (дата обращения: 03.04.2021).

6. Зазнаев О.И. Измерение президентской власти // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Том 147. кн. 1. С. 4–22.

7. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2. С. 146–164.

¹ Прежняя схема предполагала выборы региональных парламентов по схеме 50% по мажоритарным округам и 50% по пропорциональной системе. Сейчас во многих регионах предлагается сократить долю парламентариев, избираемых по пропорциональной системе

8. Исаев Б.А. Характеристики партийных систем и вычисление некоторых показателей партиом // ПОЛИТЭКС. 2016. № 1. С. 29–51.
9. Лейпхарт А. Партийные системы. Двухпартийные и многопартийные системы // Партии и выборы: Хрестоматия / РАН.ИНИОН. М.: ИНИОН, 2004. С. 28–31.
10. Сайт Государственного собрания Ил Тумэн Республики Саха Якутия [Электронный ресурс]. URL: <https://iltumen.ru/deputies> (дата обращения: 03.04.2021).
11. Сайт Думы Чукотского автономного округа [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80ahnhajq6aec7b.xn--p1ai/deputaty.html> (дата обращения: 03.04.2021).
12. Сайт Законодательного собрания Амурской области [Электронный ресурс]. URL: <http://zsamur.ru/section/list/777/9> (дата обращения: 03.04.2021).
13. Сайт Законодательного собрания Еврейской автономной области [Электронный ресурс]. URL: <http://zseao.ru/sostav-i-struktura-zs/deputaty-zakonodatelnogo-sobraniya-vi-sozyva/> (дата обращения: 03.04.2021).
14. Сайт Законодательного собрания Забайкальского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaksobr-chita.ru/sostav-i-struktu-a/deputaty/> (дата обращения: 03.04.2021).
15. Сайт Законодательного собрания Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaksobr.kamchatka.ru/events/Deputy/> (дата обращения: 03.04.2021).
16. Сайт Законодательного собрания Приморского Края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/deputy/> (дата обращения: 03.04.2021).
17. Сайт Законодательной думы Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100566> (дата обращения: 03.04.2021).
18. Сайт Магаданской областной думы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.magoblduma.ru/elector/dep/> (дата обращения: 03.04.2021).
19. Сайт Народного Хурала Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://hural-buryatia.ru/deputat/> (дата обращения: 03.04.2021).
20. Сайт Сахалинской областной думы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dumasakhalin.ru/general-data/deputys?page=1> (дата обращения: 03.04.2021).
21. Туровский Р.Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Политика. 2016. №1 (80). С. 162–180.
22. Шпагин С.А. Региональные партийные системы в современной России: к методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С.134–142.
23. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional design and electoral dynamics. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. 316 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Budaev B.S. Badmatsyrenov T.B. Politicheskie partii "novykh" sub"ektov Dal'nevostochnogo Federal'nogo okruga v preddverii nachala novogo ehlektoral'nogo tsikla" // Vestnik ZabGU. 2021. Tom 27. № 2. S. 83–96.
2. Budaev B.S. Badmatsyrenov T.B. Politicheskie partii i "dlinnyj ehlektoral'nyj tsikl v Respublike Buryatiya 2016–2019 // Vestnik ZabGU. 2020. Tom 26. № 4. S. 48–59.
3. Grigor'eva M.V. Uchastie regional'nykh i munitsipal'nykh deputatov v vyborah zakonodatel'nykh sobranij sub"ektov RF // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2012. №3. S 13–28.
4. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
5. Deputaty Soveta Federatsii RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
6. Zaznaev O.I. Izmerenie prezidentskoj vlasti // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2005. Tom 147. kn. 1. S. 4–22.
7. Zaznaev O.I. Indeksnyj analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i postsovet'skogo prostranstva // Polis. 2007. № 2. S. 146–164.
8. Isaev B.A. KХarakteristiki partijnykh sistem i vychislenie nekotorykh pokazatelej partiom // POLITEHKS. 2016. № 1. S. 29–51.
9. Lejpkhart A. Partijnye sistemy i mnogopartijnye sistemy // Partii i vybory: KHrestomatiya / RAN.INION. M.: INION, 2004. S. 28–31.
10. Sajt Gosudarstvennogo sobraniya Il Tumehn Respubliki Sakha YAKutiya [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://iltumen.ru/deputies> (data obrashheniya: 03.04.2021).
11. Sajt Dumy CHukotskogo avtonomnogo okruga [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://xn--80ahnhajq6aec7b.xn--p1ai/deputaty.html> (data obrashheniya: 03.04.2021).
12. Sajt Zakonodatelnogo sobraniya Amurskoj oblasti [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://zsamur.ru/section/list/777/9> (data obrashheniya: 03.04.2021).
13. Sajt Zakonodatelnogo sobraniya Evrejskoj avtonomnoj oblasti [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://zseao.ru/sostav-i-struktura-zs/deputaty-zakonodatelnogo-sobraniya-vi-sozyva/> (data obrashheniya: 03.04.2021).

14. Sajt Zakonodatel'nogo sobraniya Zabajkal'skogo kraja [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.zaksobr-chita.ru/sostav-i-struktu-a/deputaty/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
15. Sajt Zakonodatel'nogo sobraniya Kamchatskogo kraja [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.zaksobr.kamchatka.ru/events/Deputaty> (data obrashheniya: 03.04.2021).
16. Sajt Zakonodatel'nogo sobraniya Primorskogo Kraja [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.zspk.gov.ru/deputy/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
17. Sajt Zakonodatel'noj dumy Khabarovskogo kraja [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100566> (data obrashheniya: 03.04.2021).
18. Sajt Magadanskoj oblastnoj dumy [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.magoblduma.ru/elector/dep/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
19. Sajt Narodnogo KHurala Respubliki Buryatiya [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://hural-buryatia.ru/deputat/> (data obrashheniya: 03.04.2021).
20. Sajt Sakhalinskoj oblastnoj dumy [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.dumasakhalin.ru/general-data/deputys?page=1> (data obrashheniya: 03.04.2021).
21. Turovskij R.F. Natsionalizatsiya i regionalizatsiya partijnykh sistem: podkhody k issledovaniyu // *Politiya*. 2016. №1 (80). S. 162–180.
22. SHpagin S.A. Regional'nye partijnye sistemy v sovremennoj Rossii: k metodologii issledovaniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2012. №3 (19). S.134–142.
23. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Sonstitutional design and electoral dynamics. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. 316 p.

Будаев Б. С. Институциональный параметр "силы" региональных отделений всероссийских партий в Дальневосточном федеральном округе.

На основе анализа данных о партийном распределении полномочий в исполнительных и законодательных органах власти субъектов Дальневосточного Федерального округа, а также представителей субъектов в Федеральном Собрании России, автором оценена "сила" партий в регионах. Оценка "силы" партий осуществлена на основе интервального метода, предложенного М.С. Шугартом и Дж. Кэри. Выявлены основные институциональные характеристики, выделяющие те или иные случаи. Автором предпринята попытка оценить возможный уровень накала идеологической борьбы накануне выборов депутатов Государственной Думы России.

Ключевые слова: *политические партии в регионах ДФО России, "сила партий", региональные парламенты*

Budaev B. S. The institutional parameter of the "strength" of regional branches of all-Russian parties in the Far Eastern Federal District.

Based on the analysis of data on the party distribution of powers of the executive and legislative bodies of power of the subjects of the Far Eastern Federal District, as well as representatives of the subjects in the Federal Assembly of Russia, the author assessed the "strength" of parties in the regions. The evaluation of the "strength" of the parties was carried out on the basis of the interval method proposed by Shugart M.S., and Carey J.M. The main institutional characteristics that distinguish certain cases have been identified. The author made an attempt to assess the possible level of intensity of the ideological struggle on the eve of the elections of the deputies of the State Duma of Russia.

Key words: *political parties in the regions of the Far Eastern Federal District of Russia, "The strength of the parties", regional parliaments*

Для цитирования: Будаев Б. С. Институциональный параметр "силы" региональных отделений всероссийских партий в Дальневосточном федеральном округе // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2021. № 3. С. 126–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/126-133

For citation: Budaev B. S. The institutional parameter of the "strength" of regional branches of all-Russian parties in the Far Eastern Federal District // *Ojkumena. Regional researches*. 2021. № 3. P. 126–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/126-133

Республика Корея в Африке: "Мягкая сила" как базовый инструмент политики

В современном мире, находящемся в активной стадии глобализации, получившие независимость, недавно окрепшие державы выходят на международную арену и стремятся укрепить свою позицию, занять новые рынки и получить доступ к ресурсам. Для достижения этих целей им необходимо определить основные инструменты воздействия и взаимодействия с другими странами. Классические инструменты внешней политики, такие как война, экспансия и угроза применения силы в настоящее время не уходят совсем, но теряют свою главенствующую роль. Теперь на смену "жёсткой силе" приходит "мягкая сила", которая подразумевает более лояльные способы достижения желаемых результатов как в рамках внешней политики, так и внутренней.

Первым термин "мягкая сила" ввёл Джозеф Най в начале 1990-х гг., применив его в своём научном труде: "Призвание к лидерству: меняющаяся природа Американской мощи" [6, с. 128]. В соответствии с его определением "мягкая сила" представляет собой форму внешнеполитической стратегии, предполагающей способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от "жёсткой силы", которая подразумевает насильственное принуждение.

Существенное влияние на инструменты "мягкой силы" оказал и научно-технический прогресс. Весомый вклад в возможности государств по распространению своего влияния внесло развитие радио и телевидения, а в конце XX – начале XXI в. – интернета и мобильных сетей. Стала доступна не только информация о той или иной стране и ее привлекательности, но и новые инструменты государственной пропаганды, направленной в том числе и на внешнюю аудиторию [1, с. 133].

Мировая экономика, тесно связанная с геополитикой, увеличивает свои масштабы, существующие рынки трансформируются и производственные центры постоянно перемещаются. После стремительного развития Юго-Восточной Азии, независимая Африка выходит на первый план, как континент с неограниченным потенциалом роста. Африканский континент богат природными ресурсами, также там регистрируется устойчивый демографический рост, который говорит о том, что будет увеличиваться количество потенциальных потребителей, а значит и увеличится спрос на услуги и товары. Вместе с тем среди ряда развитых стран существует тенденция к переносу производства, особенно трудоёмкого, за пределы своего государства, и в этом контексте некоторые из них рассматривают Африку [2]. Несмотря на то, что часть стран продолжает использовать "жёсткую силу", чтобы оказывать влияние и получать доступ к ресурсам в регионе. Большая часть мира, в том числе Республика Корея, предпочитает применять "мягкую силу" для ведения внешней политики и достижения желаемых целей.

Этап становления отношений

Первые официальные контакты Республики Корея и Африки датируются годами Корейской войны 1950–1953 гг. [3]. Тогда эфиопский пеший батальон участвовал в боевых действиях в составе армии ООН. Корейцы очень высоко оценивают героизм и стойкость африканских солдат, а также их вклад. Недавно в знак признательности в 2019 г. в Аддис-Абеба при поддержке компании Lotte Group был открыт центр помощи ветеранам Корейской войны [3].

Участие батальона в войне оказало большое влияние на будущие отношения Южной Кореи и Эфиопии. Впоследствии Эфиопия стала первой африканской страной, в которой была опробована модель передачи собственного опыта Кореи по преодолению отсталости. На протяжении многих лет Эфиопия входит в список главных реципиентов Кореи на Африканском континенте.

После Корейской войны Республика сама находилась в состоянии не лучше, чем Африканские державы, многие строения были разрушены, электрификация страны оставляла желать лучшего, даже в Сеуле далеко не в каждом районе был свет. Корея находилась в статусе реципиента, получая гуманитарную помощь от международных организаций и, в частности, от США. Её внешняя политика была весьма ограничена, основные силы были сосредоточены на восстановлении страны и преодолении бедности и общей отсталости.

После того, как ООН провозгласила "год Африки", и 17 африканских государств получили независимость от европейских держав, Республика Корея предприняла попытку сближения, но в целом дипломатия в Африке заключалась в конкурировании с Северной Кореей. Одна из составляющих этой конкуренции проявлялась в конфронтации голосов на заседаниях ООН. Южная Корея стремилась наладить отношения с Африканскими странами с целью заручиться поддержкой в случае, если возникнет очередной межкорейский конфликт на фоне затянувшейся холодной войны.

К концу 70-х – началу 80-х гг. Республика Корея значительно увеличила свои экономические возможности и смогла преодолеть проблему бедности и общей отсталости. В этот же период, оставаясь реципиентом, она начинает выступать в роли донора. В 1982 г. президент Чон Духван первым из корейских президентов посещает страны Африки, а именно: Кению, Сенегал, Габон и Нигерию. В тот же год Республику Корею посещают 9 Африканских лидеров. Правительство направляет специальных послов и делегацию доброй воли. Тогда же подписываются различные соглашения, предоставляется безвозмездная помощь, направляются группы сельскохозяйственных исследователей и группы мастеров тхэквондо [3]. Всё это делается из расчёта создать условия для развития практического экономического и технического сотрудничества, путём повышения осведомлённости африканского населения и создания позитивного образа Кореи. Подобные меры, могут быть расценены как ведение внешней политики с применением инструментов "мягкой силы". Эти действия в сторону Африки можно назвать экстренными попытками поиска способов замедления приближения экономического кризиса, нависшего после второго нефтяного шока, посредством создания позитивного фона, который позволил бы получить доступ к рынкам и ресурсам африканских стран, а также поиском союзников или препятствия развитию холодной войны, а после её завершения способ распространить влияние и закрепиться на новых территориях, которые больше не были подвержены гегемонии социализма. Все эти попытки имели весьма условный характер, тогда не существовало соответствующих институтов, которые могли бы регулировать работу в направлении Африки, к тому же правительство не было готово выделять достаточных средств для более активного взаимодействия. По сравнению со странами соседями, такими как Китай или Япония, присутствие Кореи в африканском регионе было незначительным.

Современный этап

С начала 2000-х гг. африканские страны начинают стремительно меняться, как политически, так и экономически, они становятся глобальным направлением как континент с неограниченным потенциалом роста. Республика Корея, основной целью которой является стать "Зрелой глобальной страной", приходит к тому, что ей необходимо расширять обмен и наращивать объёмы сотрудничества с Африканским континентом.

Вместе с формированием внешнеполитической стратегии, цель которой определялась в поиске новых рынков и повышении личного статуса на международной арене, начинается современный этап отношений Республики Корея и Африки. В марте 2006 г. президент Но Мухён посещает ряд африканских стран, это первые подобные визиты, совершённые после 1982 г. По инициативе Министерства иностранных дел Кореи создаётся Корейско-африканский форум, который впоследствии перейдёт на постоянную основу, станет

основным консультативным органом для правительства, учёных и граждан и будет играть значимую роль в процессе определения основных направлений взаимодействия и организации совместных проектов. К августу того же года, вместе с установлением дипломатических отношений с Ганой, Республика Корея устанавливает дипломатические отношения со всеми, на тот момент 53, африканскими странами [3].

На первой встрече Корейско-африканского форума была озвучена "Корейская инициатива по развитию Африки". Она определила основные приоритетные направления сотрудничества и до сих пор остаётся главным ориентиром для построения современной стратегии сотрудничества. Эта инициатива состояла из следующих 10 пунктов:

1) К 2008 г. трёхкратно увеличить общую сумму помощи в целях развития Африки.

2) Корея будет стремиться поделиться с африканскими странами личным опытом преодоления бедности и отсталости за короткий промежуток времени.

3) Корея увеличит количество программ по снижению детской смертности, программ по поддержке матери и ребёнка, а также программ по искоренению болезней, включая ВИЧ/СПИД, малярию и туберкулёз.

4) Корея внесёт вклад в развитие человеческого капитала, оказывая поддержку базовому и профессиональному образованию в Африке.

5) Корея расширит свою помощь в сфере сельского хозяйства и рыболовства, чтоб минимизировать проблему дефицита продуктов питания и содействовать развитию сырьевой промышленности.

6) Распространяя передовые корейские ИКТ в африканских странах, Корея внесёт свой вклад в преодоление цифрового разрыва в регионе.

7) Будет создан Корейско-африканский форум – консультативный орган для правительственных чиновников, учёных и граждан как основной проводник для регулярных консультаций между Кореей и Африкой.

8) Совместно с международными организациями Корея будет работать над улучшением качества и повышением эффективности деятельности по развитию Африки.

9) Для улучшения торгового потенциала Африки Корея расширит торговлю и увеличит инвестиции в Африку.

10) Эта инициатива будет осуществляться с акцентом на усилении собственной ответственности Африки за своё развитие [12, с. 5–7].

Если проанализировать содержание, то можно заметить, что в основных пунктах "Корейская инициатива развития" повторяет текст Декларации тысячелетия ООН и стратегий сотрудничества с Африкой других стран, таких как Великобритания, Турция. Однако часть пунктов переработана с учётом личного опыта Кореи, а также с расчётом возможности использовать высокий потенциал Кореи в определённых отраслях.

В соответствии с видением администрации Но Мухёна сотрудничество с африканским континентом имело по большей части экономический подтекст. В нескольких пунктах инициативы были уточнения на это указывающие, например, что Корейско-африканский форум в первую очередь должен стать консультативным органом для проектов экономического сотрудничества. Также особо подчёркивалось международное сотрудничество с другими странами в рамках программ по развитию Африки. Эти уточнения говорят нам о том, что в тот период были предприняты попытки создать благоприятные условия для выхода южнокорейских компаний на рынки Африки.

В 2007 г. к власти пришёл консерватор Ли Мёнбак, тогда многие решили, что Африка выйдет из поля зрения и станет менее интересна новому правительству. Но очередная встреча Корейско-африканского форума в 2009 г. развеяла эти мысли. На встречу были приглашены не только главы африканских государств, но и члены Африканского союза, кроме обсуждения результатов прошлого форума, Корея обязалась в дальнейшем продолжить сотрудничество с союзом. В 2010 г. Ли Мёнбак в своём новогоднем обращении подчеркнул особый приоритет укрепления дипломатических отношений с африканским континентом, что в свою очередь окончательно избавило от последних сомнений.

Рис. 1. Общая концепция "Первой региональной стратегии для развития Африки" (2012–2015)

Источник: [9; с. 11].

Во время своего визита в 2011 г. в Демократическую Республику Конго Ли Мёнбак обсудил с Жозефом Кабиллой северокорейские испытания баллистических ракет в 2009 г. И чуть позже выразил заинтересованность в расширении коммерческих связей с Конго, что можно расценивать как попытку оказать влияние на Северную Корею через союзные страны. В ответ на экономическую поддержку, в некоторых случаях таможенные преференции или иные послабления союзные страны выражали своё несогласие с политикой КНДР и ограничивали сотрудничество.

В рамках официальных визитов в Африку Ли Мёнбак съездил в Эфиопию. Там он посетил мемориал эфиопским солдатам, сражавшимся в годы Корейской войны. Подчёркивая важность участия Эфиопии в этой войне, он пообещал пригласить потомков эфиопских ветеранов в Корею, чтобы поделиться с ними опытом экономического развития [3]. Так, посетив две страны, которые продолжительное время сотрудничали с Северной Кореей, Ли Мёнбак чётко дал понять, что кроме экономической политики теперь продвигается и геополитика. При нём отношения Африки и Кореи перешли из разряда экономического сотрудничества в международную политику. При этом рычагами давления всё ещё выступала экономическая поддержка и иные гуманитарные проекты сотрудничества.

При Ли Мёнбаке была разработана "Первая региональная стратегия для развития Африки (2012-2015)", основное видение которой звучало как "Hope WITH Africa" [9, с. 2]. В ней были определены основные четыре идеи (рис 1), которые объединялись в общую цель, заключающуюся в безграничном развитии скрытого потенциала Африки, ведущем Африку к светлому будущему и счастливой жизни каждого. Корея в этом пути должна лишь поддерживать собственные инициативы африканских стран, выступая в роли консультанта и донора. Каждая из четырёх идей объединяла определённые группы проектов. Так "Богатая Африка" включала в себя проекты по развитию отрасли сельского хозяйства и промышленности; "Инициативная Африка" была сосредоточена в области управления, как на правительственном уровне, так и на уровне работы организаций и предприятий; "Процветающая Африка" главным образом опиралась на проекты образования и здравоохранения; "Гармоничная Африка" не определялось какой-то одной сферой, её функции заключались в гармоничном продвижении проектов, они должны были быть экологичными и равноправными для всех.

Таблица 1. Оценка эффективности проектов, выполненных в рамках "Первой региональной стратегии для развития Африки (2012–2015)" в %.

Область	Северная Африка	Центральная и Западная Африка	Юго-Восточная Африка
Правительственные проекты	0,0	0,0	40,0
Образование	100,0	90,0	90,9
"Зелёная" энергия	0,0	100,0	50,0
Сельское хозяйство	66,7	40,0	40,0
Здравоохранение	-	90,9	100,0

Составлено на основе: [8, с. 18–22].

Первая стратегия опиралась на "Корейскую инициативу развития Африки" и планы поддержки африканского континента на 2006–2008 г. и 2008–2010 г. Кроме этого, были взяты на вооружение Цели развития тысячелетия, представленные на ассамблее ООН в 2010 г. Для её разработки была собрана "Task Force Team", группа африканских представителей, сотрудников центров исследований и отраслевых специалистов. Она просуществовала на протяжении 6 месяцев. Из основных отличий от предыдущих планов развития, которые использовала Корея в своей политике, можно выделить следующие:

- Изменилась политика выбора проектов развития и поддержки. Теперь проекты, которые были предложены корейской стороной и были выгодны по большей части ей же, перестали быть приоритетными. В первую очередь рассматривались проекты развития и поддержки, которые были инициированы африканской стороной и должны были решать внутренние проблемы.

- Изменилось региональное отраслевое деление при реализации проектов. Так, до этого в Северной Африке основной отраслью, в которой осуществлялось сотрудничество, была отрасль высоких технологий, в том числе распространение ИКТ. В странах к югу от Сахары напротив, основной упор делался на развитие сельского хозяйства. По новому принципу, чёткое деление сфер влияния размывалось, Корея старалась организовывать проекты во всех странах по одинаковым направлениям, опираясь на собственный потенциал.

По оценке специалистов стратегия проявила большую результативность в Центральной и Западной Африке, там 72,7% проектов были успешно завершены и притворены в жизнь, а вот в Северной Африке напротив эффективными оказались только 33,3% проектов. Самыми успешными оказались образовательные проекты и проекты здравоохранения, как мы можем видеть в *таблице 1*, почти везде было 90–100% достигнуто совпадений, хуже всего себя проявили правительственные проекты в сфере управления, они показали лишь 40% работоспособность в Юго-Восточной Африке. Остальные группы проектов демонстрируют неоднозначную корреляцию, в одном регионе они были максимально эффективны, а в другом особой результативности выявлено не было.

Таким образом, Республика Корея в рамках инициативы развития продвигает идеи и проекты, которые должны создать положительное впечатление о стране. Роль наставника и друга, который в приоритет выносит проекты, которые необходимы региону, а не те, которые принесут наибольшую прибыль. Так как в перспективе соответствующие необходимости проекты более окупаемы и имеют потенциал к развитию.

В 2013 г. президентом стала Пак Кынхе. Её политика в отношении Африки может быть охарактеризована как борьба с присутствием Северной Кореи на континенте. После испытаний баллистических ракет с ядерной боеголовкой в декабре 2012 г. внешняя политика в отношении Северной Кореи была резко изменена. Администрация Пак Кынхе активно призывала другие страны изолировать Северную Корею, в этом стремлении её поддерживала

ООН. Она встречалась с главами африканских государств, которые на протяжении долгих лет сотрудничали с Северной Кореей. Так во время визита президента Уганды Йовери Мусевени в Сеул, они обсуждали вопрос расширения коммерческих связей, сотрудничества в сфере безопасности и увеличения поддержки образования [7, с. 32]. Стоит отметить, что Уганда во всех этих областях продолжительное время сотрудничала с Северной Кореей. Пак Кынхе придавала большое значение увеличению объёмов гуманитарной помощи с целью заручиться поддержкой в вопросе изоляции Северной Кореи, а также для того, чтобы эти страны призвали Север отказаться от ядерного вооружения. В последствии это заметное увеличение объёмов гуманитарной поддержки, направляемой для осуществления этих целей, будет подвергнуто критике со стороны экспертов и будет названо чрезмерным и недалёководным.

В этот период в соответствии с политическим видением администрации Пак Кынхе, которое заключалось в создании "Счастливой глобальной деревни" (при активном участии Республики Корея в роли посредника), формируется новый подход к сотрудничеству и поддержке Африки. Продвигается политика публичной дипломатии в области языка и культуры. Корейский язык и культура в этой парадигме выполняют роль базиса и связующего элемента в процессе развёртывания "Счастливой глобальной деревни". Основная идея звучит следующим образом: "Продвижение счастья, а также достижение взаимопонимания через хангыль и корейскую культуру, что в последствии должно помочь участникам корейских программ повышения квалификации достичь экономических выгод и способствовать развитию собственных стран" [10, с. 35–37]. Однако из-за отсутствия инфраструктуры во многих странах этого региона, языковые и образовательные программы в основном продвигались в Северной Африке и их количество несло весьма ограниченный характер.

Кроме продвижения публичной политики, при Пак Кынхе, творчески перерабатывается проект "Движения за новую деревню" для применения в Африке. Усовершенствованная модель делала возможным передачу и внедрение опыта Кореи в преодолении бедности и отсталости для создания собственного процветающего государства. "Движение за новую деревню" – экономическая региональная политика, созданная по инициативе Пак Чонхи, которая продвигалась в 70-х гг. XX в. Впоследствии наравне с другими инновационными решениями она сыграла большую роль в экономическом развитии Республики Корея. Основная идея этой политики заключалась не только в развитии инфраструктуры, строительстве специальных сооружений, механизации сельскохозяйственных и производственных процессов, но и в качественной подготовке квалифицированных кадров, которые должны были стать лидерами и активными участниками этого движения. Модель "Движения за новую деревню" понравилась ряду африканских стран, на данный момент, с участием Республики Корея в качестве консультанта и донора, она реализуется в Эфиопии, Уганде, Кот-д'Ивуар, Бурунди и Конго [11].

После импичмента Пак Кынхе в мае 2017 г. кресло президента занял Мун Джэин. В отличие от своей предшественницы новый президент определил приоритетным сближение с Северной Кореей. В связи с чем он не расценивает Африку как место конкурирования с Севером или в качестве своеобразного рычага давления. Администрация Мун Джэина переориентировала свою политику исключительно на экономическое развитие и коммерческое сотрудничество. Основные направления новой внешней политики в Африке заключаются в поддержке развития человеческого капитала, с особым акцентом на молодёжь, продвижение технологического прогресса и поддержка предпринимателей. Для этих целей организуются различные форумы, например, молодёжный бизнес-форум Корея-Африка, где молодые предприниматели или просто молодые инициативные люди представляют готовые продукты или инициативные разработки, а также обмениваются опытом и знаниями.

В начале 2020 г. была представлена "Вторая региональная стратегия для развития Африки". При её создании были учтены проблемные моменты, которые проявились во время осуществления первой стратегии, также при разработке были включены новые Цели устойчивого развития, представленные в ООН в 2015 г. и "Повестка дня Африканского союза до 2063 г.". Новая стратегия придаёт особое значение гендерному равенству и поддержке моло-

дэжи. При создании и реализации проектов делает упор на 4P (People, Peace, Prosperity, Planet) [8, с. 7].

При рассмотрении содержания Второй стратегии можно выделить 3 блока, которые определяют направление сотрудничества. Первые два – это гендерная политика и поддержка молодёжи – одинаково применимы ко всем регионам Африки. А вот третий блок региональной стратегии диверсифицирован для каждого района в зависимости от внутренних потребностей.

Гендерная политика, как часть Второй региональной стратегии, носит название Fill the GAP. Она соответствует пятой Цели устойчивого развития, заключается в обеспечении гендерного равенства, расширение прав и возможностей для женщин всех возрастов. В первую очередь рассматривается возможность полного включения женщин в состав рабочей силы, это должно помочь экономическому развитию региона. Кроме того, экономическая независимость женщин способствует формированию безопасной среды, в которой женщина чувствует себя защищённой, увеличивается её участие как в экономической, так и в политической жизни страны. Что, в свою очередь, может поспособствовать демократизации и преодолению общей отсталости государства.

Программа по поддержке молодежи или Youth Build Program должна помочь в решении проблемы занятости молодёжи. Будет осуществляться поддержка молодых предпринимателей, а также в зависимости от регионального развития будут создаваться начальные и профессиональные образовательные программы для подготовки кадров, которые в первую очередь востребованы на рынке труда.

Региональная стратегия разделена по трём территориальным областям: Северная Африка, Центральная и Западная Африка, Юго-Восточная Африка. Ниже представлены основные пункты этой стратегии:

- В Северной Африке вместе с поддержкой профессионального образования и цифровизации административных сервисов, направленных на увеличение товарооборота, выдвигаются проекты решения проблемы безработицы среди населения как превентивная мера против региональных конфликтов.

- В Центральной и Западной Африке будет осуществляться поддержка инклюзивных образовательных программ для увеличения товарооборота, медицинская поддержка матери и ребёнка, поддержка отрасли сельского хозяйства, проекты по обеспечению питьевой водой. Для решения продолжающихся региональных конфликтов будет привлекаться Международная сеть по конфликтам и нестабильности ОСЭР (INCAF).

- В Юго-Восточной Африке также осуществляется поддержка профессионального образования для увеличения будущего товарооборота, медицинская поддержка матери и ребёнка, помощь при реагировании на климатические изменения. Сотрудничество со странами Африканского рога посредством восточноафриканских организаций для решения внутрирегиональных проблем и конфликтов [8, с. 7–10].

При сравнении основного содержания Первой и Второй стратегии регионального развития можно отметить, что во втором варианте сильнее проявляется политическое видение действующего правительства. Во всех регионах планируется осуществлять поддержку молодёжи в области профессионального образования с целью наращивания экономического потенциала африканских стран и более эффективного сотрудничества, основанного на схожих принципах, в будущем. Также в отличие от прошлой стратегии придаётся большее значение поиску способов предотвращения и предупреждения региональных конфликтов, для этих целей планируется привлекать как внутренние ресурсы, так и международные организации. Так, благодаря стратегии развития формируется позитивный образ не только для Африки, но и для всей международной общественности.

Задачи и ресурсы "мягкой силы"

Рассматривая отношения Республики Корея и Африки на протяжении всего периода дипломатических отношений, можно сказать, что, несмотря на часто звучащий экономический подтекст, основное значение так или иначе придаётся геополитике. Сотрудничество с африканскими странами решает сразу несколько задач, которые являются важными для неё в процессе пере-

хода к "зрелой глобальной державе". Можно выделить следующие цели, которые она преследует, используя "мягкую силу":

- расширение рынков сбыта;
- повышение престижа бренда Республики Корея;
- международное сотрудничество в рамках проектов развития Африки;
- укрепление личной позиции на международной арене;
- влияние на отношения с Северной Кореей при участии третьей стороны.

Говоря о ресурсах "мягкой силы", которые использует Республика Корея, можно рассмотреть разработки корейских исследователей. Они выделяют следующие ресурсы "мягкой силы", которые применяются во внешнеполитической стратегии:

- 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации;
- 2) "Корейская волна" [5, с. 207].

После обретения независимости африканские страны столкнулись с проблемами, которые во многом схожи с теми, которые стояли на повестке дня Южной Кореи после освобождения от японской экспансии и Корейской войны. Этот схожий опыт и позитивный образ того, как Корея в короткие сроки смогла преодолеть трудности, определяют выбор в пользу первого ресурса, как основного для работы со странами Африки. Большая часть африканских стран заинтересована в собственном развитии и преодолении трудностей, поэтому их привлекают чужие успешные модели, особенно если учесть, что Корея готова оказать поддержку для их осуществления. Так называемая "Корейская волна" здесь играет роль, скорее, вспомогательного ресурса, благодаря которому упрощается процесс адаптирования к программам и последующее взаимодействие.

Передача собственного успешного опыта в модернизации и демократизации особо подчёркивается в корейских стратегиях в африканском регионе, этот пункт был вторым в "Корейской инициативе развития Африки", Ли Мёнбак во время своих визитов на континент повторял эту мысль. Однако практика показала, что однообразные попытки внедрения аналогичных мер по преодолению бедности и отсталости не приносят никакого эффекта, а в некоторых случаях создают негативный. Пак Чондэ, посол Республики Корея в ЮАР, в своей книге, посвящённой переосмыслению развития Африки, подчёркивает значение этического воспитания населения. Он говорит о том, что невозможно передать собственный опыт, внедрить новые технологии, если как на правительственном, так и на гражданском уровне будет сохраняться халатность, посредственность в работе и безразличие к всему, что происходит [4, с. 286]. В этом контексте публичная политика, продвигающая корейскую культуру посредством корейского языка, может оказать влияние на мышление молодого населения. Однако современный масштаб подобных программ недостаточен, чтобы проявился значительный эффект.

Ресурс "мягкой силы" Республики Корея, который представлен в виде так называемой "Корейской волны" или "Халлю" по сравнению с другими регионами в Африке применяется не так широко. Однако он имеет важное значение. Кроме связующего звена для эффективного продвижения моделей развития и других проектов сотрудничества, "Корейская волна" через распространение корейской музыки и сериалов, которые стали особенно популярны в последнее время, формирует привлекательный образ не только с точки зрения культуры, но и быта. В итоге у многих реципиентов возникает желание посетить страну или как минимум приобрести товар, который с ней связан. К тому же хорошее впечатление на подсознательном уровне вырабатывает у нас доверие к товарам, произведённым в этой стране. В последние несколько лет заметно увеличился импорт корейской косметики, электроники и других предметов потребления в странах Африки, особенно этот рост заметен в Северной и Центральной части.

Заключение

Из года в год в Республике Корея увеличивается интерес к африканскому континенту. Меняются сферы интересов, а вместе с ними изменяются и инструменты, ресурсы и стратегии сотрудничества. Изначально политика в отношении Африки носила весьма условный характер, её основной целью

являлась конфронтация с КНДР, а также поиск союзников в этом противостоянии.

В начале 2000-х гг. эта тенденция несколько поменялась, начиная с этого периода африканский континент рассматривается как регион с неограниченным потенциалом роста. Тогда же Корея стремилась расширить свои рынки сбыта и диверсифицировать структуру импорта природных ресурсов, поэтому решает расширить экономическое сотрудничество. Кроме того, оказание гуманитарной помощи в целях развития и активное участие в международных организациях и проектах в перспективе должны повысить престиж бренда Республики Корея и увеличить её вес на международной арене.

Несмотря на то что основной курс политики, оформленный в конфронтации с Северной Кореей, перестал быть приоритетным, корейское правительство, сотрудничая со странами, которые находятся в дружественных отношениях с Севером, продолжает использовать регион как своего рода рычаг воздействия на северокорейское государство. Однако не всегда это воздействие имеет негативную подоплёку. Например, администрации Но Мухёна и Мун Джеина стремились к сближению и налаживанию отношений с КНДР, поэтому поддерживали позитивную коннотацию при построении стратегии, передавая через лидеров африканских стран свою готовность к диалогу.

Подводя итог, можно выделить следующие отличительные особенности использования "мягкой силы" Республики Корея в африканском регионе:

1) Избегание колониальных и экономически оппортунистических позиций по отношению к Африке. Реализация дискурсивной стратегии "чуткого государства", которое может делиться опытом и перспективами развития. Признание Африки субъектом, а не объектом для создания интерсубъективности.

2) Выбор целевых областей с точки зрения качественного подхода, а не количественного в противовес стратегии многоцелевого подхода, присущего китайскому или японскому стилю. То есть Корея не стремится занять как можно больше отраслей, а выбрать несколько, в которых она конкурентоспособна и которые в перспективе принесут большую доходность.

3) Участие в проектах развития, использующих высокий потенциал Республики Корея, а не просто участие в крупномасштабных проектах поддержки.

4) Творческое преобразование и применение "Движения за новую деревню" в условиях африканских стран в рамках передачи собственного опыта модернизации и демократизации.

5) Меры политического поощрения и поддержки для активного стимулирования входа частного бизнеса на рынок. Усиление местных предприятий, помощь при расширении их деловых возможностей.

6) Второстепенная вспомогательная роль "Корейской волны".

В целом внешнеполитическая стратегия Республики Корея схожа с международной практикой, она основана на общих концепциях и разработках, которые предлагают международные организации. Однако все эти концепции переработаны с опорой на собственный опыт, возможности и внутренний потенциал Кореи.

Литература

1. Братерский М. В., Скриба А. С. Концепция "мягкой силы" во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 130–144.
2. Тшилидзи Марвала, Индустрия 4.0: взгляд из Африки // ЮНЕСКО, [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2019-2/industriya-40-vzglyad-iz-afriki> (дата обращения: 01.12.2020 г.).
3. Africa // Ministry of Foreign Affairs, [Electronic resource]. URL: <http://www.mofa.go.kr/> (дата обращения: 02.12.2020 г.).
4. Jong-Dae Park, Re-Inventing Africa's Development. London : Palgrave Macmillan. 2019. 449 p.
5. Lee Geun. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Korean Journal of Defence Analysis, 2009. Vol. 21, № 2, June. Pp. 205–218.
6. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.

7. Seung-Woo Sim, Sung-Soo Kim, Economic Exchange between Korea and Africa, and the Plan of Peace and Diplomacy // *The Journal of Peace Studies*, 2019. Vol. 20, No. 4. Pp. 7–25.
8. KOICA 대아프리카지역협력전략. 성남 : 한국국제협력단, 2020. 139 쪽. [Региональная стратегия KOICA для развития Африки. Соннам : Хангук Кукчэхёмнэктан, 2020. 139 с.]
9. KOICA의 對아프리카 지역전략 "Hope With Africa" (2012-2015). 성남 : 한국국제협력단, 2012. 88 쪽. [Региональная стратегия KOICA для развития Африки "Hope With Africa" (2012-2015). Соннам : Хангук Кукчэхёмнэктан, 2012. 88 с.]
10. 변웅, 한국의 대(對)아프리카 외교 추진전략 // *정책연구과제*. № 2, 2014. 21–49쪽. [Пён Ун, Корейская стратегия дипломатии в Африке. С. 21–49.]
11. 새마을운동 글로벌 확산 박차 [Стимуляция глобального распространения "Движения за новую деревню"] // Ministry of the Interior and Safety, [Electronic resource]. URL: <https://www.mois.go.kr/> (дата обращения: 05.12.2020 г.).
12. 아프리카 개발을 위한 한국 이니셔티브. 서울: 외교통상부, 2006. 15쪽. [Корейская инициатива по развитию Африки. Сеул : Вэгётхонсанбу, 2006. 15 с.]

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Braterskij M. V., Skriba A. S. Kontsepsiya "myagkoj sily" vo vneshnepoliticheskoj strategii CSHA // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. 2014. T. 9. № 2. S. 130–144.
2. Tshilidzi Marvala, Industriya 4.0: vzglyad iz Afriki // YUNESKO, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2019-2/industriya-40-vzglyad-iz-afriki> (data obrashheniya: 01.12.2020 g.).
3. Africa // Ministry of Foreign Affairs, [Electronic resource]. URL: <http://www.mofa.go.kr/> (data obrashheniya: 02.12.2020 g.).
4. Jong-Dae Park, Re-Inventing Africa's Development. London : Palgrave Macmillan. 2019. 449 p.
5. Lee Geun. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // *Korean Journal of Defence Analysis*, 2009. Vol. 21, № 2, June. Pp. 205–218.
6. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
7. Seung-Woo Sim, Sung-Soo Kim, Economic Exchange between Korea and Africa, and the Plan of Peace and Diplomacy // *The Journal of Peace Studies*, 2019. Vol. 20, No. 4. Pp. 7–25.
8. KOICA 대아프리카지역협력전략. 성남 : 한국국제협력단, 2020. 139 쪽. [Regional'naya strategiya KOICA dlya razvitiya Afriki. Sonnam : KHanguk Kukchekhyomnyoktan, 2020. 139 s.]
9. KOICA의 對아프리카 지역전략 "Hope With Africa" (2012-2015). 성남 : 한국국제협력단, 2012. 88 쪽. [Regional'naya strategiya KOICA dlya razvitiya Afriki "Hope With Africa" (2012-2015). Sonnam : KHanguk Kukchekhyomnyoktan, 2012. 88 s.]
10. 변웅, 한국의 대(對)아프리카 외교 추진전략 // *정책연구과제*. №2, 2014. 21–49쪽. [Pyon Un, Korejskaya strategiya diplomatii v Afrike. S. 21–49.]
11. 새마을운동 글로벌 확산 박차 [Stimulyatsiya global'nogo rasprostraneniya "Dvizheniya za novuyu derevnyu"] // Ministry of the Interior and Safety, [Electronic resource]. URL: <https://www.mois.go.kr/> (data obrashheniya: 05.12.2020 g.).
12. 아프리카 개발을 위한 한국 이니셔티브. 서울: 외교통상부, 2006. 15쪽. [Korejskaya initsiativa po razvitiyu Afriki. Seul : Vehgyotkhonsanbu, 2006. 15 s.]

Журавлева Н. С. Республика Корея в Африке: "Мягкая сила" как базовый инструмент политики.

В данной статье рассматривается процесс становления и развития отношений Республики Корея со странами Африки. Анализируются основные инструменты и ресурсы "мягкой силы", применяемые Республикой Корея для закрепления в регионе и наращивания своего влияния. В ходе этого анализа изучаются ключевые современные стратегии, разрабатываемые корейским правительством и исследователями. Предпринимается попытка выделить главные отличительные особенности южнокорейских стратегий "мягкой силы" на африканском континенте.

Ключевые слова: *Республика Корея, Южная Корея, Африка, внешняя политика, "мягкая сила", публичная дипломатия*

Zhuravleva N. S. The Republic of Korea in Africa: Soft Power as a Basic Tool of Foreign Policy.

This article examines the process of formation and development of relations between the Republic of Korea and African countries. The article analyzes the main tools and resources of Soft power used by the Republic of Korea to consolidate in the region and build up its influence. This analysis examines the key current strategies being developed by the Korean government and researchers. There is an attempt to highlight the main distinctive features of South Korean Soft power strategies on the African continent.

Key words: *Republic of Korea, Africa, Foreign Policy, Soft power, Public diplomacy*

Для цитирования: Журавлева Н. С. Республика Корея в Африке: "Мягкая сила" как базовый инструмент политики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 134–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/134-144

For citation: Zhuravleva N. S. The Republic of Korea in Africa: Soft Power as a Basic Tool of Foreign Policy // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 134–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/134-144

Сведения о членах редакционной коллегии

- Филипова Александра Геннадьевна** (*главный редактор*) – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гаёе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Римская Татьяна Григорьевна** – кандидат исторических наук (*г. Находка*)
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург*)
- Хисамутдинова Наталья Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

Теория и методология регионоведческих исследований

Историческое регионоведение

Экономика и природопользование

Социальные и демографические структуры

Культурные и идеологические факторы регионализации

Политические отношения и управление регионом

Мировая система и международные регионы

Междисциплинарные и системные исследования региона

Регион в документах и свидетельствах

Науковедение

Дискуссия

Рецензии и обзоры

Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)

22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2021 № 3 (58)

Подписано к печати 03. 09. 2021 г. Вышло в свет 24. 09. 2021 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 12,60. Уч. -изд. л. 14,87. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

